

The book cover features a central illustration of a woman with long, dark, flowing hair, wearing a crown and a long, flowing green gown. She is standing in a desolate, post-apocalyptic landscape with dead trees and a ruined city in the background. The sky is dark and stormy. The title and author's name are prominently displayed in white text. The background of the cover is a dark, moody landscape with a ruined city and dead trees. The overall tone is dark and mysterious.

Колдовские
МИРЫ

ВИКТОРИЯ БОРИСОВА

ВЕНЕЦ ДЛЯ КОРОЛЕВЫ
ПРОКЛЯТЫХ

ВОЗЬМИ, ЧТО ХОЧЕШЬ, И ЗАПЛАТИ ЗА ЭТО

Annotation

Могла ли простая деревенская девчонка, тем более некрасивая, мечтать о том, что когда-нибудь она станет королевой? Мать и отчим решили отдать Гвендилену в монастырь, не надеясь выдать замуж, и она сама почти смирилась со своей участью... Но однажды на берегу озера, пользуясь в округе недоброй славой, она нашла драгоценный венец изумительно тонкой работы и, примерив его, поверила, что все еще может измениться!

Тогда она еще не знала, что за все приходится платить. И порой цена оказывается слишком высока...

- [Виктория Александровна Борисова](#)

-
- [Пролог](#)
- [Часть I. Деревенская девчонка](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
- [Часть II. Служанка](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
- [Часть III. Фрейлина](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)

- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Часть IV. Фаворитка](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
- [Часть V. Королева](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)

- [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Часть VI. Вдова](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Эпилог](#)
-

Виктория Александровна Борисова

Венец для королевы проклятых

© Борисова В.А., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Стоя на опушке мертвого, выгоревшего леса, женщина вглядывается в даль. Черные, обугленные деревья высятся у нее за спиной, а впереди расстилается плоская каменистая пустошь. Лишь кое-где торчат небольшие островки сухой травы, да колючие кусты, лишенные листьев, ошетинились длинными острыми иглами... Чуть поодаль поблескивает гладь озера, но темная, смоляная вода кажется ядовитой, несущей гибель всему живому. Остов древней полуразрушенной башни, что виден вдалеке, у самой линии горизонта, похож на скелет древнего чудовища – мертвого, но непостижимым образом все еще опасного и свирепого, поджидающего свою жертву.

Все вокруг словно дышит безнадежностью и отчаянием. Низкие тучи нависли над головой, солнца не видно, лишь багровые сполохи пробиваются сквозь серую пелену. Сам воздух здесь кажется отравленным – сухой, горячий, пахнущий гарью и еще чем-то неуловимо жутким, отвратительным, пугающим, напоминающим то ли запах тлена, то ли тонкий, но опасный аромат ядовитой травы *анврак*. От него слезятся глаза и першит в горле, хочется прикрыть лицо, задержать дыхание...

Женщина уже не молода, но все еще очень красива. В осанке, взгляде, складке губ, в повороте головы чувствуется особая сила, даже нечто царственное. Она одета в простое темное платье, ниспадающее свободными складками, но на голове переливается всеми цветами радуги венец изумительно тонкой работы, украшенный драгоценными камнями. В середине, надо лбом, сияет крупный ярко-зеленый самоцвет, вделанный в оправу в форме глаза. Он сделан так искусно, что кажется живым всевидящим оком.

Подняв руку, женщина легко прикасается к нему... И кажется, это придает ей уверенности. Она даже улыбается – чуть заметно, одними уголками губ.

Пальцы ощутили особое, нежное тепло и вместе с тем легкое покалывание, словно от присутствия мощной, грозной силы, наполняющей все ее существо. Много лет назад ей уже доводилось

испытать это странное, ни с чем не сравнимое чувство, и, наверное, после того дня вся ее жизнь изменилась необратимо.

Это было давно, очень давно...

Часть I. Деревенская девчонка

Глава 1

- Айя-а!
- Гвендилена-а!
- Я сейчас поймаю тебя!
- Только попробуй!

Звонкие девичьи голоса далеко разносятся над водой. Над озером Трелоно, именуемым также Проклятым или Бездонным, полыхает багрово-алый закат, и от воды поднимается легкий туман.

Две девушки-подростка плещутся на мелководье. Та, что чуть постарше – крупная, белокожая, с выющимися золотистыми волосами, – поднимает фонтаны брызг, пытаясь схватить сестру, другая – худощавая и черноволосая – ложится на воду и неумело, но старательно плывет туда, где глубже и ноги не достают до дна, отчаянно колотя руками и ногами.

- Ну куда ты... Там глубоко! – беспокоится старшая.
- А ты поймай меня, трусиха! – поддразнивает ее сестра.
- Солнце заходит... Хочешь угодить в Аннун? – голос старшей предательски дрожит. Она уже напугана не на шутку и с трудом сдерживается, чтобы не заплакать.

Одно упоминание об Аннуне – сумрачном царстве теней, куда, по преданию, попадают только проклятые души да еще люди по неосторожности и неразумию оказавшиеся близ опасных мест, открывающих путь в иные миры, – заставило опомниться отчаянную девчонку.

- Ну хорошо, хорошо, выхожу... – сдалась она.

Девушки вылезли из воды, дрожа от холода, натянули домотканые льняные платья, помогли друг другу зашнуровать тесемки... Если мать узнает, что они купались, да еще на закате, – обеим несдобровать. Отправляя дочек в соседнюю деревню к дальней родственнице Ольтине отдать старый должок, она строго-настрого наказывала не сходить с дороги и возвращаться засветло.

Но вместо того чтобы поспешить домой, девушки сидят на камне и смотрят, словно замороженные, как солнце медленно опускается, окрашивая темные воды озера в багровый цвет, будто наполняя его

кровью... Хотя озеро издавна почитается у окрестных жителей недобрым и опасным местом, где случалось порой такое, что не к ночи и вспоминать, но все же есть в нем своя особенная, дикая красота! К самой воде подступают причудливые каменные глыбы, похожие не то на окаменевших великанов, не то на руины древнего и величественного сооружения, неведомо когда и кем возведенного. Кажется, что здесь не властно само время, не действует привычный порядок вещей, невозможное становится возможным и случаются чудеса...

Старшая, Айя, мечтательно протянула:

– Говорят, тут иногда находят сокровища... Одна девушка перед свадьбой нашла ожерелье. Вот бы и мне найти что-нибудь! Буду самой красивой невестой.

Гвендилена только вздохнула. Сестра уже просватана и скоро выйдет замуж. Пусть ее жених, графский конюх по имени Вилерд, уже не молод (целых тридцать лет! почти старик), толст, неуклюж, у него рыжие волосы и смешные висящие усы, он громко хохочет, от него всегда пахнет пивом и луком, зато Айя станет взрослой замужней женщиной и, мало того, переберется в усадьбу. Там совсем другая жизнь – пиры, турниры, знаменитая графская охота, нарядные дамы и кавалеры... Даже слугам живется не в пример сытнее и веселее, чем крестьянам в деревне!

Хоть бы одним глазком посмотреть.

– Я тоже хочу! – отозвалась Гвендилена.

– Зачем тебе? – фыркнула старшая. – Ты ведь все равно обещана монастырю!

Гвендилена ничего не ответила, но брови сдвинулись, тонкие губы сжались в нитку, и лицо приняло жесткое и упрямое выражение. О том, что ей придется уйти от мира, чтобы всю жизнь работать и молиться, не видя ничего, кроме обители, знали все – и семья, и соседи... ну и она сама, конечно. Куда еще деться дочери бедной вдовы, особенно если красотой девушка не отличается? Хорошо еще, что монахини согласились ее принять. По крайней мере, голодать ей теперь точно не придется!

Гвендилена тысячу раз слышала эти резоны, но все же сердце отказывалось верить, что совсем скоро кованые ворота обители Всех Богов закроются за ней навсегда, отсекая от остального мира, от

прежней жизни, от смутных надежд и мечтаний, от видений, что порой являются в ночи...

К тому же она привыкла к мысли, что монастырь – это далеко, когда-нибудь, когда она станет взрослой. А это будет еще не скоро! Но вдруг оказалось, что время пролетело как-то незаметно. Совсем недавно Гвендилена с удивлением осознала, что это лето – последнее беззаботное время в ее жизни. Сразу после праздника Жатвы, когда монастырь, по обычаю, откроет двери для новых послушниц, она должна будет покинуть родной дом. Даже повеселиться на свадьбе сестры не успеет.

– Был бы жив отец, этого бы не случилось! – отрезала она.

Старшая опустила глаза. В самом деле, семья их была не совсем обычной. Отец Ригор был лесником и егерем графа Ральхингера. Однажды, будучи в хорошем расположении духа, граф даже назначил его старшим лесничим. Хотя в жизни отца от этого ничего особенно не изменилось, свое звание он носил с гордостью и по праздникам любовно начищал до блеска медный жетон с изображением скрещенных дубовых листьев, нарочно отлитый для него по приказу графа. Эту бляху он берег как самую большую драгоценность. Маленькая Гвендилена лишь изредка, украдкой, осмеливалась прикоснуться к ней и тут же отдергивала руку, опасаясь, что ее застанут на месте преступления и сурово накажут.

Впрочем, боялась она совершенно напрасно – в лесу отец проводил значительно больше времени, чем дома. Угрюмый, неразговорчивый, заросший черной бородой до самых глаз, с диковатым взглядом, он иногда казался почти что зверем. Мать – пухленькая, белокурая хохотушка, любившая цветные занавески, вышитые салфеточки, кошек и сдобные булочки, изрядно побаивалась его, хотя отец никогда не ругался и не дрался, как соседские мужчины. В его присутствии она как-то съеживалась, даже становилась меньше ростом, смотрела в сторону, говорила тихо и односложно, и на лице ее каждый раз появлялось странное выражение – одновременно испуганное и отстраненное.

Старшая дочь, Айя, во всем подражала ей – так же морщила нос, когда Ригор возвращался домой, пахнувший дымом от костра или перепачканный болотной грязью, так же брезгливо ошипывала дичь или чистила рыбу... Ели, правда, обе с аппетитом.

Зато Гвендилена в отце души не чаяла. Девочка удалась вся в него – такой же странной, молчаливой, даже диковатой. Как бы хотела она родиться мальчишкой, чтобы бродить по лесам вместе с отцом, знать каждую тропинку, понимать зверей и птиц, охотиться на зорьке, ежиться от холодной росы, пить из родника... Прижимаясь лицом к его походной куртке, висящей на гвозде в передней (ласкаться к отцу она не смела), маленькая Гвендилена мечтала о том, что, когда она вырастет, он станет брать ее с собой... И может быть, поймет со временем, что она ничем не хуже, чем сын, которого он так и не дождался!

Но надеждам ее не суждено было сбыться. Однажды весной трое молодых рыцарей решили поохотиться в графском лесу. В эту пору охота была строжайше запрещена – но что с того молодым и бесшабашным! Не в добрый час им повстречался лесничий... Они как раз собирались свежевать убитую лань. Что случилось дальше, доподлинно никому не известно, но домой отец больше не вернулся.

Никто бы не узнал о том, что с ним случилось, если бы не Варм – крупный черно-пегий охотничий кобель старинной аридамской породы, бывший его неизменным спутником. После гибели хозяина он выл всю ночь, да так страшно, что дети в деревне не могли заснуть, а старухи шептали молитвы, отгоняющие злых духов и оборотней.

Наутро пес прибежал в усадьбу Ральхингера. Здесь его знали – сам господин граф нередко хаживал на охоту в сопровождении Ригора и восхищался отлично натасканным псом, который умел подать в руки птицу, не помяв ни перышка. Он даже хотел купить собаку, предлагал любые деньги, но лесник неожиданно заупрямился. Как ни странно, граф не разгневался, лишь приказал пустить кобеля к лучшей суке со своей псарни, дабы получить от него потомство. С тех пор в усадьбе появились веселые длинноухие крапчатые щенки...

Граф приказал накормить собаку, но Варм не притронулся к пище. Непрерывно скуля и кротко взлаивая, он то отбегал, то возвращался, словно зовя людей с собой. Поняв, что случилось неладное, граф в сопровождении свиты отправился за ним. Пес привел их туда, где в неглубоком овражке лежало тело хозяина. Убийцы даже не потрудились закопать его как следует, просто забросали ветками и прелой прошлогодней листвой.

Господин граф был вне себя от гнева. Он даже не сразу заметил, что трое молодых рыцарей почему-то побледнели и упорно отводят глаза, стараясь не смотреть на мертвое тело... Один даже попытался незаметно улизнуть, прячась за спинами товарищей, но Варм оказался проворнее.

Пес бросился на убийцу, повалил на землю и уже нацелился вцепиться в горло, но граф приказал слугам оттащить его. Перепуганный юноша клялся, что невиновен, но, когда из крепко сжатого кулака покойника достали серебряную пуговицу от его камзола, перестал заперываться и признался во всем. Его сообщники тоже не смогли долго утаивать содеянное – избив главную виновника, Варм так злобно рычал на них, что казался не просто собакой, а воплощением *биггеляль* — адовых псов, что преследуют грешников в загробном мире.

Суд над убийцами лесника состоялся в тот же день. Господин граф был человеком по-своему справедливым, а потому, несмотря на отсутствие свидетелей – по крайней мере, тех, что ходят на двух ногах и наделены даром речи, – счел доказательства вины молодых рыцарей достаточными для смертного приговора. «Божий суд свершился!» – постановил он, и виновных повесили, несмотря на благородное происхождение. Тела их болтались на виселице несколько дней в назидание всем, и вороны кружились над ними с громким карканьем, справляя свою зловещую тризну.

Ригора похоронили на кладбище с соблюдением всех положенных обрядов – священник помолился за его душу, чтобы легче было покойному держать ответ перед Властелином смерти, соседи справили скромные поминки, и на могиле даже поставили камень. Пес улегся рядом и не сдвинулся с места, пока не издох. Господин граф, тронутый такой верностью, приказал похоронить собаку рядом с хозяином. Конечно, это было делом неслыханным, но, с другой стороны, если пес может свидетельствовать против человека на Божьем суде, так почему не может отправиться в Далекие поля вместе с тем, кого любил?

Ригора в деревне скоро все позабыли – из-за своей нелюдимости он не пользовался особым расположением односельчан, – но осиротевшей семье нужно было как-то жить дальше. Несмотря на то что граф приказал выплатить вдове щедрое вспомоществование из-за потери супруга и кормильца, она совсем растерялась. Впервые повязав

на голову широкую ленту с косым крестом – вдовый знак, что надлежит носить во время годовичного траура каждой женщине, потерявшей мужа, – она как будто сразу постарела на много лет, а главное, утратила желание жить.

Бывало, целыми днями бедная женщина бродила по дому в одной сорочке, непричесанная, и все валялось у нее из рук... Соседки из жалости подкармливали девочек и шептались, что, видно, суждено бедняжкам остаться круглыми сиротами.

Однако этого все же не случилось. К вдове начал захаживать сосед – пожилой и тоже вдовый лавочник Кирдал. В деревне многие ходили в его должниках, так что соседки даже завидовали. Еще бы! Не успела одного мужа схоронить, и вот уже другой у порога.

Мать быстро ожила, снова радостно принялась хлопотать по хозяйству, дом засиял чистотой и на кухне запахло такими любимыми ею свежими булочками... В свободные минуты она сидела за рукоделием, думая о чем-то своем, и на лице у нее появлялась застенчивая и нежная улыбка, как у юной невесты, ожидающей суженого у окошка.

Скромная брачная церемония состоялась сразу же после того, как истек срок годовичного траура. Правда, отчим оказался весьма прижимистым и не раз сетовал, что ему, человеку небогатому, приходится по доброте душевной кормить падчериц. Айя краснела и опускала глаза, а Гвендилена вся сжималась от еле сдерживаемого гнева... Горек хлеб, если им попрекают!

Но вскоре и тут все устроилось наилучшим образом – Айя приглянулась одному из графских слуг. Оставалось лишь подождать немного, чтобы она вошла в возраст невесты. Мать обрадовалась и тут же, не теряя времени, принялась собирать потихоньку нехитрое приданое. Даже отчим стал как-то добрее. Еще бы, ведь для девушки из деревни попасть в замок – большая удача! Да и родня, как правило, в накладе не остается... Младшую же, Гвендилену, которая не отличалась особой миловидностью («Худая, как жердь, рот лягушачий, да еще и дикая какая-то... Кто тебя только замуж возьмет?» – бывало, с досадой говорила мать.), решено было отправить в монастырь.

Она и сама давно смирилась со своей участью, но сейчас, глядя на полыхающий над озером закат, впервые задумалась о том, чем заслужила такое – провести всю жизнь взаперти, словно узница в

тюрьме? Это было так несправедливо, что девушка почувствовала, как обида закипает в душе и к глазам подступают жгучие злые слезы.

– Смотри! – встрепелась Айя. – Смотри, что там!

Гвендилена вздрогнула от неожиданности и повернула голову туда, куда указывала сестра. На камне высотой примерно по пояс взрослому человеку, похожем не то на цветок, не то на чашу, покоящуюся на тонкой изящной ножке, что-то сверкнуло в лучах заходящего солнца, да так ярко, что глазам на миг стало больно. Девчонки переглянулись и, не сговариваясь, бегом бросились туда.

Бежать по песку почему-то оказалось тяжело. Ноги вязли, мелкие камешки больно кололи подошвы... но отступать просто так девушки не собирались. Вскоре они уже стояли перед камнем-цветком – красные, запыхавшиеся, с растрепанными волосами – и не верили своим глазам. Еще бы! Перед ними лежало настоящее чудо – золотой венец изумительно тонкой работы. Трудно поверить, что человеческие руки могли сотворить такое... Блеск драгоценных камней завораживал, оправка казалась сотканной из золотого кружева, но главное – зеленый глаз в центре выглядел совершенно как живой!

И он наблюдал за ними.

Не смея прикоснуться, они любовались драгоценной находкой. Наконец Айя решилась.

– На свадьбе я буду лучше всех! – выдохнула она.

Дрожащими от волнения руками она осторожно взяла венец и уже хотела было надеть его, но не успела. Бесшумно, как кошка, Гвендилена бросилась на сестру. Не ожидая нападения, та упала, и они покатались по песку, ожесточенно и яростно пытаясь вырвать друг у друга вожаделенную находку. Айя почти завладела ею, но вдруг как-то странно, коротко вскрикнула, и тело ее бессильно обмякло. Удар острого каменного выступа пришелся ей прямо в висок...

Гвендилена жадно схватила венец. Она даже не заметила, что сестра лежит как-то странно, скорчившись, что голова ее неестественно вывернута, и лужица крови расплылась на песке. Главное – прекрасная вещь, о которой она и мечтать не могла бы, оказалась у нее в руках! Одно прикосновение к ней наполняло все ее существо радостным трепетом, так что дыхание перехватывало от счастья и сердце готово было выскочить из груди. Драгоценность, достойная даже герцогини... да что там, самой королевы!

Надев венец, она с трудом удержалась на ногах. На миг виски сжало так, что в глазах потемнело... но уже в следующий момент девушка почувствовала, как через все тело толчками переливается, поет и играет, словно вода в лесном роднике, невероятно мощная неведомая сила. Это было немного страшно и вместе с тем прекрасно, почти божественно!

Подхватив подол платья, Гвендилена почти бегом бросилась назад, к озеру. Она наклонилась над водой, чтобы полюбоваться своим отражением... да так и ахнула. На нее смотрела такая красавица, каких ей раньше встречать никогда не доводилось! Девушка не сразу поняла, что видит себя. То ли рябь на воде была тому виной, то ли драгоценный венец и впрямь обладал волшебным свойством преображать ту, что носит его, но лицо ее и в самом деле разительно изменилось. Смягчилась линия скул, губы стали нежными, чувственными и чуть пухлыми, глаза приобрели миндалевидный разрез и заискрились как два изумруда, соперничая с самоцветом надо лбом...

Гвендилена готова была любоваться собой бесконечно долго. Она склонилась ниже, но вдруг потеряла равновесие и упала в воду. Тело сразу сковал смертельный холод. Только что, когда они с сестрой купались, вода определенно была гораздо теплее! К тому же у берега было совсем мелко, а теперь озеро действительно оказалось бездонным...

Девушка отчаянно билась, пытаясь выплыть, но безуспешно – ее камнем тянуло в глубину, туда, где шевелились длинные ленты зеленоватых водорослей. Уже захлебываясь, она успела подумать о том, как жаль будет потерять чудом обретенную драгоценную находку и как жаль умереть именно сейчас, когда она впервые в жизни почувствовала себя такой красивой, сильной, по-настоящему живой!

И поняла, что для нее все еще может измениться.

Глава 2

Гвендилена и сама не поняла, как вышло, что темнота и холод выпустили ее из своих цепких объятий. Отчаянно барахтаясь, она сумела вынырнуть на поверхность, и первый же глоток воздуха чуть не разорвал легкие. Девушка закашлялась, выплевывая воду, и с удвоенной силой заработала руками и ногами. Близость спасения придала ей сил... И в самом деле – вскоре ноги нащупали твердое дно. Ощувив под собой опору, она чуть не расплакалась от радости.

Выбравшись на берег, Гвендилена долго лежала, пытаясь отдышаться. Придя в себя, она первым делом потянулась к голове. Странно, но венец по-прежнему был на месте. Просто непостижимо, как она умудрилась не потерять его!

Но радость от того, что вожаденная драгоценность осталась при ней, скоро сменилась недоумением и паническим ужасом. Мир, в котором очутилась Гвендилена, был разительно не похож на привычный и знакомый ей! Все вокруг было чужое, странное...

И пугающее.

Гвендилена поднялась на ноги. Мокрое платье облепило ее тело, холодная вода текла с волос и одежды, но сейчас она не чувствовала этого. Озираясь по сторонам, она видела темно-багровое небо, сгоревший лес, каменистую пустошь, башню вдалеке... очень хотелось поверить, что все это – только морок, видение, но сердце знало – с ней случилось худшее из того, что может произойти с человеком. Она действительно оказалась в Аннуне, царстве проклятых душ, откуда нет возврата.

В памяти всплыли рассказы старой Аливель – соседки, которую в деревне считали колдуньей. Одета в лохмотья, тряся седой головой и опираясь на суковатую палку, она ходила по дворам, прося подаяния, и никто не отказывал ей. Не то чтобы люди в деревне были так уж милосердны, просто боялись, что у старухи дурной глаз и она может наслать *маранил* – проклятие или порчу.

Бывало, придя в хорошее расположение духа, Аливель заходила в чей-нибудь дом, усаживалась у очага (выгнать ее прочь ни у кого не хватило бы духу!) и заводила то длинные рассказы о деяниях героев

давно минувших времен, то сказки о зверях и птицах, в которых почему-то угадывались человеческие черты, то страшноватые легенды о драконах и привидениях... И такова была сила ее слов, что, бывало, все собирались вокруг, побросав свои дела, и готовы были слушать ее, раскрыв рот, чуть ли не до утра.

От нее маленькая Гвендилена впервые услышала об Аннуне. За окнами мела вьюга, и в канун Йома – праздника середины зимы – в доме собрались соседки и родственницы. Отец, как это бывало нередко, остался на ночь в графской усадьбе, и женщины решили повеселиться от души! Кто-то придумал позвать сказочницу, чтобы позабавила всех своими историями, и старуху не пришлось просить дважды.

В тот вечер Аливель была в ударе. Может быть, впервые за долгие годы она выглядела не как полоумная деревенская старуха, а как вдохновенная пророчица. Глаза ее сияли, и голос, сливаясь с воем ветра, звучал так таинственно... Но вместо веселых историй, что ожидали услышать женщины, она поведала нечто совсем другое. Многим эта праздничная ночь запомнилась надолго!

– Давным-давно, в незапамятные времена, жил на краю земли могущественный и злобный великан по имени Киллх. Лицом он был черен и подобен то ли зверю, то ли демону, но еще чернее была его душа. Он умел повелевать ветрами и ураганами, вызывать проливные дожди или засуху, насылать саранчу или полчища крыс...

Люди боялись его и не смели ни в чем ослушаться. И немудрено – любого, кто посмел бы перечить Киллху, ждала страшная участь! Одним взглядом он мог заживо испепелить человека, свести с ума или наслать болезнь, когда несчастный гниет заживо, испытывая бесконечные страдания.

Киллх требовал, чтобы ему поклонялись как богу. На острове Тори воздвиг он башню из стекла и жил там. Раз в году, в ночь, когда умирает солнце, он приказывал людям устраивать праздник в свою честь, но страшен был этот праздник... Две трети детей, родившихся в течение года, приносили в жертву. Не было ни одной женщины, что не потеряла бы дитя, ни одной, что не поседела бы до срока!

Но еще хуже было другое. Люди привыкли так жить и ползали на брюхе перед великаном. Они дрались за право служить ему, доносили друг на друга, подличали, лгали... Бывало, что особо отличившихся

Киллх и впрямь приближал к себе. Они становились *керем-таш*, неприкасаемыми для других и неподсудными человеческим законам. В знак того, что уже не принадлежат к миру обычных людей, они носили одинаковые берестяные личины, скрывающие лица, и особую черную одежду с серебряной перевязью. *Керем-таш* заходили, как хозяева, в любой дом, брали что хотели и делали все, что им вздумается. Ни один человек не смел прекословить им, даже если на его глазах убивали ребенка или насиловали жену!

Так продолжалось до тех пор, пока однажды не случилось чудо – бедная старуха-вдова родила ребенка. Мальчик был подобен луне и солнцу, его кудри сверкали, как золото, а лицо испускало чудесный свет... Мать не могла нарадоваться на свое дитя. Когда пришел срок жертвоприношения, она попыталась спрятать ребенка, но слуги Киллха нашли его.

Женщина валялась у них в ногах, плакала, умоляя оставить ей чудом обретенного сына, но они не слушали ее, только оттолкнули сапогами. Сердце ее не выдержало и разорвалось, она упала замертво, а они забрали ребенка и ушли, спокойно переступив через ее тело.

Аливель покачала седой головой и сокрушенно добавила:

– Бывает, и люди становятся хуже демонов.

Она замолчала надолго, и лицо ее стало скорбным. Никто не смел сказать ни слова, только слышно было, как потрескивают дрова в очаге да завывает ветер за окном. Старуха думала о чем-то своем, устремив невидящий взгляд в пространство. На миг показалось, что она впала в сонное оцепенение... Или даже умерла.

Наконец, будто спохватившись, она продолжала:

– Когда наступила полночь и мальчика положили на жертвенный камень, он не плакал, наоборот – улыбался. Дважды *алгат-керем*, главный служитель Киллха, заносил над ним жертвенный нож, изготовленный из черного обсидиана, и дважды опускалась его рука. Наконец, на третий раз он зажмурился, чтобы не видеть ребенка... И в тот же миг ослеп. Его глаза лопнули, как перезрелые виноградины, кровь потекла по лицу, но никто не заметил этого, потому что случилось чудо.

Аливель выдержала эффектную паузу, но, когда она заговорила снова, на лице ее играла улыбка мрачного торжества.

– Ночную тьму прорезал свет, подобный свету тысячи солнц. В небе возшло светило, какого никто не видел раньше. Огромный огненный шар, переливающийся всеми цветами радуги, приближался к земле, и мощь его вызывала восторг и ужас одновременно. Младенец на алтаре радостно залепетал что-то, протянул свои пухлые ручки – и тут же исчез, словно его никогда и не было.

И тут огненный шар взорвался, рассыпая фонтаны искр. Свет, беспощадно яркий, затопил все вокруг. Одни люди попадали на землю, стараясь прикрыть головы, другие, обезумев, бежали прочь, некоторые вдруг вспыхивали, как живые факелы, или просто падали замертво...

Страшно зарычал Киллх, но время его кончилось. Расступилась земля, и башня обрушилась сквозь нее. Так появился Аннун – обиталище проклятых душ.

Аливель покачала седой головой и тяжело вздохнула.

– С тех пор люди стали другими. Небесный свет, что они увидели в ту ночь, проник в их души, и они устыдились самих себя. Слуг Киллха убивали, как диких зверей, а бывало, они сами кончали с собой, не в силах больше жить под тяжестью совершенных грехов и преступлений.

– А что было дальше? – прошептала Вилма, жена деревенского трактирщика. Ее толстые щеки дрожали, глаза округлились от страха. Старая Аливель чуть улыбнулась в ответ, но маленькой Гвендилене в этой улыбке почудилось что-то жутковатое, *нездешнее*.

– Время идет, заживают раны... даже страшная расселина, в которую провалилась Стеклянная башня, постепенно закрылась. Лишь иногда в тех местах находят прозрачные камешки. Некоторые считают их драгоценными, но мудрые люди точно знают – это осколки Стеклянной башни! Ограненные, они сверкают и переливаются, но не приносят своим владельцам ничего, кроме горя, раздоров, безумия и смерти.

Она сдвинула седые брови и закончила спокойно и твердо:

– Жизнь человека полна страданий и потерь. Каждый стремится избежать их по мере сил. Люди боятся потерять имущество и близких, боятся болезней, смерти... Да много чего еще! – старуха невесело усмехнулась. – И все потому, что не знают, чего нужно бояться по-настоящему.

Она зачем-то опасливо оглянулась по сторонам и заговорила, понизив голос, почти перейдя на шепот:

– Бойтесь попасть в Аннун. Бойтесь этого больше всего! Там не светает и не темнеет, там всегда стоит сумрак, и по каменистым пустошам бродят неприкаянные тени. Им не дано ни уйти в свет, обрета спасение, ни возродиться в одном из миров, чтобы искупить свои грехи. Для них нет надежды... и нет участи страшнее, чем эта.

В доме все давно заснули, и старая Аливель отправилась восвояси, хлебнув доброго пива, что сварила мать, но Гвендилена не сомкнула глаз в ту ночь. Ей все чудился испуганный плач обреченных детей и злобный рык великана...

А еще – сумрачное, недоброе место, где вечно блуждают неприкаянные души.

С тех пор прошло немало времени, но историю об Аннуне Гвендилена не забыла. И сейчас она удивленно озиралась, словно узнавая уже знакомые места...

Непонятно было, почему она здесь одна. «Видно, я еще не умерла... – растерянно подумала девушка. – Давно известно, что живые не могут видеть мертвых, а мертвые живых!»

Только подумав об этом, Гвендилена заметила, как воздух стал сгущаться, обретая подобие формы, и совсем скоро перед ней возникла длинная череда серых теней. Тела их казались полупрозрачными, будто сотканные из легкой кисеи, и эти существа были похожи на людей... Но не совсем.

В каждом из этих созданий было что-то ощутимо *неправильное*, уродливое, жуткое. Здесь были изможденные, похожие на скелеты мужчины и женщины, протягивающие вперед исхудавшие руки, и безобразно раздутые толстяки, были слепые, и черные провалы вместо глаз выглядели особенно страшно, были женщины, прижимающие к себе мертвых младенцев...

Всех их, таких разных, объединяло неуловимое сходство. Гвендилена и сама не могла бы объяснить, в чем оно заключается – в выражении лица, взгляде, движениях... Словно большая семья собралась на празднике, чтобы выпить пива, обменяться новостями, а потом усесться за общим столом.

И ей, вполне возможно, предстоит стать главным блюдом!

Они все приближались, и Гвендилена видела, как их руки тянутся к ней. Она испугалась, что сейчас эти чудовища растерзают ее, но вышло иначе – может быть, еще страшнее.

Все взгляды разом устремились на нее – точнее, на венец у нее на голове. Казалось, изумрудно-зеленый глаз у нее надо лбом действовал на них гипнотически... Камень имел особенную власть и облакал этой властью любого, носящего его, как облакает властью королевская корона. Теперь уродливые тени стали вдруг на диво любезны, даже подобострастны. Они почтительно кланялись, расступались перед ней, на жутких лицах Гвендилена видела заискивающие улыбки.

Но это вовсе не радовало девушку, напротив – пугало еще больше! Путь, что открывался перед ней, вел прямо к башне, возвышающейся вдалеке. Остов знаменитой Стекло́нной башни, созданной древним колдовством, вызывал такой темный ужас, что хотелось бежать прочь без оглядки, и вместе с тем Гвендилена чувствовала всем своим существом, что она обречена и у нее нет другого пути, только туда...

Словно замороженная, она сделала несколько шагов, но вдруг опомнилась. Покорно погибать, как овца на бойне, идти навстречу уготованной судьбе? «Ну уж нет! Верно же когда-то говорила мать, что ничто в жизни не дается даром... Если из-за красивой безделушки я оказалась здесь, то пропади она пропадом!»

Последним отчаянным движением Гвендилена сорвала с себя венец и швырнула в толпу, а потом с разбегу бросилась в озеро. Лучше уж утонуть, чем стать жертвой этих нелюдей или, того хуже, стать одной из них!

Вода обожгла холодом, но девушка отважно нырнула в глубину. До последнего момента, когда силы окончательно покинули ее и сознание погасло, она надеялась, что призраки не умеют плавать и не бросятся вслед за ней.

О том, чтобы спастись, она уже не думала.

Глава 3

Гвендилена пришла в себя от холода. Вокруг было темно, и девушка не сразу сообразила, что уже наступила ночь. Шел дождь, холодные тугие струи били прямо в лицо... Бушевала гроза, и темноту разрывали лишь яркие вспышки молний.

Айя лежала чуть поодаль. Гвендилена бросилась к ней, но, сколько ни трясла, ни тормошила, тело оставалось бесчувственным, холодным и странно тяжелым. Вспышка молнии осветила ее лицо, и, заглянув в широко распахнутые пустые глаза, Гвендилена невольно отшатнулась. Только сейчас она поняла, что сестра умерла...

И она сама убила ее.

Это было так страшно, что Гвендилена застыла на месте, прижав руки ко рту. Хотелось крикнуть: «Я не хотела! Это произошло случайно... Я не виновата...» – но слова будто застряли в горле. Непоправимость происшедшего сводила на нет все оправдания, превращая их в жалкий, беспомощный лепет.

Что сказать, если Айя больше не встанет, не засмеется, не перекинет через плечо тяжелую косу, перевязанную алой лентой... Не бывать ее свадьбе с Вилердом, и платье, что мать любовно вышивает уже третий месяц, так и останется ненадеванным.

Гвендилена без сил опустилась на холодный сырой песок рядом с телом сестры и разрыдалась, отчаянно и безутешно. Больше всего ей сейчас хотелось умереть, умереть, как Айя...

Плакала она долго, так, что даже слезы иссякли. Как ни странно, от этого она ощутила особенное, горькое облегчение. «Надо что-то делать дальше, – решила Гвендилена, – но вот что именно?»

При одной мысли о том, чтобы вернуться домой, все внутри леденело от ужаса. Как объяснить, что случилось с Айей? И что будет с ней, убийцей родной сестры? Никто не поверит, что это была просто случайность, никто не встанет на ее защиту – даже родная мать! Айю она всегда любила больше, а ее просто терпела, иначе ни за что не согласилась бы отдать в монастырь.

И что будет потом – подумать страшно. Скорее всего, ее просто забьют камнями, как забили в прошлом году дочь соседа, удавившую

тайком незаконно прижитого ребенка. Она закопала его в овраге, но собаки притащили крохотное тельце и положили на пороге дома, словно надеясь, что его можно еще возвратить к жизни... А потом рыжую зареванную Кайту привязали к дереву, и каждый, проходя мимо, должен был бросить в нее камень – даже отец с матерью.

Гвендилена уже совсем было впала в отчаяние, но вдруг где-то совсем рядом сквозь шум дождя и завывание ветра послышался чей-то голос:

– Вас было только двое...

От неожиданности она вздрогнула и оглянулась по сторонам. Вокруг по-прежнему никого не было, только Айя лежала чуть поодаль, холодная и неживая. Гвендилена не сразу сообразила, что незнакомый голос звучит у нее в голове, а когда поняла, что это так, испугалась еще больше. Неужели она помешалась в разуме или стала одержимой злыми духами? Там, в Аннуне, их было более чем достаточно!

Она заткнула уши и отчаянно замотала головой, но тихий вкрадчивый голос звучал упорно и настойчиво, твердя о том, что на озере их было только двое, и, раз уж сестре теперь не помочь, совсем не обязательно рассказывать дома, что случилось на самом деле. Главное – никому нельзя говорить ни про венец, ни про то, что она побывала в Аннуне. За такое, пожалуй, и на костре сжечь могут!

Значит, надо говорить правду, но не всю. Айя просто оступилась, упала и разбила себе голову о камень... И больше ничего не было!

А если было – только померещилось.

Гвендилена повторяла эти слова без устали, пока брела домой под дождем, увязая в грязи, оскальзываясь и падая, поднимаясь вновь... И к тому моменту, когда постучалась в дверь родного дома и упала от изнеможения у порога, почти поверила в них сама.

Глава 4

Новость о происшествии на озере взбудоражила всю деревню. Первые дни Гвендилену трясло, как в лихорадке, но о том, что случилось с сестрой, девушка говорила вполне разумно и уверенно, хотя каждый раз при этом начинала плакать, повторяя: «Айя... Бедная моя сестра... Она хотела найти сокровище... Быть самой красивой невестой на свадьбе...»

Ей поверили все – и семья, и соседи. Люди, что отправились к озеру и нашли там тело Айи, вполне подтвердили ее слова. Правда, старух, что обмывали ее перед похоронами, немного смутили синяки на плечах покойницы, но и этому нашлось вполне убедительное и правдоподобное объяснение:

– Я трясла ее... Пыталась привести в чувство, – рыдала Гвендилена, – сперва она еще дышала... А потом затихла. А я... Я не смогла ей помо-очь!

Странно, конечно, было, что девушка явилась домой лишь под утро... Но в окрестностях озера Трелоно издавна случалось всякое, а Каменный Лес почитался недобрым и опасным местом. Бывало, что люди там и вовсе пропадали бесследно! Некоторые, впрочем, объявлялись снова – иногда в тот же день, иногда через годы, – но внятно объяснить, что с ними произошло, эти несчастные уже не могли, бормотали что-то невнятное и до конца дней оставались немного не в себе. Так что, можно сказать, Гвендилене еще повезло! «Радуйся, что не потеряла обеих дочерей! – повторяли соседки, стараясь утешить мать. – У тебя осталась хотя бы младшая...»

Но это не очень-то помогало. Узнав о смерти Айи, мать сначала впала в странное оцепенение, не могла ни есть, ни говорить, ни даже плакать – просто сидела, уронив руки вдоль тела и глядя куда-то в пустоту.

Когда Айю привезли домой, она всплеснула руками и зарыдала. Старухи шептались, что это хороший знак – мол, поплачет и успокоится, ведь всем известно, что слезы смывают печаль! Но женщина вся ушла в свое горе, будто утонула в нем. Слезы струились у нее по лицу, что бы она ни делала – прибирала дом к похоронам,

готовила угощение для поминок, спешно заканчивала вышивку на подвенечном платье для дочери... Даже во сне она продолжала плакать, так что подушка была мокрой наутро.

По старинному обычаю Айю похоронили в свадебном платье. Мать как раз успела его дошить... Рану на виске заботливо прикрыли широкой алой лентой, и в гробу девушка лежала как живая. Казалось, что она просто прилегла отдохнуть и заснула. Ее белое, словно из мрамора изваянное, лицо было холодным и отстраненно-прекрасным, как никогда в жизни.

Стоя у свежевыкопанной могилы, Гвендилена вспомнила последние слова сестры. «Буду самой красивой невестой...» Что ж, в каком-то смысле ее желание сбылось! Смерть выявила ее особую, скрытую красоту, и в памяти людей, что пришли проститься с ней, она останется такой навсегда.

Провожать Айю в последний путь пришла вся деревня. Плакали навзрыд ее многочисленные подружки, мать голосила, напрасно зовя дочку, и даже отчим уронил скупую мужскую слезу. Неизвестно, правда, что было тому причиной – то ли жалость к падчерице, то ли досада на то, что зря кормил девчонку целых пять лет.

Зато конюх Вилерд, жених, так и не ставший мужем, так убивался по юной невесте, что, казалось, его сердце вот-вот разорвется. «Видно, он все-таки любил ее по-настоящему! – запоздало думала Гвендилена, глядя на его покрасневшие глаза, трясущиеся рыхлые щеки и обвисшие, мокрые от слез усы. – И все-таки какой он старый и некрасивый...»

Когда гроб опустили в могилу и комья земли застучали по крышке, Гвендилене вдруг показалось, будто на самом деле хоронят ее, а не сестру. Перед глазами потемнело, зашумело в ушах, и ноги почему-то перестали держать... Обессиленная, она опустилась на землю и заплакала отчаянно и безутешно. В этот миг ей больше всего хотелось признаться во всем, чтобы только сбросить с души эту тяжесть, а там – будь что будет, пусть хоть убивают... Но из горла вырывались только судорожные рыдания.

К счастью, все вокруг увидели не раскаяние убийцы, а просто горе девушки, потерявшей сестру. Соседки заботливо помогли ей подняться, обнимали за плечи, приговаривая какие-то слова, приличествующие случаю, даже воды принесли... Уже в следующий

миг Гвендилена сумела взять себя в руки. Она благодарила за помощь и сочувствие, сокрушалась о сестре, но душа трепетала от радости из-за того, что, будучи на волосок от гибели, она все же сумела удержаться на самом краю и не выдать свою тайну.

Вскоре Гвендилена почувствовала себя значительно лучше. «К счастью, людей не так уж трудно обмануть... – думала она, шагая домой во главе похоронной процессии, – главное, говорить то, что они хотят услышать!»

Старухи замечали следы вениками из свежесрезанных веток, чтобы умершая не смогла больше вернуться и тревожить живых, а маленькая девочка с белокурыми кудряшками разбрасывала хлебные крошки для птиц. Было жарко, небо сияло чистой и яркой синевой, но в воздухе уже висело предчувствие близкой осени.

И на миг у многих появилось странное ощущение, что совсем скоро что-то должно измениться и маленький, тесный мирок сельской общины, в который так неожиданно и грубо вторглась смерть, уже никогда не будет прежним.

Глава 5

Лето кончилось. Осенние дожди в тот год зарядили необычно рано, так что сено не успели убрать окончательно, и рачительные хозяйки в деревне горестно вздыхали – опять придется зимой скотину резать!

После случившегося Гвендилена сильно изменилась – стала тихой, задумчивой и словно устремленной вглубь себя. О том, чтобы отправить ее в монастырь, речь не шла – по крайней мере, до следующего года, когда истечет срок траура, но девушка и так почти перестала выходить из дома, шутить, смеяться, бегать на деревенские танцульки...

Она жила как прежде – ела, спала, помогала матери по хозяйству, – но почти не замечала происходящего вокруг. Все это больше не имело для нее никакого значения. Лишь иногда, застывая перед зеркалом, она подолгу всматривалась в свое отражение. Даже самой себе она не смогла бы признаться, что каждый раз втайне надеялась увидеть ту зеленоглазую красавицу, что когда-то смотрела на нее из глубины озера Трелоно!

Но лицо в зеркале оставалось таким же, как раньше, только в глазах появилось новое выражение – одновременно горестное и жестокое. Уголки губ опустились, щеки залила бледность, волосы повисли безжизненными прядями, будто пакля... Гвендилена с досадой отворачивалась. Смотреть на себя, такую жалкую и некрасивую, было неприятно. Хотелось разбить зеркало или, по крайней мере, спрятать его подальше, но проходили дни, и девушка снова с тайной надеждой всматривалась в холодное равнодушное стекло – а вдруг?

Мать разом сникла и постарела. Работала она старательно, но все валялось у нее из рук. Выстиранное белье нередко оказывалось в пыли, сваренный суп – разлит по столу, рубаха – сшитой сикось-накось... Иногда она, забывшись, окликала Айю, а потом начинала плакать тихо и безутешно.

Бывало, Гвендилена ловила на себе острый, сухой, почти ненавидящий материнский взгляд. «Ты должна была оказаться на ее

месте! – говорили ее глаза. – Почему ты жива, а ее больше нет?» Ответить было нечего, и девушка опускала голову. Она боялась, что мать рано или поздно догадается, что произошло на самом деле...

Или уже догадалась, но не хочет говорить об этом.

Отчим все чаще пропадал в кабаке. Не то чтобы смерть падчерицы так уж сильно опечалила его, но, видно, жизнь в доме, похожем на склеп, скоро опостылеет кому угодно.

Когда осенние дожди сменились метелями, мать и вовсе перестала вставать с постели. Она гулко кашляла, и порой на платке, которым она вытирала губы, расцветали алые пятна крови. Деревенская знахарка Милва отпаивала женщину травяными отварами, но каждый раз, когда она приходила в дом, Гвендилена читала на ее лице, что все труды и хлопоты бесполезны.

Так и вышло. Когда мать умерла, за окнами завывала вьюга, и ветер швырял колючую снежную крупу. Мать задышалась и кашляла, ночь казалась нескончаемо долгой... Когда к рассвету измученная женщина наконец затихла, ее лицо разгладилось и стало таким спокойным и умиротворенным, словно она сама была рада, что для нее все кончилось.

Потом были похороны – на этот раз тихие и скромные. Зимой многие сельчане стараются не выходить из дома без особой надобности... Могильщик ворчал, что трудно рыть могилу в промерзшей земле. Пришлось разводить костры, чтобы согреть ее хоть немного, и отчим был вне себя из-за того, что похороны обошлись ему дорого.

На поминках он сильно напился и в первую же ночь попытался влезть в постель Гвендилены. По обычаю, после похорон огни в доме не гасили, и в мерцающем свете масляной лампы красное лицо, бессмысленно вытаращенные мутные глаза и слюнявый рот казались особенно отвратительными. От запаха перегара, лука, гнилых зубов и пота девушку чуть не вырвало. В первый момент она оцепенела от неожиданности, страха и отвращения, но быстро взяла себя в руки. Злость придала ей решимости... Откуда только силы взялись!

Молча, с каким-то холодным ожесточением, словно отчим был не человеком, даже не животным, а каким-то грязным предметом, который неизвестно почему оказался не на своем месте, Гвендилена вытолкала его из постели и уже метнулась было за отцовским

охотничьим ножом, по старой памяти висящим на стене, но этого не понадобилось. Отчим свалился на пол и захрапел, а она просидела до утра, забившись в угол и сжимая нож в руках.

На следующий день Кирдал даже не вспомнил о ночном происшествии... Или только сделал вид, что не вспомнил. Вел себя, во всяком случае, как ни в чем не бывало – ел, громко чавкая и отрывая, храпел во сне, ворчал из-за расходов... Хотя это уже скорее по привычке.

Гвендилена тоже делала вид, будто ничего не произошло. Она молча ставила перед отчимом тарелку с едой – и так же молча убирала, подметала полы, стирала белье... Но дверь в каморку, что прежде она делила с сестрой, теперь припирала кочергой и отцовский нож всегда клала под подушку.

Правда, все предосторожности оказались излишними. Попытку овладеть ею насильно отчим больше не повторял. К тому же у него было немало иных забот – дела в лавке шли все хуже и хуже. Неизвестно, что стало тому причиной – то ли угрюмый вид вечно пьяного Кирдала, стоящего за прилавком, отпугивал посетителей, то ли просто не до покупок стало сельчанам в долгую голодную зиму...

Большую часть времени лавка пустовала. В конце концов отчим продал ее трактирщику Гаверу – точнее, просто уступил в обмен на неограниченный кредит в его заведении. Тот давно собирался расширять свое дело... Однажды, когда Кирдалу было нечем расплатиться за выпивку, сделал ему заманчивое предложение, и они тут же ударили по рукам.

С тех пор его жизнь превратилась в нескончаемый праздник. День начинался с утреннего опохмела и заканчивался ночной попойкой в кабаке. Быстро нашлись друзья-собутельники, тем более что выпивкой он делился охотно. В каком-то смысле отчим стал совсем другим человеком, и вовсе не таким скупердям, как раньше! Разумеется, это означало скорую и неизбежную нищету, но он не думал, что будет дальше, жил сегодняшним днем...

И возможно, впервые в жизни был счастлив.

Однажды, в середине зимы, вскоре после праздника Йома, он возвращался из кабака, но до дома так и не дошел – упал в сугроб и замерз. Отчего-то новоявленные друзья не пошли проводить его, как делали это обычно, и тело нашли только утром.

Весть о смерти отчима Гвендилена выслушала спокойно, хотя и поплакала немного для приличия, чтобы соседи не подумали ничего дурного. На самом деле она испытывала скорее облегчение от того, что больше не придется спать с ножом под подушкой, хотя и знала, что после потери единственного кормильца ей придется туго.

И снова горели костры на кладбище... Отчима похоронили рядом с матерью. Ее могила сильно просела, словно она хотела потесниться, чтобы освободить место для мужа. Казалось, она только и ждала его, чтобы окончательно упокоиться с миром.

Глава 6

Гвендилена осталась одна в пустом доме. Поначалу ей было страшновато, особенно по ночам – то казалось, что где-то скрипнула половица, то слышался тихий вздох или стон, как будто неупокоенные души приходили проводить прежнее обиталище... Впрочем, скоро девушка привыкла. Стоит ли пугаться неведомого, когда мирские ежедневные заботы гнетут гораздо сильнее!

Каждый день Гвендилена видела, как припасов в кладовой остается все меньше, и понимала, что дожить до весны будет непросто. Она старалась есть как можно меньше и вскоре научилась довольствоваться совсем крошечной порцией. Все чаще девушка чувствовала, как кружится голова и темнеет перед глазами, если резко подняться. Однажды она даже потеряла сознание и пролежала на холодном полу от сумерек до глубокой ночи.

По ночам в щели дома задувал ветер, стены порой покрывались инеем, и вода в ведре к утру схватывалась тонкой ледяной корочкой. Девчонка дрожала от холода, а дров не хватало. Приходилось, собрав все силы, отправляться в лес за хворостом. Каждый раз Гвендилена боялась, что упадет и больше не сможет встать, зато потом веселое пламя плясало в очаге, вознаграждая за все труды и мучения. Жаль только, что вязанки хватало ненадолго и совсем скоро все приходилось начинать заново. Дрожа по ночам в холодной постели, Гвендилена часто думала, что весна, наверное, уже никогда не наступит...

А если и наступит, ей самой до нее не дожить.

Рассчитывать было больше не на кого. Иногда Гвендилене казалось, будто ее окружает прозрачная, но вполне ощутимая стена, отделяющая от остального мира, от людей... Даже соседи, что раньше жалели ее и старались помочь, чем могли, начали сторониться. Дом обходили стороной и при встрече опускали глаза, стараясь не встречаться взглядом, украдкой скрещивали пальцы в Знаке Защиты и, шепча слова обережного заговора.

Монастырь, который раньше так страшил ее, теперь казался последним прибежищем, последней надеждой... Но вскоре

Гвендилена убедилась, что даже обитель Всех Богов не примет ее, меньше чем за год потерявшую всех близких.

В праздник Рождения Солнца, что отмечают, когда день начинает прибывать, река ломает лед и в лесу появляются первые проталины, Гвендилена по обычаю принесла в храм сушеные яблоки и *варнегар* – особые сладкие пирожки, что пекут в виде фигурки жаворонка, призывая весну. Чтобы приготовить их, ей пришлось, забыв о гордости, пойти к Вилме, жене трактирщика, и попросить немного меда и масла. Сама Гвендилена уже давно и в глаза не видела подобной роскоши, но почтить Храм было необходимо. Иначе как потом явиться туда, чтобы просить покровительства и приюта?

Стоя на пороге лавки (той самой, что еще недавно принадлежала отчиму!), Гвендилена скороговоркой пробормотала свою просьбу. Вилма выслушала ее, но не удостоила даже словом в ответ. В ее взгляде явственно читалось все, что она думала о попрошайках... Словно никогда она не была подругой матери, не бывала у них в доме и не приводила с собой маленькую дочку Линну, чтобы поиграла с Гвендиленой и Айей, пока женщины сплетничали за стаканчиком вишневой наливки или доброго пива!

С тех пор прошло немало лет – и многое изменилось. Гвендилена выросла, Айя погибла, и матери уже нет в живых... Линну, подружку детских игр, ставшую самой завидной невестой в деревне, отец давно не выпускает из дома – нечего, мол, его дочери якшаться с какими-то деревенщинами! – и прочит выдать замуж не меньше чем за графского управляющего.

А сама Вилма из молодой и веселой женщины стала тяжеловесной, будто каменной бабищей с холодными глазами и вечно опущенными уголками сжатых губ. Ее пухлые пальцы унижены перстнями, на шее позвякивают цветные бусы, но отчего-то она кажется погасшей, неживой...

Неожиданно для себя самой Гвендилена почувствовала что-то вроде жалости к бывшей подружке матери. Пусть она сыта каждый день и носит цветные бусы, но муж ее – человек грубый, жестокий и почти такой же жадный, как покойный отчим. Когда-то, бывало, она жаловалась матери на мужнины побои и попреки. Не похоже, что с тех пор Гавер стал добрее!

Словно уловив ее мысли, Вилма вдруг смутилась, опустила глаза и поспешно скрылась в задней комнате лавки. Гвендилена поняла, что разговор окончен. Остается только повернуться и уйти прочь, но она продолжала ждать, сама не зная чего.

И, как оказалось, не напрасно. Вскоре трактирщица появилась снова. На щеках ее горели красные пятна, и глаза как-то подозрительно припухли... Вилма положила перед девушкой небольшой сверток.

– Забирай и уходи, – процедила она сквозь зубы.

Опустив голову, Гвендилена взяла сверток и пошла прочь. Потом, дома, когда она пекла пирожки, так трудно было удержаться, чтобы не попробовать хоть кусочек! Но она точно знала – если даст себе волю, остановиться уже не сможет. А обрядовое угощение непременно нужно отнести в монастырь!

Но все труды и унижения оказались напрасны – монахини не взяли ее дары. На длинном столе для приношений корзинка, покрытая салфеткой с розами (еще мать вышивала), выглядела так одиноко и сиротливо! Гвендилена растерялась и чуть не расплакалась от обиды.

Потом к ней вышла толстая монахиня и принялась увещевать. Она говорила о том, что срок траура священен, что нужно достойно позаботиться о душах близких, проводя время в одиночестве, молитве и строгом посте, и тогда, возможно, Всевышний смилуется над ними и откроет Врата Света...

Голос был сладким, вкрадчивым, но в ее глазах – маленьких, прищуренных и холодных – Гвендилена видела совсем другое. «Уходи и не возвращайся, – говорили эти глаза, – уноси свою беду, чтобы нас она не коснулась!»

Очень хотелось крикнуть ей в лицо: «Где же ваше милосердие? Зачем вы врете и себе и людям?» – но Гвендилена сдержалась. Бессмысленно... Все равно здесь ей не будет ни защиты, ни приюта. Поостерегутся монахини – а что, если у новой послушницы дурной глаз? Что, если она стала *ангним*, одержимой злым духом, сеющим смерть вокруг себя? Нет уж, лучше оставить все зло и печаль этого мира за воротами, дабы не отвлекаться от молитв и благочестивых размышлений.

Она терпеливо выслушала наставления и ушла, прихватив свою корзинку. Не пропадать же добру! В тот же вечер она съела *варнегар* до последней крошки – одна, в темноте, в пустом холодном доме...

И медовая начинка казалась ей горькой на вкус.

Девушка уж совсем было пала духом, когда однажды, подметая полы, она случайно нашла под половицей мешочек, набитый серебряными монетами. Очевидно, отчим припрятал и забыл о них... Развязав туго закрученные тесемки и увидев деньги, Гвендилена расплакалась от радости. Впервые она ощутила к отчиму что-то вроде благодарности. Пусть он не был хорошим человеком при жизни, зато после смерти помог ей, хотя и против собственной воли!

Теперь, по крайней мере, можно было быть сытой каждый день... Ну почти. Гвендилена немного воспрянула духом. Она даже позволяла себе иногда купить в лавке *кайрим* – дешевые разноцветные леденцы, и, поудобнее устроившись у горящего очага, долго-долго перекаtywала во рту сладкие шарики, жмурясь от удовольствия.

О будущем девушка старалась не задумываться. Она понимала, что денег хватит ненадолго, и совсем скоро, как только наступит тепло, придется решать, что делать дальше – или наниматься кому-нибудь в услужение, или отправляться в монастырь, другой, подальше от дома... В любом случае придется уходить куда-нибудь, где никто не знает ее и не будет шарахаться, как от зачумленной!

Но это будет потом.

Глава 7

В начале весны, когда снег уже сошел и на пригорках, пригретых солнцем, появилась первая травка, когда старики, глядя на небо, прикидывали, каким выдастся год – урожайным или голодным, – а в храме Всех Богов начали возносить молитвы о добром урожае, в деревне стало твориться что-то неладное. Казалось, что весь устоявшийся и привычный порядок вещей вот-вот рухнет, будто карточный домик от дуновения ветерка, а что будет дальше – знают только боги... Именно неизвестность пугала больше всего.

Как обычно, в середине зимы граф Ральхингер покинул усадьбу и отправился в Орну, ко двору короля Людриха, дабы засвидетельствовать свое почтение и принять участие в *таймери-гивез*. Слово это в деревне произносили с особым придыханием, хотя вряд ли кто-то из сельчан имел хотя бы приблизительное представление о том, что оно означает.

Но Гвендилена знала. Конюх Вилерд, навещая сестру, любил прихвастнуть... Он часто и с удовольствием рассказывал бесконечные истории о славных деяниях графа Ральхингера, и по всему выходило, что господин без него просто шагу ступить не мог. Конюх был преисполнен гордости от приближенности к власти имущим. Гордо подбоченившись, он подкручивал ус, красуясь перед юной невестой, и Айя краснела, как маков цвет, опуская глаза...

Про *таймери-гивез* Вилерд рассказывал особенно часто и охотно. Видно, поездки в столицу были для него самыми яркими и запоминающимися событиями!

– Такое дело... Столица – это тебе, понимаешь, не деревня! Дороги мощеные, дома каменные. Как приезжаем, значит, сразу не на постоянный двор какой-нибудь, а прямо в королевский замок! Там ешь-пей от пуза, всего вдоволь – и мяса, и хлеба, и пива... А благородные господа запираются в большом зале и говорят до поздней ночи, а бывает, и до утра. И помешать им никто не могли, хоть гори крыша над головой! Государственное дело, понимать надо. Как закончат – кидают в очаг сырые дрова, чтобы, значит, дым густой валил. Тогда слуги сразу как всполошатся, как забегают – умора глядеть! Несут, значит,

господам всякой снеди – и кабанов на вертеле, и дичь, и заморские фрукты, и вина самолучшего, музыкантов ведут, фокусников, танцовщиц... И такое начинается!

На этом месте Вилерд обычно закатывал глаза, выдерживал эффектную паузу и заканчивал свой рассказ всегда одинаково:

– Столица, понимаешь! Королевский двор!

Обычно господин граф возвращался домой вскоре после Йома... Но не в этот раз. Не вернулся он ни к Рождению Солнца, ни к празднику Соловин, после которого начинаются полевые работы. Это было очень странно – обычно он считал своим долгом выпить кружку пива и пожелать своим поселянам доброго урожая! Господин граф всегда строго следовал старым обычаям.

Вестей от него не было, и по деревне поползли нехорошие слухи. Болтали всякое – одни говорили, что граф тяжело занемог, другие – что он стал жертвой банды разбойников, орудующих на большой дороге... Таким болтунам, впрочем, никто не верил – не такой был человек граф Ральхингер, чтобы дать себя убить ватаге каких-то оборванцев! Да и вооруженные молодцы из его свиты, что, как обычно, отправились сопровождать господина, недаром хлеб едят.

Но все равно – ощущение тревоги и приближающегося несчастья с каждым днем становилось все сильнее. Беспочинно были цепные собаки и плакали дети по ночам, у Шерата, деревенского старосты, корова родила двухголового теленка, и в ночь перед Равноденствием, с которой начинают отсчет следующего года, в небе видели Хвостатую Звезду, что, безусловно, было недобрый знаком. Последний раз такое случилось лет двести назад, в царствование блаженной памяти короля Агеси́ра Доброго, перед нашествием варваров-тойренов...

И граф все не возвращался. Госпожа Вердана, его супруга, приказала монахиням в обители Всех Богов молиться за здоровье мужа и его скорейшее возвращение. Она и сама приезжала в храм – разряженная в шелк и бархат, горделивая и прекрасная, как всегда... Но даже монахини заметили, что ее лицо залила бледность, под глазами залегли синие тени, и глаза – красные, воспаленные, с опухшими веками – глядели тоскливо и почти обреченно.

Правда, злые языки болтали, что ночью, тайком, графиня послала своих слуг за старой Аливель и сулила большие деньги, если та скажет ей о судьбе мужа. Разбив сырое яйцо в стакан с водой, старуха долго

всматривалась в него, будто искала только ей ведомые приметы, а потом скорбно поджала губы и начертала на высоком и чистом лбу графини крест – вдовый знак. И гордая госпожа не рассердилась на такую фамильярность, не приказала прогнать дерзкую прочь или наказать ее!

Что было дальше – никто доподлинно не знал. Слугам приказано было удалиться, но любопытная горничная по имени Ферла клялась, что видела, как графиня рыдала на плече Аливель, уткнувшись лицом в ее лохмотья, а старуха все гладила ее по плечу и что-то шептала на ухо.

Неизвестно, правда это или нет, на следующее утро госпожа Вердана приказала запрягать лошадей и спешно куда-то уехала в сопровождении нескольких самых доверенных слуг, взяв с собой лишь маленького сына да шкатулку с драгоценностями.

Графская усадьба, оставшаяся без хозяев, на удивление быстро пришла в запустение. Старинный дом, родовое гнездо многих поколений, выглядел так, будто из него ушла жизнь. Слуги бесцельно бродили по комнатам, не зная, что делать дальше. Одни – впрочем, немногие! – уходили прочь, куда глаза глядят, другие, особо предприимчивые, тащили все, что попадется под руку, но были и такие, кто предпочел остаться и надеяться на лучшее, несмотря ни на что.

Старая Аливель с тех пор как будто лишилась последних остатков разума. Она целыми днями бродила по деревне, повторяя: «Бегите! Бегите прочь... Может быть, еще успеете!» Односельчане в испуге шарахались от нее. Одни спешили осенить себя обережным знаком, другие шептали молитвы или сплевывали в сторону, отгоняя злых духов. Поговаривали о том, что ведьму давно пора бы утопить, зашив в мешок, или, по крайней мере, прогнать прочь из деревни, но исполнить это никто не решился – слишком силен был страх перед ее чарами. В конце концов даже горячие головы сочли за лучшее оставить старуху в покое.

Только Милва, знахарка, зазвала ее однажды к себе, встретила ласково, напоила *гердлем* – напитком из горячего пива с пряностями и медом, до которого старуха была большая охотница, и о чем-то шепталась с ней всю ночь... А наутро исчезла из деревни, ни с кем не

попрощавшись и прихватив лишь свои снадобья да старую книгу в почерневшем от времени переплете, которой очень дорожила.

Это было странно, но не слишком. Чего еще ожидать от женщины, которая живет одиноко, ни с кем не дружит и занимается какими-то непонятными делами – то бродит по лесу в поисках трав и корешков, то сидит целыми днями, уставившись в свою книгу?

Жизнь шла своим чередом – растаял снег, семена легли в теплую влажную землю, на полях появились первые всходы, и коровы мычали на пастбище, радуясь теплу и свежей травке...

Но люди чувствовали себя осиротевшими и потерянными, в ожидании большой беды.

Глава 8

Однажды под утро сонную тишину над деревней нарушили конский топот, крики и лязг железа. Приоткрыв ставни и опасливо выглянув наружу, люди увидели всадников в развевающихся на ветру черных плащах, мчащихся по единственной деревенской улице. В тусклых предрассветных сумерках они казались не людьми, а призраками Дикой Охоты, что проносятся в небе перед грозой или ураганом... Хотелось поскорее закрыть окна, запереть дверь на засов, спрятаться в погребе – авось не найдут, не заметят, пройдет мимо беда!

Но тщетно. Ржут кони, грызя удила, и незваные гости стучат в окна и двери.

– Выходите! Выходите! Все на площадь!

Первой из своей лачуги выбежала старая Аливель. С растрепанными седыми волосами, в лохмотьях, развевающихся на ветру, она бесстрашно бросилась наперерез всадникам, отчаянно размахивая руками и что-то выкрикивая на непонятном языке. Казалось, конские копыта вот-вот растопчут ее, но лошади почему-то стали как вкопанные, храпя и роняя пену. Даже всадники выглядели обескураженными.

Только один – широкоплечий, рыжебородый – сумел сохранить самообладание. Привычным движением он вытащил меч из ножен, холодным синеватым огнем сверкнула отточенная шергиранская сталь... Миг – и старуха упала, корчась в собственной крови.

На ее крик выбежал староста Шерат – босой, в исподних штанах, с топором в руке. Когда-то давно старик служил в ополченцах, даже воевал в Агеларане, и теперь был преисполнен решимости защитить свой дом и семью.

– Кто вы такие? – крикнул он. – Убирайтесь прочь, иначе...

Договорить он не успел. Седая голова отлетела в сторону, и рыжебородый, пряча в ножны обагренный кровью клинок, произнес, обращаясь к мертвому телу:

– Ты глуп, старик! Но все же я отвечу на твой вопрос. Перед тобой – *шеди-аваль*, королевский карательный отряд!

И, оглядевшись вокруг, добавил:

– Так будет с каждым, кто осмелится нам помешать.

Это было как гром среди ясного неба! Много лет из уст в уста передавались страшные истории о нашествии тойренов, когда варвары обрушились на империю, словно стая саранчи. Но сейчас не враги пришли, не захватчики – люди на королевской службе! От разбойника можно и должно защищаться, спасая свою жизнь и достоинство, но восстать на своего господина – худшее из преступлений...

Липкий, душный страх подкатывает к горлу. Торопливо одеваясь, дрожащими руками застегивая пуговицы и завязывая тесемки, люди и помыслить не смеют, что с ними будет дальше. Дети хнычут спросонья, испуганно тараща глазенки, матери стараются успокоить их как могут, а мужчины лишь хмуро ворчат – что, мол, копаетесь так долго! Неровен час – всем беда...

И правда – всадники-демоны не ждут. Они кричат, ругаются последними словами, подгоняя отстающих ударами плетей... Люди бредут, как покорное стадо, спотыкаясь и падая. На мертвые тела они стараются не смотреть. В сердце каждого еще трепыхается робкая надежда, что, может быть, все обойдется, нужно только не перечить, проявить должную покорность и смирение.

Один из рыцарей – совсем еще юнец с пробивающимся пухом на щеках – заметил синеглазую Линну, дочь трактирщика Гавера. Знаком он приказал ей подойти. Краснея, опустив голову, девушка повиновалась. Рыцарь спешил, привязал лошадь к дереву и, не стесняясь присутствующих, одним движением разорвал на ней платье от ворота до подола. Линна ахнула, слезы брызнули у нее из глаз... Она тщетно пыталась прикрыться обрывками одежды, а рыцарь лишь удовлетворенно хмыкнул и принялся расстегивать штаны.

На Гавера было больно смотреть. Его толстые щеки тряслись, по лицу текли слезы, но он не посмел вступиться за дочь.

– Не надо, господин... – бормотал он, – оставьте ее, умоляю вас... Я заплачу, заплачу, сколько скажете!

Трясущимися руками он развязал кошелек, что всегда носил на поясе, но рыцарь лишь недобро прищурился.

– Похоже, ты вздумал торговаться со мной? Хочешь купить своими медяками? Я и так возьму, что захочу!

Вилма, которая до того стояла рядом с мужем, не смея поднять голову, вдруг страшно закричала и бросилась на насильника, пытаясь

вцепиться в глаза. В первый миг он даже оторопел от неожиданности. Женщина успела оцарапать ему лицо, так что на щеке показалась кровь. Рыцарь отшвырнул ее, занес боевой топорик... Ее лицо уже превратилось в кровавое месиво, а он все продолжал наносить удары, рыча, словно зверь. Потом, насытив свой гнев, он повалил на землю дрожащую от ужаса Линну – здесь же, рядом с телом матери.

Когда всех согнали на площадь, уже рассвело, но нерадостным было утро. Солнце поднялось над горизонтом в серо-сизой туманной дымке, словно даже оно, Божье Око, не желало видеть происходящего.

Люди стояли, не смея сказать слово или пошевелиться, дабы не рассердить *шеди-аваль*. В этой покорности было что-то жуткое, но рыцари в черном были вполне довольны. Они весело переговаривались между собой, даже смеялись... Наконец рыжебородый – видимо, старший над остальными – выступил вперед.

– Слушайте меня, поселяне! Граф Ральхингер, презрев вассальную клятву, восстал на нашего короля. Его герб будет сломан, замок – разрушен, деревни – сожжены. Людям же – разумеется, лишь тем, кто не был замешан в подлых бесчинствах своего господина – по милости нашего короля, сохранят жизнь.

По толпе пробежал вздох облегчения. Но радоваться было рано. Рыжебородый строго глянул исподлобья, его подручные взяли за рукояти мечей – и снова стало тихо. Затаив дыхание, люди ждали решения своей судьбы.

А рыцарь продолжал:

– По крайней мере, некоторым. Они будут проданы в рабство, дабы своими трудами возместить хотя бы частично нашему милостивому повелителю тот вред, что нанес их вероломный господин.

В толпе снова раздались всхлипы, стоны и причитания – впрочем, тихие, сдавленные... Даже сейчас парализованные страхом жертвы боялись рассердить своих мучителей. Ведь рабство – это все-таки жизнь!

Но что будет с теми, кого не продать на торгу, – стариками, больными, маленькими детьми? Вопрос этот у многих застыл на устах, но произнести вслух его никто не осмелился.

И ответ не заставил себя долго ждать. Рыцари быстро, деловито и сноровисто разделили толпу – мужчин отделили от женщин, а тех, кто

показался бесполезным, согнали в большой сарай. Сопротивляться никто не смел – все видели, что случилось со старой Аливель и Шератом! Женщины старались успокоить детей:

– Тише, тише, не плачь! Все будет хорошо.

Самых маленьких вырывали из рук матерей и отдавали старухам. Те безропотно брали на руки младенцев, своих и чужих внуков и правнуков, и покорно шли, привычно и бережно придерживая драгоценную ношу. Трактирщик Гавер, которого, видимо, сочтя слишком старым и неуклюжим, повели к сараю, все пытался сунуть в руки карателям свои монеты.

– Умоляю... Умоляю вас, господин, отпустите меня! Я заплачу! Много заплачу!

Но рыцарь лишь рассмеялся. Он ударил трактирщика по руке, монеты раскатились по земле, и пузатый Гавер, опустившись на четвереньки, напрасно пытался собрать их. Ему не дали подняться на ноги и, подгоняя пинками, заставили ползти на четвереньках. Молодые рыцари находили это весьма забавным и хохотали от души.

Каратели заперли двери сарая, обложили его соломой и хворостом и подпалили с четырех сторон. Стоя на площади, люди видели, как взлетают к небу языки пламени, слышали крики и стенания, вдыхали черный удушливый дым... Никто не посмел двинуться с места – так велик был страх перед *шеди-аваль*. Только молодой Кервуд, услышав голос матери, как безумный бросился к горящему сараю. Свистнула стрела, вонзилась ему в спину между лопаток, и парень упал, коротко вскрикнув, дернулся несколько раз и затих навсегда.

Раздавленные ужасом случившегося, люди впали в странное, тяжелое оцепенение. Никто не заметил, как рассыпались по дворам каратели, дабы поживиться их добром, как выгоняли из хлевов скотину, как поджигали опустевшие дома...

Они покорно дали заковать себя в кандалы и двинулись за телегами, груженными их же нехитрым скарбом, – вперед, навстречу новой, рабской жизни.

Часть II. Служанка

Глава 1

Путь до Терегиста занял десять дней, может быть, немного больше или меньше – Гвендилена сбилась со счета. Ей он показался бесконечно долгим...

Проезжий тракт, проложенный еще во времена империи, давным-давно пришел в запустение, так что от дороги остались только колеи, заросшие травой. Говорят, раньше купцы ездили здесь чуть ли не каждый день, но теперь, после того как некогда огромная и могущественная держава распалась на пять королевств, непрерывно враждующих между собой, путешествия стали делом нелегким и опасным. На дорогах хозяйничали банды разбойников. Благородные господа ездили с многочисленной свитой, торговым людям приходилось нанимать охрану, но все равно нередко путники пропадали без вести, и только кости их белели по оврагам вдоль дороги...

Разумеется, напасть на обоз, охраняемый *шеди-аваль*, осмелились бы немногие, потому караван продвигался без помех, хотя и не слишком быстро. Невольников, скованных попарно кандалами, приковали к длинной цепи, чтобы легче было присматривать за ними. Для женщин сделали некоторое послабление – им сковали только руки, но идти все равно было тяжело.

Охраняя невольников, *шеди-аваль* менялись между собой. Свободные от несения службы ехали чуть поодаль, шутили, смеялись... Казалось, что не людей ведут они продавать на торгу, а просто сопровождают обоз или гурт скота. Иногда надсмотрщики попадались добрые – они не пускали лошадей рысью, даже разрешали присаживаться на телеги, иногда – злые и жестокие, и тогда свистели кнуты и раздавались жалобные стоны...

Шагая вместе с другими, Гвендилена изо всех сил старалась сдержать крик, рвущийся из глубины ее существа. Отупеть, ослепнуть и оглохнуть – только так можно выжить! Думать только о куске хлеба, о месте у костра, смотреть в землю, терпеть и ждать – все что остается.

Лишь однажды, проходя мимо Нарединского холма, где, как говорят, давным-давно стоял замок, называемый Гнездом Драконов,

Гвендилена подняла голову и посмотрела в небо. Ей показалось, что на мгновение среди облаков мелькнули очертания золотого замка, парящего в воздухе высоко над землей. В этот миг она позабыла обо всем — на волшебный замок хотелось смотреть бесконечно... Но видение скоро исчезло.

Не все сумели сразу смириться с рабской долей. Мужья и жены, женихи и невесты, братья и сестры звали друг друга, обмениваясь бесполезными клятвами:

— Мира, я найду тебя! Только потерпи...

— Авер, я буду тебе верна! Я люблю тебя! Мы будем вместе!

Поначалу надсмотрщиков это веселило, но вскоре стало заметно раздражать. По спинам загуляли кнуты, не разбирая правых и виноватых, а потом лошадей пустили вскачь, так что рабам пришлось бежать за ними, задыхаясь и в кровь сбивая ноги. После этого желающих окликнуть близких больше не находилось... Люди шли в молчании и лишь иногда, на привале, позволяли себе перекинуться словом вполголоса. Многие женщины, потерявшие детей, плакали по ночам — тихо, сдавленно, чтобы надсмотрщики не заметили.

Немало хлопот доставляла Линна. После того, что случилось с ее семьей, она повредила рассудком — то плакала, то смеялась, то бормотала что-то непонятное, то порывалась бежать куда-то... Всегда такая опрятная, кокетливая, теперь она даже не замечала, что на ней все то же платье — грязное, окровавленное, разорванное от ворота до подола, — и не стыдилась своей наготы. Сердобольная Варда пыталась дать ей свой передник, чтобы девушка могла прикрыться, но Линна тут же сорвала его под дружный хохот надсмотрщиков.

В конце концов рыжебородый старшина (теперь все невольники знали, что его зовут Хайрем, и вздрагивали при одном упоминании его имени) подошел к девушке во время дневной стоянки, посмотрел ей в глаза, зачем-то потрогал лоб и досадливо покачал головой. Он велел снять с нее кандалы и отвел в сторону, к глубокому оврагу. Послышался короткий, сдавленный крик, потом стало тихо... А назад Хайрем вернулся уже один.

— Все равно бы не дошла до Терегиста, — он с досадой покачал головой, пряча в ножны тяжелый охотничий нож, — да и кто такую купит? Порченный товар!

Рыжебородый говорил деловито, хозяйственно, будто речь шла о занемогшей скотине, которую пришлось прирезать. У многих от его слов пробежал мороз по коже... Но те женщины и девушки, что шли рядом с Линной, вздохнули с облегчением – бедная безумная слишком сильно дергала цепь, да и удары кнутом доставались им чаще других.

В Терегист они вошли на закате дня. Надсмотрщики немилосердно торопили невольников, и в конце концов лихорадочное возбуждение передалось и им. Когда вдали показались городские стены, высокие башни и даже узкая полоска моря, сверкающая в лучах заходящего солнца, даже рабы воспрянули духом – конец пути близок! Отдых, ночевка под крышей, может быть, даже горячая еда – есть ли счастье больше?

Город встретил их шумом и суетой. Казалось, все здесь не идет, а бегут, не говорят, а тараторят, как будто спешат куда-то и очень боятся опоздать. Мощные мостовые под ногами, огромные каменные здания, нарядные прохожие – все было внове! Гвендилена вертела головой, стараясь разглядеть удивительные диковины вроде фонтана на площади или статуй, изображающих то грозных всадников с мечами, то благочестивых святых... «Счастливы же люди, которые могут здесь жить, ходить по улицам и смотреть по сторонам сколько угодно!» – с завистью подумала она и чуть не заплакала. Раньше ей как-то не приходило в голову, как это прекрасно – просто идти куда хочешь, хотя бы и в родной деревне, когда руки не скованы опостылевшими кандалами, а за спиной не стоит надсмотрщик с кнутом!

На базарной площади, рядом с овощными лотками и загонами для скота, старшина Хайрем долго спорил о чем-то с толстым, приземистым бородачом. Отойдя в сторону, они кричали так, что, казалось, вот-вот поубивают друг друга, но в конце концов ударили по рукам. Хайрем, получив увесистый мешочек золота, обратился к невольникам с краткой, но содержательной речью:

– Это почтенный Амлер. Теперь он – ваш хозяин, и все вы должны слушаться его, почитать и повиноваться ему во всем, как надлежит рабам. Молитесь о том, чтобы боги поскорее послали вам добрых и щедрых хозяев!

Невольников отвели в большой сарай и заперли там. Они без сил повалились на пол, прикрытый соломой, и так, вповалку, заснули – все, но не Гвендилена. До поздней ночи она не могла сомкнуть глаз,

несмотря на усталость. Раздувая ноздри, она вдыхала новые, прежде незнакомые запахи. Пахло солью, рыбой и еще чем-то неуловимым, но невероятно притягательным. В самом воздухе было что-то будоражащее, опасное и вместе с тем дарящее надежду. Все еще может измениться! Надо только верить в это, верить всей душой...

Где-то совсем рядом волны мерно бились о берег. Гвендилена заснула, и впервые за многие дни ей снилось что-то хорошее – что именно, она потом так и не смогла вспомнить, как ни старалась. Скорчившись на соломе, девушка спала, подложив руку под щеку, как когда-то в детстве, и улыбалась во сне.

Глава 2

И потянулись дни томительного ожидания... На ночь невольников запирали в большом сарае, а днем выводили на базарную площадь, чтобы выставить на продажу, словно скот. Кормили плохо и скудно, но все же не настолько, чтобы умереть с голоду – хозяин заботился о том, чтобы не пришлось нести убытки.

Покупатели были разные – домовитые хозяйки, подыскивающие умелых слуг, мастеровые, фермеры... Иногда попадались какие-то скользкие типы и женоподобные надушенные щеголи. Эти интересовались в основном миловидными мальчиками-подростками, и даже надсмотрщики на рынке смотрели на них с брезгливым презрением, опасаясь случайно прикоснуться.

Каждый день кого-то уводил новый хозяин, но почему-то на Гвендилену никто не обращал внимания. Покупатели скользили по ней равнодушным взглядом и проходили мимо. Никогда не забыть, как однажды она позавидовала трем девушкам – совсем юным, лет по тринадцать-четырнадцать! – которых купила какая-то полная, ярко одетая женщина, нарумяненная, с подведенными глазами... Другие невольницы потом шептались, что девочек продали в «веселый дом». Что это такое, Гвендилена себе не представляла, но название ей понравилось. Наверное, там совсем не плохо, если она выбирала самых миловидных!

Время шло. Весну сменило лето, когда от палящего зноя камни мостовой становились такими горячими, что обжигали ноги, потом в воздухе повеяло прохладой... С моря задули северные ветры, по ночам ревели шторма. Никого из бывших односельчан, с кем вместе Гвендилена пришла в Терегист, больше не осталось рядом. От этого она чувствовала себя еще более одинокой, хотя особой дружбы ни с кем из них не водила.

Амлер, работорговец, все чаще как-то странно посматривал в ее сторону, и каждый раз у Гвендилены сердце сжималось от страха – что, если он хочет избавиться от нее? Хорошо еще, если просто прогонит прочь, чтобы не кормить попусту, а если убьет? Ведь прирезал же

Хайрем несчастную Линну! Всем известно, что хозяин волен поступать с рабами как пожелает...

Но ее опасения оказались напрасными. В один из дней, когда летнее тепло отступает, освобождая место осени, Гвендилене все-таки повезло – по крайней мере, она сама так думала.

С самого утра день как-то не задался. Накрапывал мелкий дождь, покупателей на рынке было мало, а в Невольничьи ряды и вовсе почти никто не заходил. Надсмотрщики лениво переругивались между собой, и Амлер, опасливо поглядывая на небо, уже подумывал о том, что пора бы отвести «живой товар» назад в сарай – все равно торговли не будет!

Но вдруг послышался цокот копыт. Кавалькада всадников въехала на рыночную площадь, и Гвендилена вся сжалась от страха. Слишком уж это напомнило появление *шеди-аваль* в родной деревне! Правда, на этот раз всадники не выглядели столь грозными и на них не было черных плащей, развевающихся на ветру, но одинаковые бляхи на перевязях из алого бархата свидетельствовали о том, что эти люди находятся на королевской службе...

И добра от них ждать не стоит.

Завидев их, сам хозяин, Амлер, изменился в лице. Втянув голову в плечи, он даже попытался незаметно улизнуть, но не тут-то было. Один из рыцарей перегородил ему дорогу своим конем.

– Куда же ты, почтенный? – осведомился он. – Разве ты не рад нас видеть? А ведь недавно называл нас своими благодетелями!

Он подбоченился и с усмешкой наблюдал, как Амлер, стараясь сдерживать дрожь в коленях, неуклюже кланялся, бормоча слова оправдания:

– Уверяю вас, господин Гирард, я и в мыслях не держал избегать вас! Просто... – он беспомощно оглянулся вокруг, словно ища поддержки, – просто я уронил монету и хотел ее найти!

Неизвестно откуда в руках у него появился золотой. Амлер поднял его, показывая всем, и радостно улыбнулся, словно и впрямь отыскал пропажу.

– Закатилась под помост... Верно, думала сбежать от папаши Амлера? Ну уж нет, от меня еще никто не сбегал! А кто сбегал – сильно жалел об этом, – бормотал он, будто разговаривая сам с собой, – теперь я нашел тебя благодаря господину Гирарду, и было бы только справедливо...

Он протянул монету на раскрытой ладони, всадники захохотали, но тот, кого он называл Гирардом, кажется, вовсе не настроен был шутить... Или рассчитывал получить гораздо больше.

– Прекрати паясничать, Амлер. Ты торгуешь, богатеешь... Но забываешь, кому обязан этим!

Толстяк как будто даже обиделся.

– Как вы можете говорить такое, почтенный Гирард! – произнес он. – Я делаю все что могу, даже больше! Верите ли, приходится торговать себе в убыток... Эти дармоеды обходятся мне дороже, чем стоят сами!

– Кого ты хочешь обмануть, старый лис? Тебе не удастся разжалобить даже собственную мать! Разве для этого доблестные *шеди-аваль*, стражи порядка и законности, доверяют тебе, ничтожному, распродавать достояние врагов короны?

– Я исправно плачу налоги королю! – Амлер даже чуть приосанился. – Извольте посмотреть, у меня есть охранный грамота с гербовой печатью!

Он вытащил из-за пазухи пергамент с большой сургучной печатью и торжествующе помахал им в воздухе, но всадника это вовсе не впечатлило.

– Этого недостаточно, Амлер! Ты не платишь налогов в казну принца Хильдегарда, нашего повелителя!

Амлер помолчал и осторожно спросил, искоса глядя на всадника:

– А что, разве принц Хильдегард уже стал королем? Неужто богам угодно было призвать к себе короля Людриха вместе с его старшим сыном, а я, ничтожный, не знаю об этом?

Удар хлыста чуть не сбил его с ног. Тот, кого он называл Гирардом, побледнел от гнева:

– Ты много болтаешь, Амлер. И, клянусь, дорого заплатишь за свой длинный язык!

И, обернувшись к своим спутникам, приказал:

– Эй, взять его! Все слышали, что он произносил хулу на членов королевской семьи и желал им смерти? А этих, – он указал на невольников, полумертвых от страха, – отправить в замок Кастель-Мар. Не пропадать же добру!

Глава 3

И снова был долгий путь... Правда, на этот раз не столь утомительный. То ли новые надсмотрщики оказались милосерднее *шеди-аваль*, то ли просто не хотели наносить урон достоянию своего господина, но к невольникам относились не в пример лучше – по крайней мере, их не били просто так. Большую часть пути Гвендилена и другие женщины проехали в телеге – пусть тряской и неудобной, но все же это было лучше, чем брести по дороге, сбивая ноги до кровавых мозолей!

Увидев издали высокие башни из розоватого камня, увенчанные изящными шпилями, девушка подумала, что, может быть, все не так уж и плохо... А когда подъехали ближе, невольно ахнула от восторга. Замок, построенный на краю скалы, казалось, парил над морем, являя собой настоящее чудо, сотворенное человеческими руками.

Когда телега въехала на задний двор, очарование рассеялось без следа. Гвендилена увидела горы отбросов, бочки и ящики, наваленные горой, клетки с домашней живностью... Кричали ослы, гоготали гуси, кудахтали куры и какие-то люди – по всей видимости, слуги – сновали туда-сюда с озабоченным видом.

Новых невольников провели в большую комнату с белеными стенами и высоким сводчатым потолком. За столом сидел мужчина средних лет с желтоватым, нездорового цвета лицом, на котором как будто навсегда застыло выражение брезгливого недовольства. Одет он был богато – в черный бархатный камзол, на груди поблескивала тяжелая золотая цепь, и Гвендилена сразу поняла, что перед ней важная персона.

Оглядев стоящих перед ним мужчин и женщин – грязных, измученных, утомленных дорогой, – он тяжело вздохнул. Даже у надсмотрщиков, сопровождающих рабов от самого Терегиста, вид был виноватый, словно у пекарей, привезших черствый хлеб, или зеленщиков, доставивших к столу высоких персон залежалые овощи.

– Что это? – процедил он сквозь зубы.

Старший среди надсмотрщиков выступил вперед.

– Новые слуги для нашего милостивого повелителя, принца Хильдегарда, – сказал он и, чуть помедлив, добавил, понизив голос: – Не сомневаюсь, что вы, почтенный майордом Скаларий, сможете распорядиться ими наилучшим образом.

А управляющий, похоже, и правда хорошо знал свое дело. Одного взгляда ему хватало для того, чтобы определить, к какой работе приставить нового невольника – на поля, в мастерские, на скотный двор... Худенькую, бледную до прозрачности молодую женщину, с трепетом ожидавшую решения своей судьбы, он отправил в мастерскую к швеям, ведающим бельем и платьем. Услышав его решение, она разрыдалась.

– Благодарю вас, господин! Я работала в лавке у самой Филидоры, умею плести кружева, могу вышивать золотом, знаю секрет росписи на шелке...

Упав на колени, бедняжка пыталась поцеловать его руку, но управляющий даже не взглянул на нее.

– Этих – на огород! – распорядился он, указав на двух крепких молодых, с щек которых еще не сошел здоровый деревенский румянец.

Гвендилене повезло больше – вместе с тремя другими девушками ее отправили на кухню. Поначалу она даже обрадовалась – по крайней мере, не придется работать под открытым небом... К тому же на кухне можно быть сытой, а она успела порядком наголодаться.

Но вскоре оказалось, что радоваться было рано. В первый же день Гвендилена поняла, что работа на кухне никогда не кончается! С раннего утра, еще до восхода солнца, служанки разжигали огонь в печах, и потом до поздней ночи гремели котлы и сковородки, что-то жарилось, кипело в больших котлах, томилось на медленном огне или запекалось в печи. Лишь за полночь, перебив посуду и вычистив котлы, обессиленные служанки могли позволить себе краткий отдых. Спать приходилось здесь же, на полу, подстилая под себя грубые рогожи и ими же накрываясь. А утром все начиналось снова...

Старший повар Глан – огромный пузатый мужчина с остро отточенным ножом за поясом и свирепым выражением, как будто навеки застывшем на толстом красном лице с воинственно торчащими жесткими усами, – оказался человеком грубым и жестоким. Глядя, как он одним движением отрубает голову курице или потрошит еще бьющуюся рыбу, Гвендилена всякий раз чувствовала, как противный

холодок ползет по спине. Было в этом что-то страшное, почти людоедское...

Правда, в своем деле он был великим мастером. Никто лучше его не мог приготовить суп с пряностями, изысканное жаркое или знаменитое фруктовое желе из девяти разноцветных слоев. Говорят, что сам принц Хильдегард ценил и отличал его, так что даже однажды поссорился со старшим братом, наследником престола принцем Сигрибертом, не согласившись уступить повара ему.

Правда это или нет, неизвестно, но Глан в самом деле находился на особом положении и всю пользовался этим. Провинившимся служанкам и младшим поварам часто доставались увесистые затрещины. Но еще хуже было тем девушкам, на кого повар начинал смотреть совсем по-другому – сально-похотливым взглядом. Конечно, отказать ему ни одна не смела, и вскоре он уводил очередную жертву в свою каморку. Бывало, что девушки возвращались, еле держась на ногах, и потом тихо плакали всю ночь, стараясь не потревожить других.

Видно, нерадостной была любовь старшего повара...

К счастью, на нее он никогда так не смотрел. Гвендилена, наверное, впервые в жизни радовалась своей некрасивости, а вскоре и вовсе позабыла о таких глупостях, как девичье кокетство или мечты о суженом.

Каждый ее день теперь был похож на другой, как два яйца из-под одной курицы. Порой она ловила себя на том, что даже не знала, какая погода за окном, зима стоит или лето... Да, в сущности, какая разница? Гвендилена так отупела от усталости, что почти перестала надеяться на перемены к лучшему в своей судьбе и вообще чувствовать что-либо. Как замороженная кляча на молотилке, она могла радоваться лишь еде и краткому отдыху. Если выдавалась свободная минута, она спешила свернуться в клубочек где-нибудь в укромном углу и закрыть глаза хоть ненадолго.

Лишь изредка по ночам ей снилось прекрасное лицо, глядящее на нее из глубины озера, и тихий голос, исходящий не то из-под земли, не то из потаенных глубин ее собственного существа, упорно твердил, что не надо отчаиваться и когда-нибудь все еще может измениться...

Гвендилена просыпалась в слезах, а потом, до боли стискивая пальцы, снова и снова повторяла эти слова как молитву. Казалось, от

этого становится легче.

Глава 4

И в самом деле – однажды все изменилось.

День стоял ясный, теплый – настоящий весенний день. Лучи солнца пробивались сквозь закопченные окна, и казалось, что это милосердная богиня Анрабена, неустанно прядущая золотые нити надежды, протягивает их всем живущим – даже им, рабыням, до конца дней погребенным в кухонном чаду. Взбивая тесто у окна, Гвендилена прикрыла глаза, подставив лицо первому теплу, и чуть улыбалась. Мерные движения действовали убаюкивающе, и думалось о чем-то хорошем...

– Эй вы, бросайте работу! Забыли, какой сегодня день?

Голос старшего повара вернул ее к реальности. Гвендилена даже мутовку уронила от неожиданности. Она втянула голову в плечи, привычно ожидая окрика или затрецины, но Глану явно было не до нее.

– *Амри-дейр* наступил! Выходите во двор, да пошевеливайтесь!

Дважды повторять ему не пришлось. Служанки и повара послушно отложили свои ножи, скалки и поварешки, поснимали кастрюли и сковородки с огня и дружно устремились прочь.

Гвендилена тоже вышла со всеми, хотя и совершенно не понимала происходящего. Вначале ей было немного страшновато – ведь *шеди-аваль* тоже выгоняли на площадь ее односельчан! – но вскоре она успокоилась. Товарки выглядели такими оживленными, даже радостными... Молодые девушки кокетливо поправляли чепцы и передники, а бойкая Мелла торопливо подводила брови сажей.

– А что за день сегодня? – растерянно спросила Гвендилена.

– Эх ты, деревенщина, ничего не знаешь... – укорила ее толстуха Эсма, – раз в году даже у рабов бывает праздник!

– Говорят, давным-давно в этот день преданный раб спас императора Гвенидорма от пленения и смерти, – объяснила старая Редана. – В память об этом господа непременно обходят свои дома и одаривают слуг. Таков обычай Терегиста... Раньше, правда, еще и разрешали отдыхать от рассвета до вечерней звезды, но сейчас все не то, не так, как в старые времена!

– Раньше и вода мокрее была! – хихикнула рыжая Амма. – Лучше шевелись побыстрее, старушка!

– Да я тебя! – Редана замахнулась было на нее, но девчонка ловко увернулась под хохот товарок.

Пройдя длинным темным коридором, Гвендилена вместе с другими служанками оказалась на крытой галерее, куда обычно был заказан путь для кухонной прислуги – кроме особых случаев, разумеется. Спустившись по крутой лестнице с резными перилами из темного дерева, она вместе с другими служанками оказалась в просторном внутреннем дворе замке – не на заднем дворе, куда выходило кухонное окно и куда обычно подвозили съестные припасы, а на парадном, чистом, вымощенном оgranенным розовато-серым камнем. Раньше Гвендилене никогда не приходилось бывать здесь, и она с любопытством вертела головой, оглядываясь вокруг.

И в самом деле, было на что посмотреть. Кажется, вся прислуга из замка собралась здесь сегодня! Бравые молодцы с лихо подкрученными усами, одетые в зеленые камзолы, кокетливые девушки в нарядных платьях и чепчиках, отделанных кружевами, и тут же, рядом – усталые изможденные мужчины и женщины в простой одежде из грубого полотна, сурового вида воины в кольчугах с мечами у пояса, ярко разодетые девицы с накрашенными лицами, карлики, горбатые уродцы, шуты в колпаках с колокольчиками... Вовсе диковинно выглядели люди с черной кожей, курчавыми волосами и толстыми, будто вывернутыми губами. Гвендилене очень любопытно было, пачкается ли их кожа, но подойти и потрогать она не посмела.

Слуги и служанки выстроились в ряд, словно в ожидании чего-то важного. Ждать пришлось долго. Солнце припекало, Гвендилена чувствовала, как затекают ноги от неподвижности, но приходилось терпеть. Наконец появился майордом Скаларий – тот самый, что когда-то распределял новоприбывших рабов. В руках он держал посох из черного дерева, украшенный позолотой и затейливой резьбой, а на его желтом одутловатом лице застыло выражение торжественной важности.

– Сегодня, в праздник Амри-дейр, наш милостивый господин принц Хильдегард и его семья по обычаю приветствуют своих слуг! – торжественно провозгласил он.

Майордом ударил посохом о камни. Откуда-то сверху послышалась музыка – Гвендилена не сразу поняла, что на галерее с противоположной стороны расположились скрипачи и флейтисты, – растворились кованые ворота, и во двор вошла целая процессия. Впереди шел высокий, широкоплечий молодой мужчина. Увидев его, Гвендилена почувствовала, как закружилась голова и подкосились колени.

Никогда в жизни она не думала, что человек из плоти и крови может быть так хорош собой, так совершенен! Казалось, перед ней предстал сам Реодан, милосердный и добрый солнечный бог, изображение которого она когда-то видела в храме. Алый плащ, схваченный на плече массивной золотой фибулой, отливал на солнце огнем, длинные каштановые кудри спадали ниже плеч, а ярко-синие глаза смотрели на мир весело и дерзко, с легким прищуром, словно этот красавец и баловень судьбы знал нечто особенное, поднимающее его высоко над другими людьми...

И возможно, так оно и было.

Гвендилена даже не сразу заметила, что рука об руку с ним шла дама в богатой одежде. Она выглядела совсем юной – вряд ли намного старше ее самой, – но за ее руку держался малыш лет трех-четырех от роду, наряженный в коричневый бархатный костюмчик и рубашку с кружевами, а округлившийся под платьем живот молодой женщины ясно говорил о том, что скоро ей снова предстоит стать матерью.

За ними шествовала многочисленная свита – нарядные дамы и кавалеры, но для Гвендилены их лица сливались в размытые пятна. Она видела лишь принца Хильдегарда и смотрела на него не отрываясь, словно хотела навсегда запечатлеть его образ в своей памяти, не упустить ни малейшей черточки...

Принц остановился в центре двора и поднял руку.

– Слушайте меня, мои рабы и слуги! Радуйтесь и веселитесь, Амри-дейр наступил!

Гвендилена почувствовала, как сердце ее затрепетало радостно и нежно. Казалось, принц Хильдегард говорит с ней одной! В этот миг она с радостью отдала бы жизнь лишь за его улыбку, взгляд или возможность прикоснуться к краю пурпурного плаща.

– Я, ваш господин, обещаю вам – тех, кто служит мне верно, я не забуду своей милостью.

– Слава принцу Хильдегарду! – хором отозвалась толпа.

Принц улыбнулся – слегка, лишь уголками губ! – потом повернулся на каблуках и зашагал прочь. Жена и маленький сын едва поспевали за ним, но, казалось, это нимало не заботит его. Видно было – он спешил покончить с необходимой обязанностью, чтобы вернуться к более приятным занятиям. Вслед за ними удалилась и свита.

Гвендилена почувствовала в горле тяжелый колючий комок. Ей казалось, что солнце спряталось за тучами и яркий весенний полдень превратился в серые сумерки. Принц Хильдегард появился ненадолго, но без него весь мир стал совсем другим, тусклым и унылым!

Праздник кончился... Но другие слуги продолжали стоять на месте, словно ожидая еще чего-то, и, как оказалось, не напрасно.

Майордом Скаларий снова ударил о камни своим жезлом.

– А теперь, по милости нашего господина и по обычаю предков, вас одарят деньгами и хлебом! Славьте щедрость принца Хильдегарда!

Во двор вышли какие-то женщины в одинаковых серых платьях с мешками в руках и принялись раздавать мелкие монеты и пресное печенье. Гвендилене ничего не досталось, но она сожалела лишь о том, что все кончилось так быстро.

Вернувшись с другими служанками на кухню, девушка не смогла сдержать слез. Стоило лишь ненадолго выйти наружу, увидеть небо и солнце, глотнуть воздуха, почувствовать свежий ветерок на лице – и привычная уже обстановка стала казаться просто невыносимой. Стены давили, от кухонного чада першило в горле, но главное – все ее существо захлестнуло такое отчаяние и безнадежность, что просто не хотелось жить дальше.

Впервые в жизни она почувствовала, как нежно и сладко щемит сердце при одной мысли о мужчине. Принц Хильдегард, самый прекрасный из всех людей, кого ей доводилось видеть, значил теперь для нее больше целого мира... Ради того, чтобы прикоснуться к нему, ощутить его поцелуй, отдать ему свое тело, она охотно приняла бы любую смерть, но разве он обратит свой взор на ничтожную рабыню? Тем более такую некрасивую...

Гвендилена плакала, вытирая слезы грязным передником. О своей тайне она не сказала бы даже под пыткой, но товарки поняли ее по-своему.

– Что ты ревешь, дурочка? – поддела рыжая Амма. – Не досталось монет? Надо быть порасторопнее! Ничего, может, в следующем году повезет...

– А может, и раньше! – утешила ее Эсма. У толстухи было доброе сердце.

– Принцесса Эвина скоро должна родить. Повитухи говорят, что, скорее всего, снова будет мальчик!

Повариха говорила об этом так, словно в плодовитости молодой госпожи была и ее прямая заслуга. Толстое, красное, лоснящееся лицо просто светилось от гордости.

– Когда родился старший сынок, принц Римеран, был большой праздник, – продолжала она, – обед с переменной двадцати пяти блюд, вот как! Сначала нам всем пришлось побегать, зато потом позволили посмотреть на танцы и фейерверк, а когда принцесса смогла встать с постели, она сама одаривала слуг!

– Да... наша молодая госпожа не только красива, но и добра, – отозвалась старая Редана, – жаль, что ей не придется стать королевой.

– Вот горе-то... Бедняжка навсегда останется принцессой! – хихикнула быстроглазая Мелла. – Но я бы не отказалась поменяться с ней местами!

Редана не удостоила ее даже взглядом.

– Принц Хильдегард, ее супруг, – младший сын короля Людриха, к тому же не от законной супруги, а от наложницы.

– Тебе-то откуда знать? – недоверчиво спросила Эсма, уперев руки в бока.

Старуха лишь усмехнулась.

– Откуда мне знать, говоришь? Я не провела всю жизнь, как вы, среди котлов и сковородок! Когда-то давно я служила самой королеве Магрид, нянчила ее с самого рождения. Уж она-то была настоящей королевой, можете мне поверить.

На морщинистом лице Реданы появилось странное выражение – мечтательное и нежное, так что стало видно, что когда-то она, пожалуй, была весьма недурна собой.

– Магрид... Голубка моя... Она всегда была такой доброй, красивой и кроткой! Слава о ней дошла до самой Орны, и король Людрих, который тогда еще был принцем, решил посвататься к ней славой и честью, как подобает по заветам Древних. Его отец,

Гильдерик, был против этого брака – он уже нашел сыну другую невесту! – но Людрих всегда умел настоять на своем. Он отправился в Теуридан и, склонив голову, просил ее руки у отца, короля Вирида. Говорили, что он сделал это ради земель в истоках реки Велы, что шли в приданое за Магрид... Может, это правда, а может, и нет, но он был добрым мужем и любил ее всем сердцем – особенно после того, как она подарила ему наследника. В честь рождения принца Сигриберта он приказал построить храм Благодарения на центральной площади Орны. И, прямо скажу, за такого сына стоит благодарить богов!

– А что было дальше? – тихо спросила Мелла. Куда девался ее бойкий нрав... Девчонка смотрела на Редану широко раскрытыми глазами и слушала ее историю, как ребенок – волшебную сказку.

На лицо Реданы легла тень. Глаза стали скорбными, словно сейчас, спустя много лет, она снова переживала то давнее горе.

– Как говорят в моих родных местах, счастье не бывает долгим, – тихо вымолвила она. – Однажды Магрид сопровождала супруга на охоте. Король не любил расставаться с ней даже ненадолго... Стояла лютая зима, она простудилась, начала кашлять и таяла с каждым днем, словно восковая свечка. Людрих призвал к ней лучших врачей, но они не смогли помочь. Их головы, выставленные на стене, потом долго пугали прохожих! А Магрид не дожидаясь весны.

Она помолчала недолго, чтобы перевести дух, и продолжала:

– После смерти супруги король пустился во все тяжкие. Безутешный вдовец начал устраивать такие оргии и кутежи, что старые слуги до сих пор боятся вспоминать о них. После таких ночей даже опытные, все на свете повидавшие шлюхи уходили в монахини! А еще, – Редана понизила голос и опасно оглянулась по сторонам, словно опасаясь, что кто-то посторонний может услышать ее, – бывало, что из покоев короля слуги тайком выносили чьи-то трупы, наспех завернутые в ковры и занавески... Кто были эти несчастные – никто не знал и не хотел бы знать.

Лишь когда одна из наложниц Людриха, Амаласунта – дева благородного происхождения, бывшая раньше одной из дам-компаньенок покойной королевы, забеременела и родила мальчика, король поутих немного. Ребенок был так похож на него, что даже старая повитуха, которая когда-то принимала самого короля, только головой качала да цокала языком. «Мне показалось, что время

повернулось вспять, – повторяла она, – и я снова держу на руках маленького Людриха!»

В конце концов у короля дрогнуло сердце. Он признал сына и даже призвал священника, чтобы совершить брачный обряд с Амаласунтой. Короновать ее как законную королеву он, правда, не стал... Впрочем, это не имело особенного значения. Принцу Хильдегарду достанется только этот замок да несколько деревень в округе. Правда, славный и богатый город Терегист он тоже считает своим по праву – ведь отец обещал оставить его младшему сыну! – но это будет еще не скоро. Король Людрих, хоть и не молод, но крепок духом и телом и может прожить долгие годы. А после его смерти наследником должен стать старший сын, принц Сигриберт...

Тут глаза старухи вспыхнули, и на губах появилась легкая улыбка.

– Вот увидите, когда-нибудь он станет великим королем! – в голосе ее звучала величайшая убежденность. – У него глаза его матери, ее улыбка, а еще он унаследовал ее ум и доброту... Покойная королева могла бы гордиться своим сыном. И я счастлива, что служила ей когда-то!

Гвендилена слушала, боясь пропустить хоть слово. Но рыжая Амма лишь презрительно фыркнула:

– Ага... А теперь ты скребешь котлы, перебираешь горох и чечевицу, да выметаешь золу из очага, так что нечего строить из себя благородную даму!

Но Редана, казалось, ничуть не обиделась. Поглядев на дерзкую девчонку с легкой улыбкой на тонких высохших губах, она вымолвила:

– Правда... Я стара и, наверное, умру здесь. Но я видела другую жизнь, а ты – нет!

– Эй вы, лентяйки, что столпились там? А ну быстрее за работу!

В дверях стоял старший повар Глан. Служанки мигом всполошились, и совсем скоро в кухне стало все как всегда – стучали ножи, что-то скворчало на больших сковородках, поднимались клубы пара над кастрюлями... Гвендилена резала лук и плакала. Обычно она не любила эту работу, но сейчас была рада, что можно не стыдиться слез.

В ту ночь она долго не могла уснуть, несмотря на усталость. Такое с ней случилось впервые с тех пор, как она перешагнула порог

замка... Обычно девушка проваливалась в сон, как только добиралась до жесткой циновки, служившей ей постелью, но сейчас, ворочаясь с боку на бок, она чувствовала себя так, будто ее сердце поджаривают на медленном огне. Образ принца Хильдегарда стоял перед глазами, так что, кажется, стоит протянуть руку – и можно коснуться его... Но все это лишь мечты, которым не дано сделаться явью.

Гвендилену душили горькие, злые слезы. Ну почему все устроено так несправедливо? Почему одним все достается просто по праву рождения, а ей выпали одни невзгоды – бедность, попреки, рабская доля... Даже в родной семье она всегда чувствовала себя чужой и нелюбимой! А что впереди? Только тяжелый труд день за днем. Ей не на что надеяться, и незачем зря обманывать себя! Напрасно она твердила, что все еще может измениться. Слова, которые столько раз спасали ее от безумия и отчаяния, теперь казались ложью.

А значит, и жить больше незачем. К чему влачить это убогое существование еще год, или пять, или двадцать? Лучше закончить прямо сейчас, пока никто не успел помешать. В небе светит полная луна, и это хорошо – видно почти как днем! Все надо сделать быстро, чтобы никто из товарок не проснулся.

Гвендилена встала и, как была босая, в одной сорочке, заметалась по кухне. Так мечется птица, случайно залетевшая в дом... Умереть оказалось не так уж и просто! Есть окно, но ей не открыть тяжелую скрипучую створку, не разбудив всех вокруг. К тому же до земли недалеко – каких-нибудь десять локтей, так что можно разве что руки и ноги переломать. Есть тяжелый острый нож, но что, если в последний миг дрогнет рука?

Значит, остается одно средство, последнее. Вот крепкий железный крюк – обычно на нем подвешивали свиные туши. Вот веревка – ею связывали хворост для растопки. «Все, что нужно, держи под руками!» – говаривала мать когда-то. Наверное, это был хороший совет...

Девушка быстро соорудила петлю, пододвинула поближе колченогий деревянный табурет, на котором обычно сидела в углу старая Редана, перебирая крупу узловатыми морщинистыми пальцами. Осталось совсем немного – привязать веревку, просунуть голову в петлю и сделать последний шаг – в никуда, в пустоту, в смерть... Гвендилена и раньше видела, как умирали люди на виселице (взять

хотя бы убийц ее отца!), и от души надеялась, что все кончится быстро.

Она уже собралась было влезть на табурет, когда случайно бросила взгляд на большое блюдо, начищенное до зеркального блеска. В лунном свете оно сверкало, как чистое серебро... Но не потому девушка тихо ахнула и выронила веревку из рук. Вместо собственного отражения на нее смотрела та самая зеленоглазая красавица, которую она когда-то видела на озере Трелоно! «Будь я такой, принц Хильдегард непременно полюбил бы меня, – подумала Гвендилена, – о, если бы это было возможно...»

– Все еще может измениться! – знакомый тихий голос послышался где-то рядом. – Все может измениться, если только ты веришь в это...

Слезы хлынули из глаз Гвендилены. Но это были легкие, освобождающие слезы. Она вернулась в свою убогую постель, свернулась в клубочек, и впервые жесткая циновка показалась ей царским ложем. Было почти чудом – снова почувствовать себя живой, поверить, что когда-нибудь еще придет ее время, она непременно дождется своего часа, и тогда...

Что произойдет тогда, девушка додумать не успела. Засыпая, она впервые за долгие месяцы чувствовала себя почти счастливой – как в детстве, в ожидании праздника.

Глава 5

После той ночи Гвендилена будто пробудилась от долгого и глубокого сна. Ей казалось, что все чувства ее обострились до предела, и любая работа спорилась в руках. Она без устали что-то чистила, терла, помешивала и переворачивала, подмечая все, что делают более опытные товарки, и не упуская ни малейшей детали.

Постепенно ее стали допускать к приготовлению блюд для королевского стола. Однажды она даже удостоилась похвалы старшего повара, а такое случалось нечасто. Оглядев приготовленный ею паштет из перепелов, он попробовал маленький кусочек и поманил Гвендилену к себе:

– Эй ты, девчонка, подойди!

Гвендилена стояла перед ним, опустив глаза, и сердце билось часто и гулко. Что, если сейчас этот страшный человек ударит ее? Или, еще хуже, возьмет за руку, чтобы отвести в свою каморку и сделать с ней то же, что и с другими?

Но, к счастью, этого не случилось. Повар потрепал ее по щеке и одобрительно хмыкнул.

– Кажется, из тебя будет толк! – веско произнес он и пошел дальше, по обыкновению заложив руки за спину и выставив вперед объемистое пузо.

Гвендилена покраснела от смущения. Товарки смотрели на нее с завистью. Рыжая Амма, уперев руки в бока, насмешливо бросила:

– Посмотрите на нее! Как эта тихоня старается выслужиться, даром что без году неделя в замке! Глядишь, станет старшей поварихой, будет командовать всеми нами! Или, может, хочешь окрутить главного повара?

Гвендилена ничего не ответила, лишь презрительно фыркнула, как рассерженная кошка, и отвернулась. Затевать пустую свару ей не хотелось. Стать старшей поварихой... Разве такие убогие, жалкие мечты стоят того, чтобы лелеять их, лежа по ночам без сна? И уж точно она не хотела бы заполучить в свою постель старшего повара, даже если бы ей предложили за это все сокровища мира!

Опустив ресницы, Гвендилена улыбнулась – чуть заметно, одними уголками губ. Теперь у нее была своя тайна, бережно хранимая от всех. Каждый день она ждала своего счастливого случая – жадно и напряженно, как ждет охотник в засаде.

Но, как водится, все произошло внезапно.

Стояла ранняя осень, когда принцесса Эвина разрешилась от бремени – и, как и предсказывали, снова мальчиком. В честь такого события в замке устроили большой праздник. Как и предполагала толстая Эсма, всей прислуге было дозволено пойти посмотреть на танцы и фейерверк – разумеется, после окончания торжественного обеда.

На кухне с самого утра царило лихорадочное оживление. Торопясь поскорее приготовить все для праздничного пира, служанки и повара сбивались с ног. Как всегда, в последний момент кто-то рассыпал муку, кто-то опрокинул кипяток (слава всем богам, что не на себя!), кто-то поскользнулся и растянулся на полу...

Наконец угощение было готово, и все тревожения остались позади. Потом, когда стемнело, девушки постарались принарядиться, как могли, и отправились на открытую галерею, выходящую в сад, где после обеда должны были состояться гуляния и фейерверк.

Все волновались. Когда еще выдастся случай хоть ненадолго покинуть опостылевшую кухню, поглазеть на нарядных кавалеров и дам, послушать музыку – хотя бы издалека...

Гвендилена тоже хотела пойти вместе со всеми. Она надела заранее припасенную чистую сорочку, умылась и даже заплела косу, как когда-то учила мать. Правда, получилось не очень-то красиво. Жесткие непослушные пряди волос все время выбивались из прически, и из маленького зеркальца смотрело усталое и угрюмое лицо. Гвендилена досадливо отвернулась и чуть не расплакалась. Идти куда-то вовсе расхотелось.

Она прилегла на жесткую подстилку из рогожи, служившую ей постелью, отвернулась к стене... И не смогла подняться. Другие девушки звали и тормошили ее, но напрасно – их голоса слышались как будто издалека. «Я только чуть-чуть подремлю, совсем немного... а потом встану и пойду со всеми!» – успела подумать она, проваливаясь в сон.

Когда она проснулась, за окнами стемнело. В небе вспыхивали разноцветные огни, и радостные крики слышались издалека... Досадую на себя, что пропустила самое интересное, Гвендилена подняла голову и не поверила своим глазам. Возле очага, завороченно глядя на потухающие угли, стоял маленький принц Римеран, старший сын Эвины и Хильдегарда! Именно его она видела тогда, во дворе...

Мальчик, казалось, позабыл обо всем на свете. Багровый огонек, пробегающий под серым пеплом, казался живым существом, вроде маленького зверька или ящерицы. Он весь подался вперед, и Гвендилена тихо ахнула. Стоит ему оступиться – совсем чуть-чуть! – и он упадет лицом в очаг, может серьезно обжечься, даже погибнуть. Но ведь, пока она рядом, этого не случится, она непременно спасет этого славного малыша, и тогда... Разумеется, она спасет его! Спасет, даже если пострадает сама, вытащит из огня!

Ну а потом... Будет ведь только справедливо, если его мать решит как-то вознаградить спасительницу сына? Может быть, даже она прикажет ей покинуть кухню и оставит при себе... Тогда она сможет видеть иногда принца Хильдегарда, и когда-нибудь он поймет, как она предана ему! Конечно, он оценит ее преданность, как оценил бы отец, если бы его жизненный путь не прервался так рано!

Картины будущей жизни, такой заманчивой и прекрасной, пронесли у нее в голове... Но уже в следующий миг Гвендилена осознала, что это всего лишь пустые мечтания. Мальчик и не думал падать! Сейчас ему надоест смотреть в очаг, или его хватятся мать и няньки, и маленький принц убежит из кухни в свой мир, туда, где просторные светлые комнаты, нарядные дамы и кавалеры, лошади, охота и балы...

А она останется здесь – навсегда.

Гвендилена чувствовала, как утекает драгоценное время. Она почти впала в отчаяние, когда вдруг в голове зашелестел тихий, но вполне ясный и отчетливый голос. Именно этот голос она слышала в ту страшную грозовую ночь на озере Трелоно, когда погибла Айя, а она в отчаянии рыдала, лежа на мокром песке, он утешал ее в минуты отчаяния, и совсем недавно, когда она готова была умереть, именно он удержал ее от последнего рокового шага...

«Что, если подтолкнуть его, совсем чуть-чуть, еле заметно? А потом сразу подбежать и вытащить. Он даже обжечься не успеет,

только испугается!»

В первый момент Гвендилена и сама ужаснулась. Нет, нет, конечно, она не станет этого делать! То, что случилось когда-то с сестрой, была всего лишь случайность. Совсем другое дело – сознательно покалечить беззащитного малыша... К тому же если кто-то узнает, что она просто допустила такую мысль, – ей несдобровать!

А голос в голове – такой уверенный и спокойный! – твердил, что все получится, если только не упустить свой шанс, действовать ловко и осторожно. Если все сделать быстро, никто ничего не узнает... И совсем не обязательно подходить близко! Перед очагом лежит большой лист железа с загнутыми краями – на тот случай, если уголек упадет на пол. Если подтолкнуть его – совсем чуть-чуть, несильно! – ребенок сразу же потеряет равновесие, и тогда...

Словно в полусне, Гвендилена встала и, неслышно ступая босыми ногами, подошла к очагу. Мальчик даже не заметил ее присутствия. Почти не осознавая, что делает, девушка наклонилась, звякнуло железо...

Из оцепенения ее вывел отчаянный крик малыша. Мальчик упал лицом в очаг и отчаянно бился, пытаясь выбраться. Искры летели во все стороны, и, казалось, сейчас он сгорит, сгорит заживо...

В первый момент Гвендилена оторопела от случившегося. Она и подумать не могла, что это будет так страшно! Девушка попыталась вытащить ребенка, но он так отчаянно бился и вырывался, что это удалось не сразу.

В лицо пахнуло жаром, руки обожгло адской болью. Чувствуя, как горит ее собственная плоть, Гвендилена изо всех сил старалась сдержать крик, а главное – не потерять присутствия духа. Схватив малыша, она бегом бросилась прочь из кухни, на открытую галерею – туда, где в темном небе расцветали разноцветные вспышки фейерверков, слышались музыка и веселые голоса.

Ребенок больше не кричал, он затих у нее на руках, и маленькое тельце как-то странно обвисло. Сейчас он казался очень тяжелым... Страшно было, что он умер или вот-вот умрет.

В этот миг Гвендилена даже почувствовала жалость к нему – такому маленькому, беззащитному и, скорее всего, обезображенному до конца жизни.

«Я не хотела этого... Не хотела!» – твердила она про себя.

Распахнув тяжелую дверь, Гвендилена чувствовала, что и ее силы на исходе – кружилась голова, в ушах звенело, и все вокруг будто подернулось зыбкой туманной пеленой. Она понимала, что вот-вот потеряет сознание.

– Помогите... – успела крикнуть она, медленно сползая на пол по стене и стараясь не выпустить из рук малыша, – помогите, он упал в очаг...

Глава 6

Когда Гвендилена пришла в себя, было уже утро. Солнце стояло высоко, и девушка испугалась, что проспала. Теперь, пожалуй, ей достанется от старшего повара... Но почему так тихо вокруг?

Еще больше ее удивило другое – постель была мягкой и чистой, а комната, хотя и небольшая, тоже выглядела опрятной. Даже самый воздух пах по-другому – свежестью и сушеной лавандой, а не кухонным чадом и копотью.

Гвендилена попыталась было встать, оперлась рукой о край ложа – и вскрикнула от боли. Только сейчас она заметила, что ее руки до самых локтей туго перевязаны льняным полотном. Рядом, на низкой скамеечке, сидела какая-то девушка в платье из серого холста, чепце и переднике и тихо дремала, склонив голову на грудь. Заметив, что Гвендилена открыла глаза, она почему-то вдруг всполошилась, всплеснула руками и выскользнула за дверь.

Оставшись в одиночестве, Гвендилена блаженно вытянулась под одеялом. Вспомнив события прошлой ночи, девушка чуть не расплакалась, но уже не от боли, а от радости. Удалось! Неизвестно, что будет дальше, но раз она здесь, а не в темнице и не на опостылевшей кухне, значит, все получилось, как она хотела.

Скрипнула дверь, и в комнату вошла невысокая женщина средних лет в простом темном платье, с большой кожаной сумкой в руках. Не говоря ни слова, она придвинула столик поближе к кровати и принялась раскладывать на нем какие-то склянки, инструменты, чистые бинты...

– Кто ты? – спросила Гвендилена.

– Я Гила, целительница. Протяни руки, я должна перевязать. Будет немного больно.

Она говорила очень серьезно, бесстрастно, без намека на улыбку или сострадание. В голосе ее слышался какой-то странный, нездешний выговор. Гвендилена еще никогда такого не слышала.

Немного оробев, она покорно протянула руки. Женщина принялась разматывать повязки – осторожно и ловко, невнятно

бормоча себе под нос. Гвендилена старалась не вскрикнуть – это и в самом деле было больно... Но не так чтобы очень.

Осмотрев ее руки, Гила удовлетворенно хмыкнула. Потом она долго, тщательно смазывала ожоги какой-то пахучей мазью, снова перевязывала, все так же приговаривая что-то нараспев на непонятном языке. Закончив, она протянула Гвендилене маленький пузырек с темной маслянистой жидкостью.

– Выпей это. Ты будешь спать, тебе не будет больно. Когда проснешься, сможешь поесть.

Гвендилена покорно выпила. Жидкость оказалась остро пахнущей и горькой на вкус... Почти сразу в голове зашумело, и веки стали тяжелеть. словно сквозь пелену, девушка видела, как Гила собрала свои принадлежности. Целительница уже направилась к выходу, но Гвендилена остановила ее.

– Подожди!

– Что тебе? – Гила обернулась, и на ее лице явственно отразилось неудовольствие.

– А как ребенок? Ну малыш... – несмело спросила Гвендилена, – тот, что упал в очаг.

Гила невесело усмехнулась.

– Он будет жить. Но вряд ли вырастет красавчиком.

На миг Гвендилена похолодела от ужаса – ей показалось, что целительница догадалась о том, что она сделала! – но та больше не проронила ни слова.

– Скажи, что со мной будет дальше? – робко спросила девушка.

Лицо Гилы стало жестким.

– Откуда мне знать? Я целительница, а не гадалка! – отрезала она, но потом, будто смягчившись, добавила: – Если будешь умной, твоя жизнь переменится к лучшему. Сильно переменится...

Она вышла, аккуратно притворив за собой дверь, а Гвендилена без сил откинулась на подушку. Веки стали очень тяжелыми, в теле появилась странная легкость, и скоро она заснула.

Глава 7

На следующее утро Гвендилена проснулась от того, что слышала за дверью звонкий молодой женский голос:

– Она здесь?

– Ваше высочество, вы не должны... – убеждал другой голос, глуховатый, видимо, принадлежащий даме постарше.

– Это не важно! Я хочу говорить с ней.

Дверь распахнулась, и Гвендилена обомлела от изумления. Перед ней стояла сама принцесса Эвина! Лицо ее было бледным и осунувшимся, глаза покраснели, и сейчас она выглядела не знатной дамой, особой королевской крови, госпожой над жизнью и смертью многих своих подданных, а перепуганной девчонкой. Ее сопровождала полная женщина средних лет с пухлым красным лицом. Вероятно, в другое время она была простой и доброй, но сейчас выглядела как перепуганная наседка, завидевшая ястреба над своим выводком.

Гвендилена попыталась подняться им навстречу, но запуталась в простынях, задела обожженной рукой о край ложа и невольно вскрикнула.

– Тебе больно? – всполошилась принцесса. – Можешь лежать, не вставай! Я разрешаю. Как тебя зовут?

– Гвендилена...

Собственный голос показался ей на диво робким и слабым. Впервые в жизни произнести собственное имя было так трудно!

– Ты знаешь, кто я?

– О да! Вы принцесса Эвина, – сухими, непослушными губами вымолвила Гвендилена. Она вдруг вспомнила праздник Амри-дейр, разговор на кухне, истории старой Реданы... И после короткой паузы выпалила: – Надеюсь всем сердцем – наша будущая королева!

Гостья казалась обескураженной, но лишь на мгновение.

– Пожалуй, ты слишком умна для простой рабыни, – заметила она. – Откуда ты родом?

– Из деревни Вардален, близ Паровца, – потупилась Гвендилена. Она знала, что раньше родная деревня называлась Настравой, но графу Ральхингеру это название показалось более благозвучным. В своих

владениях он старался искоренять всякую память о стародавних временах, и потому принадлежащие ему деревни носили красивые имена, которые господин граф черпал из книг в своей обширной библиотеке.

Гвендилена подумала немного и добавила:

– Мой отец был старшим лесничим в поместье графа Ральхингера.

При упоминании имени графа принцесса Эвина почему-то смутилась – по крайней мере, Гвендилене так показалось. По лицу ее пробежала тень, она тряхнула головой, словно отгоняя неприятное воспоминание, и заговорила совсем другим тоном – так, словно лишь сейчас вспомнила, зачем пришла:

– Итак, Гвендилена... Ты спасла моего сына, и потому я должна достойно вознаградить тебя. Проси о чем хочешь!

Девушка растерялась. Она так ждала этого момента, так надеялась... А сейчас не знала, чего пожелать! Свободы? Золота? Но чего стоит все это, если она окажется вдалеке от принца Хильдегарда, единственного мужчины, без которого ее жизнь потеряет всякий смысл? Она уже готова была расплакаться от собственной беспомощности, но перед глазами вдруг всплыло лицо Гилы. «Если будешь умной...» Вспомнив слова целительницы, Гвендилена скромно опустила глаза и тихо вымолвила:

– Ваше высочество, мне ничего не нужно! Я счастлива служить вам и всей королевской семье. Молю богов лишь о том, чтобы ваш сын, принц Римеран, поскорее поправился.

Эвина смотрела на нее, сдвинув тонкие брови и чуть наморщив лоб. Казалось, она обдумывает нечто важное... А Гвендилена лежала ни жива ни мертва, в томительном ожидании решения своей судьбы. Сердце стучало как кузнечный молот, в горле пересохло, и струйка пота потекла по спине под рубашкой.

Наконец Эвина вымолвила:

– С этого дня ты больше не рабыня. Как только поправишься, ты можешь уйти куда пожелаешь – или остаться в замке как свободная женщина и стать моей дамой-компаньонкой.

Гвендилена вздохнула с облегчением. Губы будто сами сложились в улыбку.

— Благодарю вас, ваше высочество... Клянусь, вы не пожалеете об этом!

Часть III. Фрейлина

Глава 1

Дни тянулись за днями, и Гвендилена постепенно начала привыкать к новой жизни. Поначалу она просто наслаждалась покоем, хорошей едой, а главное – тем, что впервые в жизни ей ничего не нужно было делать самой. Даже для того, чтобы умыться и причесать ее, каждый день приходила служанка. Веселая хохотушка Летта очень старалась угодить ей, и это тоже было приятно, хотя и непривычно. Девушка оказалась весьма смышленной и ловкой. Гвендилена скоро привыкла к ней и даже решила оставить при себе, если только принцесса Эвина сдержит свое обещание.

Ожоги на руках заживали хорошо. С каждым днем бинтовые обмоты становились все тоньше и тоньше, и вскоре настал день, когда Гила разрешила снять повязки окончательно. Гвендилена долго с удивлением смотрела на свои руки – покрытые тонкой кожей, едва выросшей на месте ожогов, они казались почти чужими, не принадлежащими ей...

Она даже заплакала неожиданно для себя самой, но Гила поняла причину ее слез по-своему.

– Перестань! Все заживет без следа, – сказала она, и легкая снисходительная улыбка тронула тонкие, почти бескровные губы. – Ты очень молода... Сумеешь еще поносить кольца!

Гвендилена искоса посмотрела на нее. Она немного побаивалась этой женщины – такой мудрой, властной, холодной... И безжалостной. Но в то же время Гила чем-то притягивала к себе. Знание, опыт, спокойствие и неколебимое достоинство словно бы возводили на незримый пьедестал эту хрупкую невысокую женщину в неприметном сером платье.

– К чему мне кольца? – спросила девушка.

– Скоро узнаешь, – таинственно улыбнулась целительница.

Гила оказалась совершенно права. Очень скоро руки приняли свой обычный вид, даже стали белее и нежнее, ведь Гвендилене теперь не приходилось заниматься черной работой! Следов от ожогов действительно не осталось, и девушка была почти счастлива... Но только поначалу. Постепенно однообразное существование, а главное,

неопределенность дальнейшей судьбы начали ее тяготить. Иногда ей казалось, что все забыли о ней и принцесса Эвина не намерена выполнять свое обещание. Гвендилена старательно отгоняла такие мысли, но все равно было страшно – вдруг все окажется напрасно и ее снова вернут на кухню?

Она уже почти отчаялась дожидаться перемен в своей судьбе, но однажды вечером, сразу после того, как стемнело и в замке зажгли огни, в ее каморку явилась Калеа – та самая пожилая дама, что сопровождала принцессу Эвину. Летта рассказывала, что когда-то она была кормилицей принцессы и, по сути, заменила ей мать, умершую вскоре после родов.

А теперь эта женщина стояла перед ней с каменным лицом, всем своим видом выражая неудовольствие от того, что какая-то выскочка, вчерашняя рабыня, окажется приближенной к особе королевской крови.

Гвендилена поднялась ей навстречу, стараясь унять дрожь в коленях.

– Приветствую вас, почтенная Калеа! – произнесла она, опустив глаза долу. – Рада, что вы нашли время навестить меня.

Она очень старалась быть вежливой, понимая, что этой женщине следует всячески угождать и по возможности добиться ее расположения... Правда, Калеа даже не заметила этого – или не захотела замечать.

– Моя госпожа желает справиться о вашем здоровье, – холодно произнесла она.

– О, благодарю вас, я вполне здорова! – выпалила Гвендилена. Сердце забилось сильнее, и кровь прилила к щекам. Она чувствовала, что с этого дня ее жизнь наконец-то изменится. Теперь она сможет иногда видеть принца Хильдегарда! Может, когда-нибудь он заметит ее, и тогда...

– Принцесса просила передать вам это – в знак своего благоволения и начала вашей новой службы.

Из вышитого ручного мешочка Калеа достала массивное золотое кольцо с большим синим камнем и протянула его Гвендилене.

– Благодарю...

В жизни еще никогда Гвендилена не видела таких красивых вещей. «Ну кроме того случая на озере Трелоно», – услужливо

подказала память. Но это было давно, и, может быть, чудесный венец только померещился ей... А сейчас – совсем другое дело!

Девушка взяла перстень, подивилась его тяжести и осторожно примерила. Он пришелся как раз впору на безымянный палец. «Успеешь еще поносить кольца!» – стукнуло в голове. Ги́ла знала, что говорила...

Калеа наблюдала за ней, почти не скрывая неприязни. Видно было, что, будь ее воля, Гвендилена давным-давно оказалась бы за воротами замка.

– С завтрашнего утра извольте приступать к своим обязанностям, Гвендилена! – произнесла она и, поджав губы, добавила: – Разумеется, если вы еще не передумали.

«Еще чего захотела, старая корова!» – подумала про себя Гвендилена, но вслух сказала совсем другое:

– О нет, разумеется... Благодарю вас. Я счастлива служить принцессе и королевской семье!

* * *

На следующее утро Гвендилена стояла перед дверью в покои принцессы Эвины. Наряженная в новое платье, с высокой прической, над которой веселой хохотушке Летте пришлось немало потрудиться, девушка чувствовала себя неуклюжей и скованной. Длинные пышные юбки отчего-то путались в ногах, так что Гвендилена все время опасалась наступить на подол, тугая шнуровка сдавливала тело, мешая дышать, от волос, скрученных на макушке, с непривычки болела голова... На миг Гвендилена испугалась, что вот-вот упадет в обморок.

Собрав все свое мужество, она осторожно постучала, и дверь распахнулась перед ней, как будто сама собой. Девушка не сразу заметила карлика в разноцветном балахоне, который исполнял роль привратника. Склонившись в шутовском поклоне, он приветствовал ее, скаля желтые лошадиные зубы, а Гвендилена застыла на пороге, не смея войти.

Комната принцессы была убрана в бело-розовых тонах. Легкие ткани, прозрачные занавеси, мебель, затейливо расписанная цветами, – все было таким легким, чистым и красивым... Казалось, здесь могут

обитать светлые *альвы* или небесные духи, но никак не земные женщины, пусть даже благородные дамы королевской крови!

Принцесса сидела на кушетке, обитой шелком, в окружении своих фрейлин. Весело болтая с ними, одной рукой она чуть покачивала колыбель. Ее белокурая головка на точеной шее казалась похожей на диковинный цветок. Облаченная в просторное платье, отделанное кружевами, она выглядела на удивление юной и невинной — невозможно было представить себе, что это мать двоих детей! — и такой прелестной, что Гвендилена невольно залюбовалась ею.

Увидев ее, принцесса улыбнулась.

— А, это ты... Входи.

Не чувствуя ног под собой, Гвендилена подошла ближе. Она очень боялась поскользнуться на полу, блестящем, словно зеркало, и потому двигалась маленькими шажками.

— Ваше высочество...

Она попыталась присесть в реверансе, чуть приподняв длинные юбки и выставив ножку вперед, как показывала Летта, но получилось не очень-то удачно — Гвендилена все-таки поскользнулась на натертом паркете и чуть не упала. Фрейлины отводили глаза, некоторые даже фыркали в кулачок, а Гвендилена готова была сквозь землю провалиться от неловкости и стыда за свою неуклюжесть. В этой роскошно убранной комнате она чувствовала себя чужой, словно зверь, которого поймали в лесу и зачем-то привели в дом...

Только сама принцесса Эвина не подала вида. Она посмотрела на хихикающих фрейлин с легкой укоризной и звонко вымолвила:

— Дорогие подруги, перед вами Гвендилена. Это она спасла моего малыша, когда он упал в очаг, и потому стала одной из вас. Будьте добры и терпеливы к ней! Надеюсь, с вашей помощью она сможет скоро освоиться.

Девушка почувствовала, как в груди разлилось тепло, и в то же время ей хотелось заплакать, как плакала она давным-давно, еще в детстве, уткнувшись в материнский подол и точно зная, что мать пожалеет и утешит, погладит по голове, шепнет на ухо что-то ласковое и вытрет слезы... С тех пор никто больше не был так добр к ней!

Гвендилена низко поклонилась — на этот раз она уже не пыталась заботиться о том, чтобы ее движения выглядели грациозными! — и, стараясь справиться с дрожью в голосе, тихо сказала:

– Ваше высочество, я счастлива служить вам...

Глава 2

За окнами замка ревел и метался, горестно завывая, злой зимний ветер. Где-то внизу шумело море, волны бились о камни, и в неумолчном гуле чудилось что-то зловещее и безнадежное.

Свеча на низком резном столике догорала, чадя и потрескивая, но Гвендилена, казалось, не замечала этого. Глядя в темноту за окном, она думала о том, что время позднее, она устала, и давно пора ложиться в постель – ведь завтра ей предстоит еще один долгий день, с утра до темноты заполненный бесконечными хлопотами и суетой. Самое время раздеться, снять тугий корсет, распустить волосы и юркнуть под одеяло... Но спать ей совсем не хотелось. Трудно заснуть, когда гнетут невеселые мысли и печаль угнездилась в сердце подобно змее под корягой в лесу!

С тех пор как Гвендилена стала дамой-компаньонкой – а по сути, служанкой принцессы и нянькой ее детей, – для нее мало что изменилось. Да, теперь она каждый день ест досыта, носит красивые платья, у нее появилась комната с мягкой постелью – пускай не роскошные хоромы, но, по крайней мере, здесь можно закрыть за собой дверь и остаться одной – и даже собственная горничная... Принцесса Эвина разрешила ей оставить при себе Летту, но Гвендилена до сих пор вздрагивает, когда та, обращаясь к ней, говорит «госпожа».

Поначалу было особенно тяжело. Гвендилена очень старалась поскорее привыкнуть к дворцовым порядкам и научиться всему, что нужно знать и уметь в ее нынешнем положении, – грациозной походке, поклонам и реверансам, искусству правильно выбирать платья и прически, вести себя за столом, а главное, говорить, как подобает благородной даме, но получалось плохо. Другие фрейлины из свиты принцессы почти открыто насмехались над ней, называли дикаркой и неуклюжей деревенщиной. Было обидно, но Гвендилена старалась не подавать вида. Что могут знать о ее жизни эти разряженные куклы? Дочки благородных родителей, они с колыбели купались в роскоши, ни в чем не знали отказа, и теперь видеть рядом с собой вчерашнюю кухонную рабыню для них оскорбительно! Людей, подобных ей, они и

замечать-то не привыкли, как не замечают пыль под ногами. Гвендилена понимала это и терпела насмешки, стиснув зубы. «Ничего, – думала она, – все еще может измениться... Мне ли не знать об этом?»

Принцесса Эвина оказалась на диво чадолюбивой матерью, и фрейлинам приходилось разделять ее заботы о детях. Маленький Альдерик, ее новорожденный сын, был слабеньким, болезненным, беспокойным, плохо спал и часто плакал. По заведенному порядку вместе с кормилицей на ночь с ребенком непременно оставалась одна из фрейлин, и Гвендилене такие ночи выпадали нередко... Каждый раз она улыбалась и кланялась, благодаря за оказанную честь, хотя сама порой готова была выбросить мерзкого крикуна в окно, прямо на камни.

Немало хлопот доставлял и старший сын принцессы, маленький принц Римеран. После падения в очаг он благополучно поправился, но его лицо так и осталось изуродовано шрамами от ожогов. Целительница Гила была права – красавчиком ему никогда не стать... В замке говорили, что до этого происшествия он был веселым и добрым мальчуганом, но теперь стал капризным и злым, как звереныш. Любимым его развлечением было спрятаться в темном закоулке и неожиданно выпрыгнуть с диким криком под ноги кому-нибудь из проходящих. Служанки визжали от страха и неожиданности, фрейлины, бывало, падали, путаясь в длинных платьях, а гадкий мальчишка заливался счастливым смехом и тут же убегал, чтобы спрятаться снова.

Хуже всего было в те дни, когда принц Хильдегард навещался в покои супруги. Госпожу надо было причесать, умастить ее тело и волосы драгоценными ароматами, облачить в сорочку из тонкого белоснежного полотна с кружевами... И скромно выйти из ее спальни, закрыв за собой дверь. Бывало, принц оставался на всю ночь, а иногда случалось, что он не выходил из ее покоев день или два. В такие дни еду для них нужно было оставлять у порога, а служанки шептались, что в ближайшее время Эвине и Хильдегарду следует ждать появления нового отпрыска.

Другие фрейлины рады были провести время за чашкой душистого отвара из трав, сдобренного медом и пряностями, сплетничая и хихикая, но для Гвендилены это было мучительно.

Каждый раз она зажимала уши, стараясь не слышать звуков, доносящихся из покоев принцессы, но, как нарочно, это не помогало. Скрип кровати, вздохи, стоны, смех и ласковое воркование – все это резало как ножом по сердцу. Как она мечтала хоть раз оказаться на месте госпожи! Все в замке знали, что своей благосклонностью принц Хильдегард не обходит даже служанок и судомоек... «В отца пошел!» – шептались старые слуги. Но напрасно Гвендилена прихорашивалась и старалась почаще попадаться принцу на глаза – он даже не замечал ее. Просто проходил мимо, беззаботно насвистывая, и обращал внимания не более чем на мебель. От этого можно было сойти с ума!

Однажды, в ненастный осенний вечер, принц пожелал отужинать в покоях супруги. Он был в хорошем настроении, пил вино, шутил с фрейлинами, даже покачал на колене старшего сына, и мальчик был вне себя от радости, впервые, может быть, позабыв о собственном уродстве... Казалось, Хильдегард обладал удивительным даром делать счастливыми всех вокруг, не прилагая к этому ни малейших усилий! В который раз Гвендилена искала его взгляд, жадно и трепетно – и, как всегда, напрасно.

Отправляясь спать, она видела, как принц сидел у камина, рассеянно почесывая за ухом любимую охотничью собаку, и почувствовала острую, жгучую зависть к ней. В этот миг она охотно бы поменялась местами со старой пятнистой сукой с артритными лапами и мутными глазами, лишь бы быть рядом с любимым, смотреть ему в глаза, чувствовать на себе его руки... Даже собаку он иногда удостоивает лаской, разве она хуже?

С того дня Гвендилена почувствовала, как в ее душе словно что-то надломилось. Ее не радовали больше ни вкусная еда, ни нарядные платья, ни жизнь во дворце... Раньше о таком она бы и мечтать не могла, но к чему все это, если нет надежды?

И сейчас, глядя в темноту за окном сухими воспаленными глазами, она думала о том, сколько еще ночей ей придется провести, плача в подушку? Сколько лет прожить без любви, пока ее тело не иссохнет и не состарится, а душа не зачахнет окончательно? Ни один мужчина не смотрел на нее с вожделением – если только не считать тот случай, когда пьяный отчим попытался влезть к ней в постель

после похорон матери. Неужели так будет всегда? И принц Хильдегард останется недосыгаемым, как звезда в небе...

«Я не знаю, что делать, – с тоской думала Гвендилена, – я совсем одна...»

Она почти не удивилась, когда рядом послышался знакомый тихий голос:

– Если не знаешь, что делать, спроси у того, кто знает! Или у той.

Неожиданно перед глазами встало лицо Гилы. Да, наверное, эта женщина сведуща не только в целительстве... Гвендилена вспомнила, как когда-то в деревне многие женщины и девушки бегали тайком к знахарке Милве за приворотным зельем. Даже сестра Айя навещала ее туда – говорила, что просто за компанию с подругой, чтобы ей, бедняжке, не было страшно идти одной... Что входило в состав вязкой черной жидкости, доподлинно никому не известно, но Вета, дочь соседа-сапожника, старшая в многочисленном и бедном семействе, не блиставшая к тому же красотой – в детстве девушка переболела оспой, и следы остались на всю жизнь, – совершенно неожиданно вышла замуж за Арведа Пека из соседней деревни. Человек он хоть и пожилой, но добрый и зажиточный, так что Вете не пришлось голодать. К тому же она счастливо избежала нашествия *шеди-аваль* и рабской доли – впрочем, как и сама Милва.

Что и говорить, знахарка знала свое дело! Впервые Гвендилена задумалась – так ли уж случайно вышло, что сама Айя приглянулась графскому конюху Вилерду? Ее единственная драгоценность, серебряное колечко, подаренное матерью, куда-то пропало вскоре после того случая! Сестра говорила, что потеряла его, но что, если на самом деле все было не так?

«А может быть, и мне повезет? – думала Гвендилена. – Конечно, Гила может и отказаться помочь, но вдруг... В конце концов, есть только один способ проверить это!»

Наконец она решилась – протянула руку, звякнул серебряный колокольчик, и вскоре на пороге появилась, протирая глаза, отчаянно зевающая горничная Летта. Видно было, что она уже давно спала... Гвендилене даже стало немного стыдно за то, что разбудила ее – давно ли она сама чистила котлы на кухне и радовалась, если удавалось поспать немного?

Впрочем, эта мысль была мимолетной. «Бери, что хочешь, и заплати за это!» – говаривал когда-то отчим, стоя за прилавком, и, надо признаться, он был прав.

– Что вам угодно, госпожа?

– Пойди и приведи ко мне Гилу, целительницу! Мои руки... – она беспомощно вытянула пальцы перед собой, – мои руки все еще беспокоят меня, особенно по ночам.

Так же отчаянно зевая, Летта поклонилась и вышла, шлепая разношенными башмаками.

Ожидание показалось очень долгим. Гвендилена старательно пригладила волосы, поправила покрывало на ложе, зажгла новую свечу взамен чадающего огарка, а Гилы все не было. Девушка уже испугалась, что она вовсе не придет... Она кусала губы от волнения, глядя в темноту за окном, и думала, что зря затеяла все это.

Ги́ла вошла почти неслышно, ступая мягко, как большая кошка. Только дверь чуть скрипнула, послышалось шуршание накрахмаленных нижних юбок, да сильнее затрепетало пламя свечи на сквозняке... Не говоря ни слова, она поставила на стол свою сумку, с которой, кажется, никогда не расставалась, и строго спросила:

– Что с тобой? Руки еще болят? Странно...

Гвендилена лишь кивнула. Было очень страшно, что ее уличат во лжи... Но и отступить уже поздно.

Ги́ла поставила свечу поближе, быстро осмотрела руки девушки, покачала головой и чуть прищелкнула языком.

– Твои руки не болят, – она заглянула Гвендилене в лицо, – что тебе нужно на самом деле?

Целительница смотрела так же строго, как и в тот день, когда Гвендилена впервые увидела ее, и невозможно было соврать, чувствуя на себе этот взгляд.

– Да, правда, – призналась она, – мои ожоги давно зажили. Но я чужая здесь, никого не знаю! Бедной одинокой девушке всегда нужен совет мудрой опытной женщины...

– В самом деле? – прищурилась целительница. – А мне показалось, что ты прекрасно обходишься и так.

Гвендилена опустила голову, а Ги́ла продолжала говорить, безжалостно отчеканивая каждое слово:

– Ты хитрая девочка и, видно, далеко пойдешь. Из кухонной рабыни стать дамой-компаньонкой самой принцессы – это не каждой удастся! Наш маленький принц Римеран очень кстати упал в очаг.

Гвендилена почувствовала, как внутри все холодеет от ужаса. Если эта женщина догадалась о ее тайне, для нее все кончено!

– Когда ты... узнала? – выдохнула она.

– Сразу же, – пожала плечами Гила, – это было совсем не так уж трудно. Я видела твои глаза.

– Почему же ты не выдала меня? – Гвендилена старалась говорить спокойно, но голос ее предательски дрогнул.

Целительница ответила не сразу. Ее лицо омрачилось, губы сжались в нитку, и тонкая морщинка залегла между бровей.

– Я не питаю большой любви к династии, – призналась она, – и с тех пор как оказалась здесь, я не нашла ни одной причины испытать это прекрасное чувство!

Она замолчала, глядя перед собой отсутствующим взглядом. Казалось, эту женщину, на вид спокойную, бесстрастную, даже холодную, гнетет какое-то горе, такое давнее, что она свыклась с ним... Молчание длилось довольно долго, но Гвендилена не смела заговорить. Наконец, будто вспомнив о ее существовании, целительница спросила резко, почти зло:

– Так что тебе нужно?

Гвендилена вздохнула и почти до крови прикусила губу. Признаться в том, что не дает ей спать по ночам, было непросто!

– Я слышала, что мудрые женщины, вроде тебя, бывают сведущими не только в целительстве, но и в любовных делах, – осторожно вымолвила она, – не знаю, правда ли это... Но так говорят.

Гила посмотрела на нее с интересом.

– Значит, ты влюблена, а твой избранник не желает отвечать тебе взаимностью? – уточнила она.

Гвендилена опустила глаза.

– Да. Он просто не замечает меня.

– И кто он?

Девушка почувствовала, как горячая волна захлестнула ее с головы до ног. Как сказать вслух о том, о чем и мечтать-то смеешь лишь украдкой? Но и промолчать нельзя, другого случая изменить

судьбу может и не представиться! Наконец, она набрала побольше воздуха в грудь и выдохнула:

– Это... Это принц Хильдегард!

– Кто? Не ослышалась ли я? – переспросила целительница и коротко, резко расхохоталась. – Пожалуй, тебя не назовешь скромницей! – добавила она, покачивая головой.

Гвендилена молчала, пристыженная и смущенная. Было обидно, что целительница посмеялась над ней и тщательно лелеемая надежда оказалась напрасной, но, наверное, этого и следовало ожидать! Сейчас она встанет и уйдет, и хорошо еще, если никому не расскажет об этом, иначе слухи мигом поползут по замку, и тогда ей несдобровать. В лучшем случае ее просто прогонят прочь, а в худшем... Даже подумать страшно!

Но Гила почему-то и не думала уходить. Отсмеявшись, она поправила чуть сбившуюся повязку на голове и сказала уже серьезно:

– Как говорили когда-то в моих родных местах, – если уж мечтать, то ни в чем себе не отказывать!

– Ты... нездешняя? – несмело спросила Гвендилена.

– Да, – кивнула Гила, – я с севера, с острова Зорвал.

О том, где находится остров Зорвал, Гвендилена не имела ни малейшего понятия. Было бы очень любопытно узнать что-то о чужих краях, но вместо этого она спросила совсем другое:

– Как же ты здесь оказалась?

– Так же, как и ты, – пожала плечами целительница, – только давно.

Гвендилена поежилась, будто снова ощутила тяжесть цепей и удары кнута. О прошлом она старалась не вспоминать...

– Неужели ты тоже была рабыней? – удивилась она.

– Я и сейчас рабыня, – равнодушно ответила Гила, – мой прежний хозяин преподнес меня в подарок на свадьбу Эвины и Хильдегарда. Но сейчас это не важно. Дай-ка посмотреть на тебя, девочка...

Она бесцеремонно взяла Гвендилену за подбородок и принялась рассматривать ее лицо, словно читая только ей ведомые знаки. Это было непривычно и странно, но девушка покорно терпела. Наконец, Гила отстранила ее.

– Значит, ты желаешь заполучить принца Хильдегарда? – сказала она, медленно и четко выговаривая каждое слово. – Что ж, пожалуй, я

помогу тебе! А ты поможешь мне в свое время.

И с жесткой, злой усмешкой добавила:

– Если будешь во всем слушаться меня, скоро он будет бегать за тобой, словно пес за сукой!

Это прозвучало грубо, но Гвендилена задохнулась от радости.

– Разве это возможно?

– Почему нет? – удивилась целительница. – Все мужчины одинаковы! Они – звери, да... Но даже медведя можно научить плясать и кланяться.

Гвендилена потупилась.

– Ведь я некрасива... Даже мать когда-то мне говорила об этом!

Ги́ла чуть улыбнулась.

– О, это не так важно, – утешила она девушку, – поверь, внешность – не главное! К тому же... В тебе есть особая красота – та, что сродни колдовству. Она незаметна беглому взгляду, спрятана глубоко, как соко́вища, что лежат на дне моря. Ты и сама об этом знаешь... Или хотя бы догадываешься. Думаю, когда-то тебе довелось пережить нечто... – Она прищелкнула пальцами, будто подыскивая подходящее слово. – Нечто особенное!

Гвендилена готова была уже рассказать об озере Трелоно, о волшебном венце с зеленым оком во лбу, о смерти сестры, даже о том, как побывала в Аннуне... Но лишь она открыла рот, Ги́ла остановила ее, выставив руку вперед, словно защищаясь.

– Нет! Я не хочу об этом знать. Есть вещи, о которых не стоит рассказывать. У женщин всегда есть тайны... Скоро ты и сама это поймешь.

Целительница таинственно улыбнулась. В этой улыбке было нечто такое, что Гвендилена всей душой поверила – ее мечта действительно может воплотиться в реальность, и задохнулась от переполняющей ее благодарности. Ги́ла по-прежнему казалась ей жестокой, холодной, даже страшной, но сейчас от радости она готова была целовать ей руки.

– Благодарю тебя... Благодарю! – залепетала она. – Я отдам все платья и драгоценности, к тому же принцесса Эвина обещала мне десять золотых...

Но Ги́лу это ничуть не обрадовало.

– Можешь оставить себе свои украшения и платья, – резко сказала она, – перестань, а то я передумаю!

– Чем же я смогу отблагодарить тебя? – растерялась Гвендилена.

– В свое время узнаешь, – ответила целительница.

Она легко поднялась и вышла, чуть шурша накрахмаленными нижними юбками.

Глава 3

С того дня для Гвендилены началась совсем другая жизнь. Внешне все осталось по-прежнему – она выполняла обязанности компаньонки, развлекала госпожу, занималась детьми, но почти каждый вечер девушка тенью выскальзывала из своей каморки и шла в Угловую башню, туда, где ждала ее Гила.

Обиталище целительницы находилось высоко, под самой крышей. Чтобы попасть туда, приходилось долго подниматься по крутой винтовой лестнице, и поначалу Гвендилена входила потная, запыхавшаяся и растрепанная. Правда, вскоре она привыкла и стала преодолевать ступеньки легко, перепрыгивая с одной на другую, словно коза.

Комната была странная – округлой формы, с высокими стрельчатыми окнами, уходящими под крышу. Казалось, она открыта всем ветрам и парит высоко над миром... То, что происходило там, было новым, непривычным, одновременно прекрасным и пугающим.

Каждый раз, приходя, Гвендилена не знала, что ждет ее. Целительница то растирала ее тело остро пахнущими снадобьями, то поила горьким настоем неведомых трав, то заставляла повторять за ней непонятные слова, глядя на пламя свечи... Бывало, что она просто сидела, уставившись в пустоту и одним дыханием напевая бесконечную тягучую мелодию, от которой все внутри мелко дрожало и трепетало.

Иногда, напротив, Гилу охватывало безудержное веселье, и она начинала танцевать, увлекая за собой Гвендилену. В свете масляной лампы тени их плясали на стене, и иногда казалось, что к ним присоединяется кто-то еще! Тени появлялись и исчезали, они то сплетались друг с другом, то прятались, затаившись, у оконных проемов. Девушке казалось даже, что она слышит музыку, словно где-то рядом играют свирели и арфы, заливаются скрипки и бьет большой барабан... Это было, конечно, странно, но Гвендилена скоро перестала задаваться подобными вопросами. Она точно знала – Гила творит волшебство, а кто может его объяснить? В него можно только верить!

К себе Гвендилена возвращалась глубоко за полночь, а то и под утро, без сил падала в постель и сразу же засыпала. Случалось, по утрам она просыпалась совершенно разбитой, а иногда, наоборот, на удивление бодрой и свежей. Девушка очень боялась, что кто-нибудь догадается о ее тайне, и к своим обязанностям стала относиться ревностнее обычного. Это было непросто, но она очень старалась... И к удивлению своему, начала замечать, что ее усилия не напрасны.

Постепенно ушли в прошлое бессонные ночи с маленьким Альдериком. Неожиданно оказалось, что ребенок лучше засыпает под тягучие колыбельные песни, что Гвендилена слышала в родной деревне, и девушке, убаюкав младенца, удавалось и самой поспать хоть немного.

Со старшим принцем, Римераном, было гораздо сложнее. Осознав свое уродство и непохожесть на других, мальчик все больше уходил в себя. Теперь он все время прятался по темным углам, закрывал лицо руками и почти перестал разговаривать. Даже слуг и фрейлин пугать ему надоело.

Принцесса Эвина очень беспокоилась о нем. Однажды она решила поделиться с мужем своей тревогой, но тот лишь беззаботно отмахнулся. Легкий, веселый, принц Хильдегард не любил плохих новостей...

– Все будет хорошо, – со своей всегдашней обаятельной улыбкой ответил он, – а если даже нет... У нас ведь есть и младший сын, не так ли? И будут еще другие!

– Как можно так говорить? – возмутилась Эвина. Всегда такая кроткая, покорная мужу, в этот миг она выглядела испуганной, но преисполненной решимости защитить свое дитя. – Ведь он наш первенец, наследник!

– Да, ты, пожалуй, права, – задумчиво отозвался Хильдегард, – его и людям-то показывать страшно...

Лицо его омрачилось – впрочем, ненадолго. Принц не любил предаваться печальным мыслям.

– Ничего! – улыбнулся он. – Ведь у нас впереди еще много лет, все может случиться... И в конце концов, есть еще монастыри и храмы! Если наш сын захочет провести жизнь в молитвах и благочестивых размышлениях, мы ведь не станем ему препятствовать, не так ли, дорогая?

Он нежно потрепал юную супругу по щеке, но принцесса Эвина разрыдалась и выбежала прочь. Повернувшись на каблуках, принц вышел, не говоря ни слова, и на его лице впервые мелькнуло совсем другое выражение – одновременно злое и обиженное, как у ребенка, которого оставили без сладкого за обедом. Впервые за все время, что Гвендилена служила своей госпоже, принц покидал покои супруги таким раздосадованным и недовольным!

С того дня он стал навещать ее значительно реже. А если и приходил, то уже не оставался надолго, и из спальни не слышно было больше ни смеха, ни нежных словечек... Принц Хильдегард лишь исполнял супружеский долг и тут же спешил куда-то прочь, словно покончив с надоевшей обязанностью. Эвина тяжело переживала охлаждение мужа и часто ходила бледная и печальная. Вместе с другими фрейлинами Гвендилена утешала госпожу, но в сердце ее уже шевелилась робкая, слабенькая надежда.

Однажды малыш Римеран не пришел к ужину. Поначалу это никого особенно не встревожило, но мальчик не появился, даже когда пришло время ложиться спать, и мать не на шутку забеспокоилась. Фрейлины отправились искать его в дворцовых закоулках. Вместе с ними искала и Гвендилена. Со свечой в руке она обходила темные коридоры, досадуя на несносного мальчишку. Там, в башне, Гиля снова ждет ее, но вместо того, чтобы постигать ее науку, приходится ловить этого сорванца!

Она и сама не знала, что заставило ее зайти в кладовую, где обычно хранились вещи, вышедшие из употребления, прежде чем отправиться в приют для бедных – принцесса Эвина любила заниматься благотворительностью! – и открыть тяжелую створку стенного шкафа. Там, среди пыльных подушек и траченных молью бархатных занавесей, свернувшись в клубочек и подложив ладонь под щеку, спал маленький принц. Он выглядел таким одиноким и беззащитным... Лицо, изрытое глубокими шрамами, казалось уродливой грубой маской. На щеках остались мокрые дорожки от слез, и видно было, что малыш долго плакал, перед тем как заснуть.

Глядя на несчастного ребенка, Гвендилена почувствовала острый укол стыда за то, что сделала с ним. Она сама готова была расплакаться, но тут мальчик проснулся.

– Кто здесь? – пробормотал он, отворачиваясь от света и прикрывая лицо рукой. – Уходи!

Глаза были синие, отцовские... И взгляд такой же. «Наверное, он должен был вырасти красивым юношей, если бы не тот случай, – подумала Гвендилена. – Но я ведь не знала, что так получится!»

– Это я, Гвендилена, одна из фрейлин вашей матушки, – сказала она. – Пойдемте скорее, ваше высочество, она очень волнуется!

Она протянула ему руку, но мальчик вовсе не собирался сдаваться просто так.

– Не хочу! Не пойду! – кричал он, отталкивая ее.

Гвендилена осторожно поставила свечу на пол и ловко подхватила малыша на руки. Он отчаянно отбивался, но девушка не обращала внимания и прижимала к себе, как в тот день, когда вытащила его из очага. «Ничего, не плачь, все будет хорошо...» – шептала она, глядя его по голове, и постепенно ребенок затих, уткнувшись ей в плечо. Отчаянные рыдания перешли в тихое всхлипывание, и Гвендилена уже собиралась отнести его к матери, когда он вдруг встрепенулся и поднял голову.

– Теперь я урод... Зачем ты спасла меня? – выдохнул он.

Он выглядел маленьким старичком, и в голосе его звучало совершенно взрослое, беспредельное горе. Хотелось как-то утешить его, но что тут поделаешь? В замке полно зеркал, и любое из них поведаст мальчику горькую правду.

Почему-то девушка вспомнила сказки, что рассказывала старая Аливель. Она знала много историй, и большую часть Гвендилена давно позабыла, но одна всплыла в памяти.

– Людрик Великий тоже был покрыт роговым панцирем вместо кожи! – выпалила она. – Его обожгло дыхание дракона, но он стал героем и великим королем.

Мальчик явно не ожидал такого. Он мигом перестал плакать, утер слезы кулаком и удивленно уставился на нее.

– Это правда? – озадаченно спросил он.

– Конечно! – храбро ответила Гвендилена. Старая Аливель, конечно, была сумасшедшей и часто несла всякий вздор, но ведь история об Аннуне оказалась правдой...

– А ты расскажешь мне про Людриха? – спросил маленький Римеран.

– Расскажу. Непременно расскажу! – улыбнулась Гвендилена. – Но это будет наш секрет. И только если ты будешь слушаться.

– Буду... Правда буду.

– Тогда пойдем к маме. Я только возьму свечу, чтобы мы не заблудились в темноте...

Мальчик доверчиво прижался к ней, обхватив за шею, и Гвендилена чувствовала его теплое дыхание у себя где-то возле уха. Когда она вошла в покои принцессы, ребенок уже крепко спал.

Принцесса Эвина была вне себя от беспокойства. Она металась из угла в угол и распекала фрейлин за нерадивость, что вообще-то случалось с ней нечасто. Увидев Гвендилену с малышом на руках, она кинулась к ней.

– Что случилось? Что с моим сыном?

– Ничего... – пожала плечами Гвендилена, – его высочество просто играл в кладовой и заснул.

После этого случая принц Римеран действительно стал гораздо более покладистым. Он послушно соглашался мыть руки, есть, отправляться гулять в парке и даже учиться грамоте, но только если Гвендилена была рядом. Старый Эйрик – он ведал библиотекой в замке и когда-то давно обучал еще короля Людриха – не уставал удивляться успехам маленького принца. А вскоре и сама Гвендилена с удивлением обнаружила, что непонятные закорючки в книгах стали сами собой складываться в слова... Она даже писать научилась потихоньку, выводя буквы тонкой палочкой на покрытой воском доске!

Как-то само собой получилось, что в свите принцессы Гвендилена оказалась на особом положении. Госпожа часто хвалила и отличала ее, ставила в пример другим и даже подарила *лаввис* – тяжелый золотой браслет, украшенный самоцветами, служащий знаком отличия для девушки из знатной семьи.

– То, что не дано от рождения, можно заслужить терпением и преданностью! – сказала она и, обернувшись к другим девушкам, добавила: – Пусть для всех вас это послужит уроком.

Вскоре Гвендилена стала замечать, что другие фрейлины перестали смеяться над ней. Некоторые даже заискивали и искали ее дружбы, но она так ни с кем и не сблизилась. Товарок она в глубине души считала сборищем безмозглых куриц и не видела особой

разницы между обществом благородных девиц и служанок на кухне, но держалась со всеми ровно, спокойно и приветливо.

Но еще удивительнее было другое. Каждый день Гвендилена видела, как расцветает ее красота – кожа становится белее и мягче, на щеках проступает легкий румянец, и волосы блестят, отливая цветом воронова крыла. Ее талия стала такой тонкой, что все платья приходилось ушивать, налилась грудь, раздались бедра... Исчезла неуклюжесть и скованность, теперь ее движения были грациозными и легкими, а походка – плавной. Но главное – ее отражение в зеркале все чаще, все сильнее напоминало то прекрасное лицо, что когда-то Гвендилена увидела в водах озера Трелоно! Только венца на голове не хватало...

Это и радовало, и пугало одновременно. Изменения были такими разительными, что Гвендилена пыталась до поры до времени спрятать их – притушить сияние глаз, скромно опуская ресницы, скрыть под одеждой фигуру, спрятать лицо от любопытных взглядов. Но, как она ни старалась, перемены, происходящие с ней, скоро стали заметны и окружающим. Даже принцесса Эвина однажды сказала:

– Ты так похорошела, Гвендилена... Стала совсем другой. Может, ты влюблена? Скажи правду, не стыдись! Каждая девушка хочет быть счастливой.

Гвендилена вспыхнула от смущения. Сама мысль о том, что Эвина догадается о ее чувствах к принцу Хильдегарду, повергала ее в ужас... Она покраснела и, опустив глаза, тихо вымолвила:

– О нет, ваше высочество! Служить вам – уже счастье для меня.

Глава 4

Время шло. Кончилась зима, растаял снег, и с моря задули теплые *аккары* — ветры, приносящие лето. В саду зацвели персики и миндальные деревья. Принцесса Эвина почти каждый день прогуливалась там с детьми и фрейлинами.

Несмотря на охлаждение супруга, она снова носила под сердцем дитя. На этот раз беременность давалась ей тяжело. Ее прелестное лицо стало бледным и одутловатым, на щеках выступили темные пятна, ноги опухали... Фрейлины и служанки сбивались с ног, стараясь угодить ей, но это было нелегко — принцессе хотелось то свежей клубники, то буйволиного молока со льдом, то горячего отвара из травы *гиззал* с медом. Однажды она среди ночи потребовала принести большой кусок свиного сала с кожей и тут же с жадностью съела. Иногда, напротив, она вовсе не могла есть, страдая от тошноты, и лицо ее страдальчески кривилось от одного вида или запаха приготовленных кушаний. Напрасно Калеа уговаривала ее, как ребенка, съесть хотя бы ложку супа или крылышко цыпленка! Принцесса лишь качала головой.

— Унесите это, — повторяла она, — унесите поскорее!

Лишь на свежем воздухе, в саду, ей становилось легче, и, бывало, она проводила тем целые дни, сидя в любимом кресле под старой яблоней. Иногда, придя в хорошее настроение, она приказывала позвать Лейра из Адлона — молодого, но уже прославленного певца, прозванного также Сладкоголосым.

Лейр был как ясный день... Даже суровая Калеа благоволила к нему! Любую, даже старую и всем известную балладу вроде «Возвращения моряка» или «Лесной тайны» он умел спеть так, что всем казалось, будто слушают ее в первый раз. Когда Лейр пел о любви, в груди любой женщины что-то замирало, словно он пел для нее одной... И что уж греха таить — многие девушки из свиты принцессы грезили ночами о его голубых глазах, золотистых кудрях до плеч и белозубой улыбке!

Впрочем, напрасно юные фрейлины вздыхали и строили глазки красавчику-певцу. Со всеми он был изысканно любезен и вежлив, но

не более того. Лишь когда ему случилось взглянуть на принцессу, Лейр почему-то спешил отвести глаза, и на лице его мелькало странное выражение – одновременно испуганное и молящее, почти благоговейное, будто в храме...

В один из дней, когда солнце пригревало особенно сильно, почти по-летнему, Гвендилена, возвращаясь с прогулки, вдруг заметила, что потеряла кольцо – первый подарок принцессы Эвины, то самое, что она когда-то прислала ей в знак начала ее новой службы. Это опечалило ее так, что она готова была расплакаться от досады. Кольцо было не просто украшением, но символом ее положения, знаком чуда... Как иначе назвать превращение из жалкой кухонной рабыни в придворную даму? Напрасно госпожа утешала ее, обещая подарить другое.

– Благодарю вас, ваше высочество, – Гвендилена грациозно присела в реверансе, чуть приподняв пышные юбки и скромно опустив ресницы, – вы очень добры... Мне кажется, я обронила кольцо в саду. Прошу, позвольте мне пойти поискать его.

– Ступай, – отозвалась принцесса, – но не задерживайся слишком долго! У принца Римерана урок чистописания, скоро придет наставник... Мой сын любит, чтобы ты была рядом.

На миг Гвендилене показалось, что в голосе госпожи слышится ревность, но она не подала виду.

– Благодарю вас, я скоро вернусь!

Оказавшись в саду, Гвендилена даже позабыла, зачем пришла. Впервые она была здесь одна! Не нужно было следить за детьми и угождать госпоже, и Гвендилена, вдыхая нежный аромат цветов, впервые за долгое время чувствовала себя свободной. Легкий ветерок щекотал шею, нашептывал на ухо о чем-то сладком и грешном, словно юный влюбленный, и мир был прекрасен, как никогда раньше...

Кольцо отыскалось неожиданно быстро. Впрочем, Гвендилена отчего-то была совершенно уверена, что найдет его! Когда среди корней старого дерева, вцепившихся в землю, как длинные узловатые пальцы, что-то блеснуло, она почти не удивилась. Девушка наклонилась, осторожно достала кольцо и поспешила надеть его. Она даже руку сжала в кулак – для верности, чтобы не упало снова!

Пора было возвращаться, но Гвендилена все медлила. В саду было так хорошо, что уходить не хотелось. Вдруг цветущие ветки как-то

странно закачались, и девушка почувствовала на себе чей-то взгляд. Она оглянулась, пытаясь понять, кто наблюдает за ней, да так и застыла на месте. Перед ней стоял сам принц Хильдегард! В его синих, чуть прищуренных глазах сверкали золотые искры, на губах играла легкая усмешка, и белые лепестки цветущей яблони осыпались на плечи и волосы, словно снежные хлопья. Гвендилена почувствовала, что сердце вот-вот выскочит из груди. Столько дней она мечтала оказаться наедине с возлюбленным, а теперь вдруг совершенно растерялась!

– Приветствую вас, мой господин... – пролепетала она, – пусть этот день будет добрым для вас.

Принц шагнул к ней. В его глазах было такое удивление, словно перед собой он видел единорога или морскую деву с рыбьим хвостом.

– Как тебя зовут? – тихо вымолвил он.

– Гвендилена...

– Кто ты, откуда? Почему я не встречал тебя раньше?

Гвендилена вскинула голову. «Ты видел меня каждый день! – хотела крикнуть она. – Видел, но не замечал!» Но вслух сказала совсем другое:

– Я одна из фрейлин вашей супруги.

– Как я мог быть таким слепцом? Не заметить подобной красоты...

Теперь он говорил шутливо, в привычной манере, но в голосе, в глазах, в учащенном дыхании было заметно волнение.

– Вы очень добры, ваше высочество, – Гвендилена присела в реверансе, бросив на принца быстрый кокетливый взгляд из-под ресниц. Она уже вполне оправилась от смущения. Впервые в жизни она чувствовала себя красивой и желанной, но главное – ощущала свою власть над мужчиной! «Будет бегать за тобой, как пес за сукой», – вспомнила она слова целительницы. Да, грубо, но доля правды в этом определенно есть!

– Позвольте проводить вас в замок, прекрасная дама! – церемонно произнес он. – Юной девушке не стоит бродить одной в этих зарослях!

Вспомнив дремучий лес, окружающий родную деревню, Гвендилена чуть не прыснула от смеха. Даже там она, дочь лесника, никогда не заблудилась бы! Но здесь, в замке, все по-другому... И роль

благородной девицы, пугающейся собственной тени, ей придется играть до конца.

– Благодарю вас, – ответила она, – это честь для меня!

Гвендилена церемонно протянула руку и вдруг оступилась, да так, что еле удержалась на ногах. Неизвестно, что было тому виной – то ли кривой узловатый корень под ногами, то ли голова закружилась от солнца и одуряюще-сладкого запаха. Наверное, она бы упала, но принц Хильдегард ловко подхватил ее за талию, привлек к себе...

То, что было дальше, Гвендилена помнила смутно. Хильдегард сжал ее в объятиях, покрывая поцелуями лицо, шею, плечи... Его губы были такими горячими и жадными, а руки – сильными и нежными! Они опустились на землю, усыпанную опавшими лепестками, и молодая травка была мягче шелкового ковра. Цветущие ветви сомкнулись над ними, укрыв от всего мира. На миг Гвендилена почувствовала боль, но уже в следующее мгновение ее словно подхватила теплая волна, унося куда-то далеко... Противиться этому было просто невозможно! «Я не знала, что так бывает...» – успела подумать она, проваливаясь в сладкое небытие.

Сколько это длилось, Гвендилена не знала. Когда она пришла в себя, небо уже окрасили лучи закатного солнца. Первая мысль была: «Мне давно пора быть в замке!» Девушка вскочила, торопливо оправляя помятое платье. Принц наблюдал за ней, закинув руки за голову, и странное у него было лицо – одновременно счастливое и смущенное.

– Послушай... Ты девственница? – вдруг спросил он. – Я был первым у тебя?

Она обернулась к нему.

– Да... И я счастлива! А сейчас мне пора идти, ваше высочество.

– Я ведь еще увижу тебя, Гвендилена? – крикнул он ей вслед.

– О да, конечно! Когда пожелаете, – лукаво отозвалась она и, подхватив пышные юбки, почти бегом пустилась к замку.

* * *

Беспокоилась она не напрасно – принцесса Эвина была явно не в духе.

– Почему тебя не было так долго? – спросила она. – Принц Римеран опять капризничает!

– Прошу прощения, – Гвендилена опустила глаза. На щеках ее рдел стыдливый румянец, но сердце пело от радости, – в саду было так жарко... Я присела отдохнуть под деревом и случайно задремала. Простите меня, это вышло случайно!

Ее сожаление выглядело таким искренним, что принцесса тут же смягчилась.

– Но ты хотя бы нашла что искала? – спросила она.

– О да... – Гвендилена вытянула вперед руку с поблескивающим на среднем пальце кольцом.

И добавила, стараясь спрятать улыбку торжества:

– Нашла... И больше уж не потеряю.

* * *

Вечером, как обычно, Гвендилена направилась в комнату Гилы. Она долго прикидывала, как сообщить ей о том, что произошло с ней сегодня, искала подходящие слова, но Гила все поняла, едва взглянув ей в лицо.

– Вижу, ты добилась своего! – сказала она. – Что ж, я так и думала.

Она искоса посмотрела на Гвендилену и добавила:

– Похоже, я не зря тратила на тебя время.

– Да... Благодарю тебя, Гила! Принц был со мной! Я не верила, что так может быть, но... Воистину, ты совершила настоящее чудо! Это было так прекрасно...

Она готова была прыгать, петь, кружиться по комнате... Но Гила быстро охладила ее пыл:

– погоди радоваться. Это хорошо, но далеко еще не все.

– Я счастлива! Чего же мне еще? – удивилась Гвендилена.

– Глупая девочка... – тонкие губы целительницы скривились в привычной усмешке. – Думаешь, отдаться мужчине – это самое важное? Тебе еще многому предстоит научиться – разумеется, если хочешь достичь чего-то большего!

Она зачем-то подошла к окну и долго смотрела в небо, словно ища там какие-то знаки. Гвендилена замерла в ожидании. Наконец Гила снова обернулась к ней и сказала совсем другим, деловым тоном:

– Теперь ты не сможешь приходить ко мне так часто, как раньше... Думаю, что ночью у тебя будет другое занятие! Когда будешь с принцем в следующий раз, добудь его волос и каплю крови и принеси мне.

– Зачем? – удивилась Гвендилена.

Гила посмотрела на нее как на неразумную.

– Приворотное зелье надлежит варить в полнолуние, так что стоит поторопиться! А сейчас – зажигай красную свечу, да поживее. И повторяй за мной...

Глава 5

День выдался жаркий, и ночь не принесла желанной прохлады. Тяжелая духота накрыла замок, от камней, раскаленных за день, исходило тепло, как от печки... Но не поэтому Гвендилена ворочалась в своей постели, напрасно пытаясь заснуть.

После того дня в саду вся ее жизнь превратилась в томительное ожидание. Краткие свидания с принцем Хильдегардом пролетали, как одно мгновение... Он настоял, чтобы их связь была тайной, хотя о прежних его многочисленных похождениях в замке судачили почти открыто.

Теперь принца как будто подменили. Целые дни он проводил в покоях супруги, играл с детьми, шутил с фрейлинами... О выполнении супружеского долга и речи не было – принцесса Эвина была уже на сносях! – но с ней он был так очарователен, так изысканно-любезен, что бедняжка просто не знала, какому богу молиться от радости. Он приносил ей фрукты и сладости, помогал подняться, развлекал беседой... «Перебесился, успокоился!» – шептались слуги и придворные. И только Гвендилена отводила глаза и сжимала губы, чтобы ни словом, ни взглядом не выдать тайну, связавшую их.

А по ночам начиналась совсем другая жизнь. Каждый раз это случалось неожиданно... После сигнала к тушению огней в комнату Гвендилены являлся Яспер – доверенный слуга принца. Этого толстого, неприятного человека с желтоватым лицом и вьющимися, будто маслом смазанными, черными курчавыми волосами девушка всегда опасалась. Ни слова не говоря, он протягивал ей плотный серый плащ с капюшоном, украшенный золотым крестом. В таких ходили *джедри-айр* – солдаты из личной гвардии принца, его охрана. Нужно было укутаться, скрыть лицо и следовать за Яспером, молча и быстро.

Длинный коридор, поворот налево, вверх по лестнице, потом направо и три ступеньки вниз... Этот путь Гвендилена могла бы пройти даже с закрытыми глазами! Небольшая комната, спрятанная за толстой дубовой дверью, стала их тайным убежищем.

Едва переступив порог, Гвендилена сбрасывала плащ и тут же оказывалась в объятиях возлюбленного. На руках он переносил ее на

ложе, убранное пестрыми шелками, и то, что было потом, казалось ей сказкой, сладким сном... Раньше она и представить себе не могла, что между мужчиной и женщиной может происходить нечто подобное! Хильдегард был горяч и ненасытен, но в то же время нежен, и Гвендилена в его объятиях чувствовала себя так, будто попала в рай.

Впрочем, она не забывала добавлять в вино приготовленное Гилой приворотное зелье. Может быть, все дело было в нем, а может, и нет, но, во всяком случае, пренебрегать им не стоило! Став любовницей принца, Гвендилена уже не представляла себе жизни без него и готова была на что угодно, лишь бы ее счастье продлилось как можно дольше.

* * *

Луна светила в окно так ярко... «Нет, сегодня принц вряд ли позовет меня к себе, – подумала девушка, отворачиваясь к стене, – лучше бы постараться заснуть хоть ненадолго».

Она уже начала проваливаться в дремоту, когда послышались осторожные шаги, потом – тихий стук в дверь. Один удар, перерыв, два подряд... Яспер! Так стучит только он.

Гвендилена проворно вскочила с постели и, как была, в одной сорочке, метнулась к двери. Яспер смерил ее неодобрительным взглядом, но ничего не сказал. Девушка слишком поздно сообразила, что не успела одеться... Но исправлять эту досадную оплошность было уже некогда. Как обычно, она завернулась в плащ и последовала за ним, не говоря ни слова.

* * *

Первые лучи восходящего солнца окрасили кучевые облака нежно-розовым и золотистым цветом. Внизу шумело море. В эту ночь принц Хильдегард и Гвендилена опять не сомкнули глаз и теперь, вдоволь насладившись друг другом, утомленные и счастливые, лежали рядом на ложе среди смятых шелковых простыней.

– Ты прекрасна... Что тебе подарить? – спросил принц, поглаживая ее гладкое бедро. – Можешь просить все что хочешь!

Гвендилена потянулась, как кошка, жмурясь от удовольствия. Слова Хильдегарда отозвались небесной музыкой у нее в ушах... Как раз накануне она мечтала о золотом ожерелье с эмалевыми подвесками – таком, как у принцессы! – но с этим пока придется повременить. «Ничего не проси! – наставляла ее Гила. – Хочешь получить все – умей отказываться от мелочей!»

– Мне ничего не нужно, – нежным, воркующим голосом ответила она. – Ты мой король, я твоя королева... Чего же мне еще?

Принц Хильдегард вдруг изменился в лице.

– Я не король! – резко ответил он. – И никогда им не буду. Король – мой отец, а мой старший брат – его законный наследник. Мне остается только быть благодарным за то, что отец признал меня, избавив от участи бастарда... И довольствоваться этим, как слуги довольствуются обедами с господского стола.

Он сел на ложе и принялся одеваться. На Гвендилену даже не взглянул, лишь коротко бросил ей:

– Тебе пора уходить!

В первый момент обида обожгла ее. Только что он был так нежен! Гвендилена чуть не расплакалась, но вовремя вспомнила слова Гилы: «Мужчины – звери...»

«Да, так и есть!» – думала она. В замке графа Ральхингера когда-то жил медведь на цепи. Отец принес его из леса еще медвежонком... Егерь по имени Фемель ходил за ним, как за ребенком, – кормил, расчесывал, менял подстилку. Медвежонок был ласковый, охотно позволял себя гладить и так потешно брал сладкий кусок с ладони! Фемель нарадоваться не мог на своего питомца. А потом медведь вырос и одним движением когтистой лапы своротил ему челюсть на сторону, содрал кусок кожи с головы и сломал ключицу. Несчастный еле выжил, медведя пришлось убить, а отец долго еще ворчал и ругался, поминая злополучного Фемеля недобрым словом:

– Ну что за недоумок! Это же дикий зверь, а не кошка! Он всегда остается зверем.

Вот и мужчина – почти что зверь. Он может казаться добрым, ласковым, ручным, даже любящим... Но стоит зазеваться, показать слабость, повернуться спиной – и тебе несдобровать!

– Ты не слышала, что я сказал тебе? Вставай!

Хильдегарт обернулся к ней. Голос звучал раздраженно, почти зло... Но Гвендилене в этот миг принц показался похожим на обиженного ребенка. Даже губу выпячивал точно так же, как маленький Римеран, когда у него отбирали любимую игрушку!

«Ты такой же, как твой сын, – думала Гвендилена, глядя ему в лицо, – только игрушки у тебя другие. Ты хочешь стать королем? Досадуешь на отца и брата за то, что стоят у тебя на пути? Что ж, в этом мире все возможно, даже если пока ты об этом не догадываешься!»

– Да-да, конечно, – она улыбнулась безмятежно и светло, – я сейчас же уйду... Но перед этим я должна сказать вам нечто важное, ваше высочество!

Принц выглядел обескураженным. Казалось, он уже успел пожалеть о своих словах. Гвендилена обняла его, прижалась к нему всем телом... И тихо шепнула на ухо:

– Все еще может измениться!

Глава 6

– Пей!

Гвендилена со страхом и отвращением покосилась на склянку в руках Гилы. На дне плескалась мутная зеленоватая жидкость... Если только поднести ее к губам, – перехватит дыхание от острого запаха, потом все нутро сожмется в болезненном спазме от невероятной горечи, потемнеет в глазах и холодный пот выступит на лбу. О том, что будет дальше, и думать не хочется...

Но Гила неумолима:

– Пей! Пей, если не хочешь родить бастарда. Ты ведь знаешь, что тогда будет с тобой?

Гвендилена знала. Но Гила продолжала говорить, безжалостно отчеканивая каждое слово:

– Тебя прогонят прочь. Возможно, принц Хильдегард захочет дать тебе немного денег, чтобы его отпрыск не рос в нищете, а может быть, и нет. Обычно он так не поступает, но кто знает... В любом случае в замок ты уже никогда не вернешься. Разве это то, чего ты хотела?

– Нет!

Гвендилена схватила склянку и одним духом выпила все до капли. На миг ей показалось, что она теряет сознание, но все же она справилась с собой.

– Я всегда знала, что ты умная девочка, – одобрительно сказала Гила, – день или два тебе будет плохо, зато потом все наладится. Завтра скажись больной, постарайся не вставать. Я навещу тебя.

* * *

Гвендилена шла по темному узкому коридору, с трудом передвигая ноги. Ей хотелось плакать от боли и отчаяния. Вот уже во второй раз ей приходилось вытравливать плод, прерывая едва начавшуюся жизнь своего будущего младенца...

Но Гила права. Принцесса Эвина не потерпит возле себя беременную фрейлину! Однажды, когда такое случилось с пухленькой

хохотушкой Ларой, девушку с позором отослали к родителям, в дальнюю провинцию, куда-то на север. Доходили слухи о том, что ее выдали замуж за разбогатевшего лавочника, который был готов на все, лишь бы породниться со знатной фамилией...

А ей идти некуда.

Боль в животе пульсировала толчками, и по мере того, как она усиливалась, Гвендилена чувствовала, как растет ее ненависть к госпоже. Ведь это из-за нее она никогда не станет не то что женой принца – об этом простолюдинке и мечтать не стоит! – но даже официальной фавориткой и признанной любовницей. Из-за Эвины всегда придется молчать, таиться, прятаться...

А еще – убивать своих нерожденных детей.

«Все еще может измениться, все может измениться!» – упрямо твердила Гвендилена, но это не помогало. Отчаяние захлестнуло ее, как темная вода, и рыдания сдавили горло...

Еще недавно была надежда, что принцесса может умереть от родов. Слишком уж тяжелая была беременность, слишком она ослабла и в последние дни уже не вставала с постели. Но надежда оказалась тщетной, и вот теперь в розовой колыбельке под кисейным пологом пускает пузыри и таращит огромные голубые глаза, словно пытаясь освоиться и оглядеться в этом огромном и странном мире, крошечная девочка по имени Майвин. Принц хотел назвать ее Амаласунтой в честь своей матери, но Эвина сумела настоять на своем.

– Мой милый супруг, – сказала она с всегдашней своей нежной улыбкой, – я с должным почтением отношусь ко всем членам королевской семьи, но наша дочь родилась в день, когда святая Майвин из Анвалера явила чудо, остановив братоубийственную войну! Не лучше ли будет поручить ее судьбу небесной покровительнице?

Хильдегард только пожал плечами и счел за лучшее не спорить с ней... С некоторых пор принцесса стала очень набожна. Все время, что не посвящает детям, она проводит в молитвах и за чтением благочестивых книг. Лишь иногда она приказывает позвать певца Лейра, но и ему велит петь не легкомысленные баллады, а только храмовые гимны и песни, прославляющие героев и святых.

Принц совсем перестал навещать ее покои, но она как будто даже не замечает этого. Теперь Эвина живет в своем собственном мире, возвышенном и хрупком, почти не соприкасаясь с реальностью.

Она выращивает цветы, воспитывает мальчиков и просто налюбоваться не может своей бесценной крошкой! Дочку она не доверяет нянькам и кормилицам, не оставляет даже ненадолго и каждый раз, когда берет ее на руки, улыбается такой счастливой и умиротворенной улыбкой...

Сколько раз Гвендилена сжимала зубы от бессильной ярости при одной мысли, что ей такого пережить не дано! И сейчас, привычно пробираясь в темноте среди хитросплетения коридоров, она хотела только одного – добраться до своей комнаты, лечь в постель и поскорее провалиться в сон, чтобы не думать больше ни о чем, а главное – о том маленьком существе, что она сама убила сегодня. Пусть ему было всего несколько дней, но она уже ощущала его присутствие, чувствовала, что уже не одна в своем теле... А теперь ему не родиться на свет, не воплотиться в сына или дочь. Сделанного не воротишь, и поступить иначе она не могла, но как жить с этим? Как унять боль в душе?

Где-то совсем рядом послышался тяжелый протяжный стон. Голос был мужской, даже смутно знакомый! Гвендилена вздрогнула от неожиданности и замерла на месте. Оглянувшись по сторонам, она заметила приоткрытую дверь, из-под которой пробивалась тонкая полоска света.

Стон раздался снова. В нем было такое страдание... Чуть помедлив, Гвендилена решилась войти. Кем бы ни был этот несчастный, ему сейчас было значительно хуже, чем ей самой!

Она решительно толкнула дверь и переступила порог. Просторная комната, освещенная теплым светом масляной лампы, была убрана богато, даже роскошно. Были здесь и ковры, и дорогие ткани, и вазы цветного стекла... Но не потому девушка застыла на месте от удивления. Перед ней, распростертый на ложе, лежал певец Лейр Сладкоголосый, любимец принцессы Эвины! Его золотистые кудри разметались по подушке, лицо залила смертельная бледность, темные тени залегли под глазами, и пальцы – такие длинные, тонкие, точеные! – беспокойно шарили по одеялу, словно несчастный искал что-то и никак не мог найти... Видно было, что он очень плох, может быть, даже умирает.

– Пить... – послышался слабый голос, – во... ды...

Гвендилена почувствовала жалость к нему. Красавчик Лейр всегда был учтив и приветлив, он никому не делал зла и уж точно не заслужил такой участи – умереть, не утолив последней жажды.

– Да-да, сейчас, – она проворно налила в кружку воды из тяжелого кувшина, стоящего на столике у кровати, и поднесла к его пересохшим, потрескавшимся губам, – вот, пей!

Лейр пил жадно, захлебываясь и обильно проливая воду на одеяло. Когда кружка опустела, он откинулся на подушки.

– Благодарю тебя... Благодарю всем сердцем!

Гвендилена смутилась. Она хотела было сказать, что такая малость не стоит благодарности, но слова застыли у нее на губах. Только сейчас она заметила, что Лейр смотрит на нее остановившимся, невидящим взглядом. Он чуть улыбнулся и тихо выдохнул:

– Эвина. Моя любовь. Ты пришла...

Глава 7

Наутро Гвендилена проснулась рано. Ночью у нее начались месячные, но боли она почти не чувствовала, и кровотечение было не слишком обильным. В который раз она убедилась, что Гила отлично знает свое дело... А потому стоит послушаться ее совета и провести этот день в постели – на всякий случай.

Решив так, Гвендилена потянулась за колокольчиком. На звонок явилась Летта – уже умытая, причесанная и свежая, как полевой цветок весенним утром.

– Доброе утро, госпожа Гвендилена! – по обыкновению затараторила она. – Прекрасный день сегодня! Подать вам умыться? Какое платье вы желаете надеть – синее шелковое или зеленое с золотыми кружевами? Вчера Гильда, старшая горничная, научила меня делать новую прическу с локонами, очень красиво, и, если вы хотите, я могла бы...

– Нет, – прервала ее Гвендилена, – пойди и скажи ее высочеству, что я покорнейше прошу позволения оставаться в постели сегодня. Моя красная роза опять расцвела, и шипы жестоко исцарапали меня, – сказала она, чуть понизив голос.

Этой жеманной фразой в замке было принято обозначать обычные женские недомогания. В родной деревне любую девушку просто назвали бы лентяйкой, вздумай она лежать целый день из-за такой ничтожной причины, но среди изнеженных благородных девиц подобное поведение было делом обычным.

– О да, разумеется! – Летта понимающе кивнула и вышла.

Оставшись в одиночестве, Гвендилена блаженно потянулась под одеялом. «Наконец-то можно как следует выспаться! – подумала она, нежась в теплой постели. – Неизвестно, когда еще удастся в следующий раз...»

Но спать ей пришлось совсем немного. Гила заходила проведать ее, принцесса Эвина прислала фрукты и сладости с пожеланием скорейшего выздоровления, потом Летта принесла обед. Пока Гвендилена ела, она успела рассказать ей все новости – фрейлины Эма и Файла поссорились, не поделив черепаховый гребень, любимая

собачка принцессы родила пятерых щенков, а маленький принц Римеран опять бросил в наставника грифелем... Расправляясь с аппетитной куриной ножкой, Гвендилена слушала ее вполуха. По правде говоря, неумолчная болтовня служанки порой сильно раздражала ее.

– А еще – Лейр Сладкоголосый, наш певец, слег в горячке! Лекарь Фаргус говорит, что, скорее всего, не выживет.

Услышав имя Лейра, Гвендилена почему-то заволновалась.

– Лейр? Очень жаль... Неужели его болезнь так опасна? – осторожно спросила она, вытирая губы салфеткой.

Летта всплеснула руками.

– О да! Лихорадка *азим* почти всегда смертельна, в наших местах это все знают. Десять дней человек горит, будто в огне, никого не узнает, бредит, а потом впадает в беспамятство и лежит, как мертвый. Если очнется, будет жить, но такое редко случается. Вот мой дядя в прошлом году...

Она могла бы говорить еще долго, но Гвендилена остановила ее.

– Иди, Летта! Я устала, хочу побыть одна, – вымолвила она, – можешь доесть это, если хочешь, – она показала на фрукты и сладости.

– Да-да, разумеется, – спохватилась девушка, – простите, госпожа, даже моя мать всегда говорила, что я много болтаю!

Она быстро, ловко собрала посуду и удалилась, осторожно ступая на цыпочках.

Глава 8

На следующий день Гвендилена поднялась с постели здоровой и бодрой. Жизнь ее вошла в обычную колею, но что бы она ни делала – служила госпоже, нянчилась с детьми, постигала тайную науку Гилы или даже разделяла ложе с принцем, – мысли ее почему-то все время возвращались к певцу Лейру. Она вспоминала его лицо, потрескавшиеся губы, остановившийся взгляд, длинные пальцы, беспокойно шарящие по одеялу... А еще – горячий шепот: «Эвина, любовь моя!»

Принцесса была весьма расстроена болезнью певца. Она требовала, чтобы лекарь навещал его ежедневно, и посылала слуг справляться о состоянии молодого человека, но с каждым днем ему становилось все хуже. Как-то Гвендилена застала госпожу в слезах, и на расспросы о причине ее огорчения она не пожелала ответить. Видно было, что Лейр ей тоже не совсем безразличен!

Эта история вполне могла бы послужить темой для красивой и грустной баллады вроде тех, что Лейр распевал когда-то. Жаль, конечно, что ничего подобного ему уже не сочинить... Умереть молодым – печальная участь, но еще печальнее – уносить с собой в могилу талант и любовь, которой так и не дано было расцвести!

* * *

Ночь перевалила за середину, и полная луна стояла высоко в темном небе. Лежа рядом с любимым, утомленная и счастливая, Гвендилена смотрела на ее серебристый лик, пытаясь различить на нем тайные письмена, как учила ее Гила. «Только в полнолуние можно узнать свою судьбу и изменить ее к лучшему», – часто говорила она...

Принц легко прикоснулся к ее груди.

– Лунный свет тебе к лицу! – улыбнулся он. – Жаль, что при свете дня мне приходится изображать верного супруга.

В его голосе явственно звучала горечь, и Гвендилена почувствовала, как сердце ее затрепетало от радости. Конечно,

показывать ее нельзя ни в коем случае...

– Принцесса Эвина – достойнейшая из достойных женщин! – кротко проворковала она. – Она прекрасная жена и мать, к тому же очень добра и набожна...

– Перестань, – усмехнулся принц, – преданность госпоже – прекрасное качество, но здесь ты можешь не притворяться! Святые хороши в храме, и нигде более. Но ничего не поделаешь – она моя законная супруга, и только смерть может разлучить нас.

– Только смерть? – тихо спросила Гвендилена. Она часто думала о том, что среди бесчисленных микстур и настоек Гилы наверняка есть и яды... Но просить ее помощи в таком деле было страшно, а самой ей никогда в них не разобраться.

Принц Хильдегард нахмурился.

– Она – королевская дочь! – резко ответил он. – Пусть младшая, но все же... Обоснованное подозрение в измене – вот единственный повод расстаться с ней.

Он коротко, зло рассмеялся.

– Увы, она верна мне! Верней собаки. И потому останется моей женой навсегда. К счастью, она не слишком докучает мне...

Лик луны вдруг закачался перед глазами Гвендилены, и на его поверхности явственно проступило прекрасное лицо – то, что она когда-то видела в темных водах озера Трелоно. Все, о чем она так напряженно думала в последние дни, вдруг сошлось воедино, как сходятся кусочки головоломки *стале*, что любит собирать маленький принц Римеран.

«Ну да, конечно, как я сразу не догадалась... Лейр влюблен в принцессу, и она тоже равнодушна к нему. Было у них что-то или нет, не важно, но, если Эвину заподозрят в измене, ей конец! А Лейр все равно умрет, и рассказать он ничего не сможет...»

В ту ночь Гвендилена заснула счастливая и умиротворенная. Она еще не знала, что именно должна сделать, чтобы бросить тень на принцессу, но какая-то часть ее разума была совершенно уверена, что ответ отыщется сам собой, если только быть внимательной, смотреть по сторонам и видеть знаки, которые посылает судьба.

А главное – надо действовать быстро, пока Лейр еще жив.

Глава 9

– Это платье нужно спрятать до весны, это – отложить и переделать, а это – отдать бедным...

Громкий, резкий голос толстухи Калеа резал ухо. С тяжелым вздохом Гвендилена покосилась на ворох одежды. Работы здесь до вечера, а то и до ночи...

Каждый год, когда летняя жара сменялась осенней прохладой, принцесса устраивала разбор своего обширного гардероба. Обычно фрейлины ждали этого дня с нетерпением – часто кому-нибудь из них доставались неожиданные подарки! – но сегодня Эвина была просто сама не своя. Утром заходил лекарь Фаргус, и по его мрачному лицу сразу было понятно, что у него дурные новости.

Так и оказалось.

– Ваше высочество, вы поручили мне сообщать о состоянии певца, – произнес он с поклоном.

– Да-да, конечно, – принцесса старалась держаться спокойно, но руки, нервно комкающие кружевной платочек, выдавали ее волнение, – надеюсь, вашими стараниями ему стало лучше и он еще порадует нас своими песнями?

Но Фаргус только сдвинул кустистые седеющие брови.

– Лейр без сознания. Увы, кризиса ему не пережить... Он слишком слаб. Простите, ваше высочество, я сделал все, что мог.

– Что ж, ступайте, – принцесса поежилась, будто от холода, и глаза ее вдруг погасли, как у старухи, – мы будем молиться за него.

Весь день она была печальна и бледна. Казалось, ее мысли витают где-то далеко... Фрейлины напрасно ждали подарков – Эвина как-то позабыла об этом. Пожаловавшись на головную боль, она удалилась в свою спальню, и теперь разбором нарядов принцессы руководила толстуха Калеа, а уж у нее-то нитки не выпросишь!

Но Гвендилена об этом не думала. Раскладывая вещи, она чувствовала, как противно дрожат руки. Если Лейр умрет сегодня, его тайна умрет вместе с ним, и для нее возможность изменить свою жизнь к лучшему будет упущена – скорее всего, навсегда! Она почти физически чувствовала, как драгоценное время утекает капля за

капель... Совсем как в тот вечер, когда маленький принц Римеран смотрел в потухающий очаг на кухне.

– Гвендилена, ты слышишь меня? Куда ты положила чулки и сорочки? Вещи нельзя разбрасывать где попало, иначе потом ничего не найдешь!

Гвендилена вздрогнула от неожиданности. Сварливый голос Калеа звучал как скрежет железа по стеклу, но в этот момент девушка готова была расцеловать ее от радости. Наконец-то решение было найдено!

«Вещи нельзя разбрасывать... Разумеется, иначе они могут оказаться совсем не в том месте! А что, если какую-нибудь вещь госпожи найдут совсем не там, где она должна быть, – например, в постели ее верного певца Лейра? Что тогда подумают о ней? О том, что она благоволит к нему, и так известно многим, но это – вполне достаточный повод, чтобы обвинить ее в измене!»

– Простите, госпожа Калеа! Я... просто задумалась! – пролепетала Гвендилена, опустив глаза долу. Даже суровая толстуха смягчилась.

– Ну хорошо, хорошо... Но впредь – будь внимательнее!

– О да, разумеется! – Гвендилена присела в реверансе. – Я буду очень стараться.

Она аккуратно сложила в сундук ночную сорочку с кружевами, потом другую, с вытканым на подоле цветочным узором... Но стоило Калеа отвернуться, Гвендилена ловко спрятала в рукаве пару подвязок с вышитой монограммой принцессы.

* * *

Ночью Гвендилена долго лежала, прислушиваясь к шагам и шорохам в коридоре. Дело, что она замыслила сегодня, недоброе и опасное, не давало ей сомкнуть глаз ни на миг. Было очень страшно – вдруг ее поймают? Вдруг кто-то из слуг заметит, как она заходит в комнату певца? Или принц пришлет Яспера за ней, а тот не застанет ее на месте?

Но если упустить этот шанс, другой уже не представится! А значит, придется терпеть и лгать, угождать госпоже – возможно, всю

оставшуюся жизнь.

Наконец Гвендилена решилась. Накинув простое темное платье, она спрятала в рукаве кружевную подвязку принцессы с ее монограммой и тихой тенью выскользнула прочь.

Она шла по темным коридорам, стараясь унять лихорадочно бьющееся сердце. Вот и знакомая уже дверь в комнату певца... Гвендилена на миг застыла на пороге, потом, собравшись с духом, вошла.

Внутри царил полумрак. Лишь тонкая восковая свечка горела на столике у кровати, и в ее неверном, мерцающем свете Лейр, неподвижно лежащий на спине с закрытыми глазами, выглядел почти стариком – таким изможденным и осунувшимся, словно его болезнь продолжалась уже много месяцев. На миг показалось даже, что он уже умер. Напрасно Гвендилена старалась убедить себя, что, если даже так, покойников бояться глупо, они не могут причинить вреда, и опасаться надо живых людей... Но почему-то от страха у нее дрожали колени, хотелось бросить все и бежать прочь.

«Что ж, ты можешь уйти, – услышала она знакомый тихий, шелестящий голос в голове, – можешь уйти и оставить все как есть, а потом всю оставшуюся жизнь жалеть об этом, плача в подушку по ночам!»

«Ну уж нет!» Стиснув зубы, Гвендилена сделала шаг вперед, потом другой... Оставалось совсем немного, но половица под ногой предательски скрипнула, и Лейр открыл глаза.

– Эвина... Моя госпожа... – тихо вымолвил он, – вы пришли... благодарю. Я счастлив.

Гвендилена чуть не вскрикнула от неожиданности, но потом сообразила, что Лейр по-прежнему не узнает ее, принимая за принцессу! Что ж, так даже лучше.

– Да, я здесь! – прошептала она. – Я пришла к тебе, мой верный рыцарь, твоя любовь и преданность тронули меня. Я с тобой, я не покину тебя!

Лейр протянул к ней руки... В его глазах было такое жалобное, молящее выражение, что Гвендилена не выдержала. Просто уйти сейчас было бы невозможно! Она присела рядом с ним на ложе и, положив руку ему на лоб, долго еще приговаривала что-то ласковое и успокаивающее. Бедный больной скоро успокоился и затих, закрыв

глаза и вытянувшись во весь рост. Дыхание его стало ровным и глубоким, и на губах появилась легкая улыбка.

«По крайней мере, он умрет счастливым...» – рассеянно подумала Гвендилена. Она спрятала подвязку среди скомканных, сбившихся простыней и тихо, на цыпочках, вышла из комнаты.

Глава 10

Утро выдалось ненастным и пасмурным. Небо заволокли серые облака, и море, накатывая на камни, ревело, словно дикий зверь в бессильной ярости.

Ночью Гвендилена почти не спала. Стоило лишь смежить веки, и тут же ей казалось, будто на нее наваливается нечто огромное, темное, похожее на грозовое облако, давит и душит, грозя смертью... Она просыпалась в холодном поту, судорожно хватая губами воздух.

Едва рассвело, она потянулась за колокольчиком. На звонок явилась Летта – сонная, отчаянно зевающая, в полном недоумении, отчего ее разбудили так рано.

– Что случилось, госпожа? – спросила она.

– Ничего! – резко ответила Гвендилена. – С каких пор ты начала задавать вопросы? Подай умыться, принеси платье, сделай прическу – ту, с косами... Да не стой как колода, шевелись!

Летта прикусила губу. «Давно ли ты сама подметала полы и чистила котлы на кухне?» – говорил ее взгляд. Причесывая Гвендилену, она слишком сильно дернула прядь волос, и та, не сдержавшись, ударила ее по лицу.

– Простите, – пролепетала девушка, прижав ладонь к покрасневшей щеке. В глазах ее стояли слезы. Раньше такого никогда не случалось...

На краткий миг Гвендилене стало стыдно. Совсем недавно веселая хохотушка Летта была для нее почти подругой! Она преданно ухаживала за ней, развлекала своей болтовней, а главное, помогала освоиться во дворце, обучая новым премудростям...

– Впредь будь осторожнее, – процедила Гвендилена, – вот, возьми!

Она протянула девушке маленькую брошку в виде бабочки с цветными камнями. Глаза Летты тут же вспыхнули радостью.

– Благодарю вас, госпожа! – пролепетала она, припав губами к ее ладони.

– Ну хватит, перестань! – Гвендилена поспешно отдернула руку. – Прибери здесь да постели свежие простыни.

Направляясь в покои принцессы, она нарочно сделала крюк, чтобы как бы случайно пройти мимо комнаты певца Лейра. Прямо сейчас, немедленно ей совершенно необходимо было удостовериться – жив ли певец или уже скончался?

«Если он умер, подвязку, наверное, уже нашел лекарь или слуги, что должны выносить тело, – размышляла Гвендилена, – но что будет потом? Вдруг вместо того, чтобы донести принцу о неверности его жены, нашедший спрячет подвязку или отнесет принцессе? Или просто не заметит, приняв по глупости за ненужную тряпочку? Тогда все пропало!»

Дверь была распахнута настежь. Гвендилена робко заглянула внутрь – да так и отпрянула. В комнате стоял полный разгром – все вещи разбросаны в беспорядке, разбиты драгоценные вазы, и сломанная лютня валялась на полу... Ложе было пусто, лишь на скомканной простыне остались пятна крови.

Это было так странно, что девушка попятилась назад, прикрыв рот рукой, чтобы не вскрикнуть, лихорадочно пытаюсь сообразить, что же все-таки произошло здесь. «Куда подевался Лейр? Если он скончался, то почему тело вынесли так быстро? Откуда кровь? И к чему устраивать такой погром в его комнате? А если жив...»

Додумать она не успела. Усатый стражник в плаще с золотым крестом бесцеремонно отстранил Гвендилену в сторону и принялся рыться в сундуке, доставая и складывая в мешок какие-то книги, тетради, исписанные листы...

– Что случилось? Лейр умер? – спросила девушка.

– Нет... Но лучше бы ему умереть! – мрачно ответил стражник. – Для тех, кого обвиняют в измене, это единственный выход.

Гвендилена с трудом устояла на ногах. Сердце глухо стукнуло и упало куда-то вниз.

– А где же он? – севшим чужим голосом спросила она.

Стражник отвел глаза.

– Где-где... – недовольно проворчал он, – в тайном подвале! Там умеют развязывать языки...

Стражник замолчал, сообразив, что сболтнул лишнее, и, словно опомнившись, рявкнул:

– Проходите, не задерживайтесь, молодая госпожа! Нечего вам стоять тут.

Повторять дважды ему не пришлось. Гвендилену как ветром сдуло... Она не шла – летела по длинному коридору, и гулким эхом отдавались ее шаги. Мысли метались, словно стая перепуганных крыс, запертых в горящем подвале и не находящих выхода из него.

«Почему, ну почему Лейр выжил? От этой лихорадки – как ее там? – всегда умирают, и лекарь говорил... Что же теперь будет? Под пытками люди признаются в чем угодно, значит, Эвине конец! А что, если он не признается? Что, если он видел и узнал меня? Нет, нет, об этом лучше не думать, будь что будет... Но почему же он все-таки выжил? Я не думала, что все так получится!»

Она готова была расплакаться от растерянности и отчаяния, когда снова услышала тихий голос в голове. Сейчас он показался ей таким теплым, родным, спасительным...

«Успокойся и вытри слезы! Жаль, конечно, что Лейр, вместо того чтобы спокойно умереть, оказался в пыточном подвале, но теперь уже ничего не поделаешь. Держи себя в руках, если не хочешь сама оказаться там! Что сделано, то сделано, и теперь придется вести свою игру до конца... И выиграть! Если, конечно, ты хочешь жить».

Постепенно Гвендилена и в самом деле успокоилась. Сердце перестало частить, дыхание стало ровным, и противный комок, стоящий в горле, исчез... Но главное – ясной стала голова, и ощущение паники оставило ее.

Гвендилена подумала о том, что на всякий случай стоило бы избавиться от второй подвязки с монограммой. Лучше всего было бы незаметно спрятать ее среди других вещей принцессы... И поскорее, пока за ней не пришли!

Она развернулась и почти бегом бросилась назад, в свою комнату.

* * *

Ветер разогнал облака, и в небе выглянуло солнце, обещая ясный день. Войдя к себе, Гвендилена застала безмятежную картину – все вокруг заливали солнечные лучи, раскрытая постель сияла белоснежными свежестеленными простынями, и легкий бриз чуть колебал кисейную занавеску. Летта беззаботно напевала, прибираясь и раскладывая вещи по местам, но, застав ее за этим безобидным

занятием, Гвендилена едва сдержала крик. В руках девушка держала ту самую подвязку принцессы с монограммой!

– Что это у тебя? – спросила Гвендилена, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– Вот... Я раньше никогда не видела таких подвязок у вас! Только вторая куда-то запропастилась, никак не могу найти.

– Отдай мне это! Отдай сейчас же! – крикнула Гвендилена.

– Да, конечно, как скажете, госпожа... – испуганно залепетала девушка, – я только хотела найти вторую... Тут такая красивая вышивка!

Гвендилена почти вырвала подвязку у нее из рук и выбежала прочь.

* * *

Она очень торопилась и все же опоздала.

В покоях принцессы царил полный разор. Стражники в серых плащах *джедри-айр* с золотыми крестами спокойно, деловито рылись в сундуках, шкафах и ящиках. Драгоценные платья из шелка и бархата, детские рубашки и штанишки, пеленки и игрушки, разбросанные по полу, выглядели растерзанными и жалкими.

Фрейлины и служанки бестолково метались, будто куры в курятнике, в который забралась лиса. Альдерик, о котором все забыли, захлебывался отчаянным плачем, а принц Римеран молча стоял в темном углу, прячась за бархатной портьерой, так что только глаза блестели. Самой Эвины и маленькой Майвин нигде не было, только опрокинутая колыбель и разбросанные пеленки говорили о том, что они не просто отправились на прогулку по саду.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Анграйв – командир *джедри-айр*, личной гвардии принца. Высокий, широкоплечий, с грубым, будто топором вырубленным лицом, в покоях Эвины он казался таким неуместным, лишним, даже нелепым, словно лошадь, которую зачем-то ввели в комнату.

– Всем молчать! – зычно рявкнул он.

Стражники вытянулись в струнку, женщины испуганно притихли, даже маленький Альдерик перестал плакать от неожиданности.

– Вы нашли то, что искали? – обратился Анграив к своим подчиненным.

– Нет, не нашли, – неохотно отозвался кряжистый, широкоплечий парень со шрамом на лбу, – мы перевернули все вверх дном – и напрасно! Этой штуки, ну, с вышивкой... Ее здесь нет. Рыться в женских тряпках – не дело воина! – пробурчал он себе под нос.

Гвендилена похолодела от ужаса. Только сейчас она поняла, что *джедри-айр* искали в вещах принцессы вторую подвязку – ту самую, что спрятана у нее в рукаве!

Анграив нахмурился.

– Послушай меня, Тирмат! Если я, твой командир, прикажу тебе, ты будешь искать что угодно и где угодно, хоть в выгребной яме. А если ты еще когда-нибудь позволишь себе произнести лишние слова, я забью их тебе в глотку. Это понятно?

На лице парня явственно отразился страх. Он вытянулся в струнку и выпалил:

– Понятно! Прошу простить за дерзость!

– Хорошо... А теперь – прочь отсюда! Незачем пугать детей и женщин понапрасну.

Стражники поспешно удалились. Анграив окинул взглядом испуганные, растерянные, заплаканные лица фрейлин и служанок.

– Уберите отсюда детей! – распорядился он. – Да поживее! Как говорят, «у маленьких кувшинов большие уши»! Им не следует слышать того, что будет сказано здесь. Все-таки речь идет об их матери.

Словно спохватившись и вспомнив о своих обязанностях, няньки захлопотали вокруг мальчиков и поспешно вывели их прочь. Удовлетворенно хмыкнув, Анграив продолжал:

– Итак, да будет вам всем известно – принцесса Эвина подозревается в измене. По приказу принца Хильдегарда, ее супруга, на время дознания она вместе с младенцем, рожденным ею, будет заключена в Северной башне. При ней останется только одна служанка, прочим же приближенным запрещено видеть ее и говорить с ней.

– А что будет с нами? – тоненько пискнула фрейлина Эма. Совсем юная, она казалась сейчас испуганной девочкой...

Файла, вечная подруга-соперница, ткнула ее локтем в бок и прошипела на ухо: «Молчи, глупая!» – но Анграив даже бровью не повел.

– Это зависит от того, что станет с вашей госпожой, – он говорил размеренно и терпеливо, но в голосе его слышалось нечто такое, от чего у девушек мурашки бежали по спине, – если ее невиновность будет доказана, все останется по-прежнему. Если же нет – благородных девиц отправят по домам, к родителям, а для служанок в замке всегда найдется работа.

Вокруг послышались горестные вздохи и даже сдавленные всхлипывания. Принцесса всегда была добра и щедра к своим фрейлинам, а потому сменить веселую жизнь и не слишком обременительную службу на возвращение в родной дом согласились бы немногие... Даже к служанкам Эвина была снисходительна, и их никогда не ругали и не наказывали понапрасну!

Анграив выдержал долгую паузу и заговорил снова – медленно, размеренно, будто взвешивая каждое слово:

– И наконец, самое важное. В случае если вам что-либо известно об измене вашей госпожи ее супругу, вы обязаны рассказать всю правду! За утаивание сведений, имеющих значение для дела, равно как и за ложный донос, вы будете наказаны по всей строгости закона.

Он повернулся на каблуках и направился к выходу, громко топая тяжелыми сапогами. Девушки наблюдали за ним, затаив дыхание... Уже взявшись за дверную ручку, Анграив вдруг остановился, словно вспомнив нечто важное.

– И вот что еще, дамы и девицы... Та из вас, что расскажет правду о своей госпоже, не пожалеет об этом! Только правду... Вы поняли меня?

* * *

К вечеру переполох в покоях принцессы немного поутих. Несмотря на случившееся, надо было жить дальше и что-то делать... Фрейлины и служанки лихорадочно спешили навести порядок, разложить вещи по местам, словно старались сделать вид, что ничего не случилось. Отчего-то получалось плохо, и комнаты, несмотря на все

старания, выглядели покинутыми и сиротливыми, словно вместе с хозяйкой их покинула жизнь и душа.

Дети требовали немало внимания и заботы. Маленький Альдерик капризничал, непрерывно хныкал, отказывался от еды, а к вечеру и вовсе разболелся и слег в постель. Принц Римеран держался лучше, но он не отходил от Гвендилены ни на шаг и требовал, чтобы она снова и снова рассказывала ему сказки – одни и те же, что он слышал уже не раз... Уже засыпая, он все еще продолжал крепко держать ее за руку, так что Гвендилена с трудом высвободилась из его цепких пальчиков.

Уложив ребенка, она и сама еле держалась на ногах от усталости. Очень хотелось спать, но первым делом надо было наконец избавиться от проклятой подвязки!

Вероятнее всего, сейчас это было бы самым лучшим решением, но, сделав всего несколько шагов и чуть подумав, она направилась совсем в другую сторону. У нее оставалось еще одно дело – может быть, самое неприятное за этот долгий, бесконечно долгий день.

Входя в просторную комнату с белеными стенами и сводчатым потолком – рабочий кабинет и постоянное обиталище майордома Скалария, – Гвендилена почувствовала внутренний трепет. Она вспомнила, как оказалась здесь впервые вместе с другими невольниками, привезенными из Терегиста, и на миг ощутила себя такой, как тогда, – измученной, грязной, голодной, обреченной на рабство.

«Это было давно, – твердила она себе, – это было давно, в другой жизни, не со мной...»

Склонившись над толстой счетной книгой, Скаларий что-то писал. Время от времени он отвлекался для того, чтобы сделать какие-то подсчеты, перекладывая разноцветные камешки на доске, расчерченной на клетки, потом снова углублялся в свои записи.

Наконец, заметив ее присутствие, Скаларий поднял голову и вопросительно посмотрел на нее.

– Простите, что отрываю вас от дел, господин майордом, – смущенно вымолвила Гвендилена, – но мне нужно поговорить с вами!

– Кто вы? – строго спросил он.

– Я... я одна из фрейлин принцессы. Меня зовут Гвендилена.

Всей душой девушка надеялась, что Скаларий не узнает ее... Мало ли людей проходят перед ним каждый день? Но он узнал – сразу

же, едва взглянув ей в лицо.

– Гвендилена? Та, что раньше была служанкой на кухне? Привезена из Терегиста? – уточнил он своим обычным монотонным и бесстрастным голосом. – Я помню. Итак, что вам нужно?

Последние слова он произнес, чуть подняв бровь, всем своим видом давая понять, что не намерен тратить время попусту.

Набрав побольше воздуха в грудь, Гвендилена заговорила:

– Мне кажется, моя горничная – ее зовут Летта – и, как бы это сказать... Ну, в общем, она ворует. Когда это были всякие мелочи, я не обращала внимания, но недавно у меня пропала брошка в виде бабочки с драгоценными камнями, подарок принцессы Эвины, и я думаю...

– Я понял вас, – прервал ее Скаларий, – но знаете ли вы, что по закону слуги и служанки, уличенные в воровстве, должны быть наказаны плетью и отправлены в каменоломни, на вечную каторжную работу?

– Да, я знаю... – голос Гвендилены дрогнул, и слезы подступили к глазам – настоящие, искренние слезы.

Летту действительно было жаль... Но ничего не поделаешь – она видела ту проклятую подвязку, держала ее в руках, а значит – сама подписала себе приговор. Оставлять ее при себе было бы смертельно опасно!

– И все же вы настаиваете? – холодно уточнил Скаларий.

– Да, – Гвендилена вскинула голову, – теперь я свободная женщина и хочу, чтобы все было по закону!

– Хорошо, – Скаларий сделал какую-то пометку в маленькой записной книжке в черном кожаном переплете, – я пошлю своих людей проверить это.

Он снова углубился в свои записи и расчеты, словно давая понять, что аудиенция закончена.

Глава 11

К ночи похолодало. С моря дул пронизывающий северный ветер, и казалось, каменные стены замка насквозь пропитались промозглой сыростью. До своей комнаты Гвендилена добралась совершенно обессиленная, дрожа от холода, пробирающего до костей.

К счастью, Летта догадалась разжечь огонь, и в камине плясало веселое пламя. Казалось, оно согревает и тело, и душу... Гвендилена посидела недолго, протянув руки над огнем, потом, словно спохватившись, достала из рукава подвязку и бросила в камин. Нежное кружево тут же вспыхнуло, рассыпая искры, и, глядя как оно горит, девушка чувствовала, как ей становится легче.

Она уже хотела было лечь в постель, но тут раздался знакомый условный стук в дверь. На пороге стоял Яспер. Как всегда, он протянул ей серый плащ *дждри-айр*, но, надевая его, Гвендилена чувствовала, как дрожат руки. Что-то подсказывало ей – сегодня принцу будет не до любовных утех!

«Зачем же он хочет видеть меня?» – думала Гвендилена, шагая вслед за Яспером по длинным коридорам. Ее снова трясло – то ли от холода, то ли от страха. Оказавшись перед знакомой дверью, она остановилась, чтобы перевести дыхание, поправила локон, выбившийся из прически... И решительно шагнула через порог.

Принц стоял у окна спиной к ней и даже головы не повернул, когда она вошла. Это было так не похоже на их прежние свидания, что Гвендилена даже растерялась.

– Ваше высочество, вы хотели видеть меня? – вымолвила она.

– Да, – отозвался принц, по-прежнему не глядя на нее, – ты знала?

– О чем?

– Прекрати! – Хильдегард обернулся к ней, и Гвендилена увидела его лицо – бледное, искаженное горем и злобой. – Не делай вид, что не понимаешь, о чем я! Сегодня я узнал, что стал рогоносцем, так неужели я могу думать о чем-то другом?

Гвендилена прикусила губу. Соблазн был так велик... Чего проще – рассказать принцу, что супруга неверна ему, чтобы погубить соперницу окончательно? Он ведь и сам готов в это поверить!

«Не вздумай поступить так, – тревожно прошепестел тихий голос в голове, – принц самолюбив и обидчив, он не простит тебе, если решишь, что ты знала об измене его жены и ничего ему не сказала! Больше он не сможет верить тебе».

Гвендилена опустила глаза и зачастила скороговоркой:

– Мой принц, я не верю, что ваша супруга могла быть в чем-то виновата! Я совершенно уверена, что все случившееся – просто недоразумение либо следствие чьего-то навета. Принцесса Эвина всегда была преданной и верной женой, она любила только вас, своего супруга, и даже не помышляла о том, чтобы изменить с другим мужчиной! Певца Лейра она призывала к себе для того, чтобы послушать его песни, а когда он тяжело заболел, заботилась о нем как добрая госпожа, из одного лишь сострадания...

Хильдегард слушал ее, нахмутив лоб и скрестив руки на груди. Когда Гвендилена замолчала, он деловито спросил:

– Это все? Больше тебе нечего сказать? Или есть еще что-то, о чем я не знаю?

– Н-нет... – пролепетала Гвендилена.

– А почему ты упомянула певца Лейра? Откуда ты знаешь, что ее любовник – именно он? Разве я или кто-то другой говорил тебе об этом?

Гвендилена молчала. «Ну, в самом деле, кто дернул меня за язык? Зачем было говорить про Лейра? – думала она, лихорадочно пытаюсь придумать какой-то выход. – Как теперь выкручиваться?»

А принц продолжал:

– Ты знаешь, что я могу сейчас отдать тебя в руки палачей? Им ты расскажешь правду!

Сердце больно сжалось, потом забилося часто-часто... Усилием воли Гвендилена заставила себя улыбнуться.

– Как вам будет угодно! Но перед этим я прошу выслушать меня.

– Что ж, говори!

Гвендилена вскинула голову.

– Простите меня, мой господин, но принцессе я обязана всем. Если бы не ее доброта, я до сих пор оставалась бы кухонной рабыней. И потому для меня она всегда останется лучшей и достойнейшей из женщин, что бы она ни сделала!

Она остановилась, чтобы перевести дух, и закончила тихо и устало, уронив руки вдоль тела:

– А теперь – можете поступать как пожелаете.

Хильдегард усмехнулся.

– И все же ты сказала мне больше, чем хотела! Ты хорошая девушка, Гвендилена... Хотя и очень плохая лгунья!

Гвендилена изо всех сил старалась сдержать смех, рвущийся наружу из глубины ее существа. Сейчас, когда ее жизнь и будущее висели на волоске, это было бы совершенно неуместно! «О да, мой принц, я плохая лгунья, – думала она, кусая губы, – и если бы ты знал, насколько плохая, то просто убил бы меня на месте!»

К счастью, принц понял ее по-своему. Он помолчал недолго и добавил:

– Да, ты совсем не умеешь врать, дорогая моя... Но я не стану наказывать тебя за это. Верность своим благодетелям – качество, которое в наши дни встречается реже, чем горный дракон!

Принц говорил, как обычно, насмешливо, но в его глазах Гвендилена видела совсем другое. Этот взгляд – удивленный и восхищенный – она запомнила навсегда.

– Благодарю, – кротко вымолвила Гвендилена, – если это все, что вы хотели сказать, я покорнейше прошу позволения удалиться.

Принц покачал головой.

– Нет... Остайся.

– Мой господин желает еще что-то? – спросила она нежным, воркующим голосом.

– Да... Иди ко мне, – выдохнул он.

Глава 12

Поднимаясь по крутой лестнице в комнату Гилы, Гвендилена сильно запыхалась – совсем как в былые дни. Она уже давно сюда не навещалась... В последнее время было слишком много хлопот.

После того как принцесса оказалась заточена в башне, все дамы и девицы из ее свиты пребывали в растерянности. Служанки еще исполняли свои обязанности – по привычке, механически, будто заводные куклы, – но на фрейлин страх и неопределенность дальнейшей судьбы действовали угнетающе.

Каждое утро они являлись в покои принцессы, как обычно, наряженные и причесанные... А потом весь день не знали, чем себя занять. Некоторые поначалу пытались браться за рукоделие, но отчего-то путались стежки, рвались нитки, и в конце концов пальцы летели в угол. Бывало, между девушками вспыхивали беспричинные ссоры, да такие ожесточенные, что дело доходило до драк, бывало, что одна из них вдруг начинала плакать и другие подхватывали за ней, бывало, на кого-нибудь, напротив, нападало отчаянное веселье, неостановимый истерический хохот...

Даже твердокаменная толстуха Калеа вела себя странно. Теперь большую часть времени она проводила в отрешенном состоянии, не замечая ничего вокруг, уставившись в одну точку, и то шептала молитвы, прося всех богов спасти и сохранить Эвину, то часами разговаривала с ней, называя принцессу своей драгоценной пташкой, рассветным солнышком, нежным цветочком... Разумеется, раньше ей никогда не приходило бы в голову обращаться с госпожой в столь фамильярном тоне, но теперь на обезумевшую женщину никто не обращал особого внимания. Калеа нередко забывала поесть, и ей приходилось напоминать об этом, а когда наступал вечер и в замке гасили огни, служанки под руки отводили ее в спальню и укладывали в постель, как ребенка.

Только Гвендилена сохранила присутствие духа. Она знала, какое блюдо заказать к обеду, когда позвать наставника для принца Римерана или лекаря для маленького Альдерика, а главное – умела быстро и решительно пресекать ссоры и истерики более взбалмошных товарок.

Никто не удивился, когда принц распорядился назначить ее *алематир* — так в замке именовали должность распорядительницы в женских покоях, заменяющей хозяйку в случае смерти, тяжелой болезни или длительного отсутствия.

— Только ты сможешь справиться с этим курятником, — сказал он ей в ту же ночь, ласково перебирая ее длинные волосы, — прекрасная женщина дарит радость, но та, которой можно доверять, — бесценное сокровище!

И со своей всегдашней легкой усмешкой добавил:

— Думаю, из тебя могла бы получиться вполне достойная королева!

После назначения Гвендилена получила особый знак — золотой медальон с изображением замка Кастель-Мар. Теперь она носила его постоянно, и служанки почтительно кланялись ей, а фрейлины приседали в реверансе, когда она входила в комнату, — не так низко, как перед принцессой в былые дни, но все же! Гвендилена кивала, улыбалась, называла их своими дорогими подругами... Но и сейчас она не забыла, как эти высокомерные девицы когда-то не удостаивали ее ни словом, ни взглядом, и хихикали, перешептываясь между собой, называя ее дикаркой и деревенщиной!

Из своей тесной каморки она перебралась в просторную и светлую комнату с видом на море. Вместо бедняжки Летты — о ее судьбе Гвендилена старалась не думать и рада была, что не видела, как стражники уводили ее после того, как нашли ту злосчастную брошку, — она приказала подыскать себе не одну, а трех служанок — совсем юных девушек, тихих, вежливых и исполнительных, умеющих причесывать госпожу, готовить ароматные притирания, следить за бельем и платьем... А главное — делать все молча и бесшумно исчезать, выполнив свою работу. Гвендилена твердо решила, что больше не станет фамиллярничать с прислугой.

Беспокоило ее только одно — неизвестность. Эвина с маленькой дочкой по-прежнему томила в башне, и Лейр оставался в темнице, в руках палачей... О том, что с ним стало, жив он или умер, не знал никто в замке. Даже принц Хильдегард упорно избегал говорить на эту тему, когда Гвендилена пробовала осторожно подступиться к нему с расспросами. «Ты все узнаешь в свое время, дорогая, — повторял он, — не раньше и не позже!»

Она покорно замолкала... Но успокоиться не могла. От одной мысли, что Эвина может вернуться, чтобы занять свое законное место, ее просто бросало в дрожь. Снова стать компаньонкой, угождать ей, притворяться и лгать... Ну уж нет! Гвендилена была уверена, что такого она просто не вынесет.

С каждым днем ее тревога усиливалась. Нужно было хотя бы поговорить с кем-то, поделиться, спросить совета... Наконец, улучив момент, Гвендилена поднялась рано утром и знакомой дорогой направилась в обиталище Гилы под крышей.

Было немного совестно, что она так давно не навещала сюда, но ведь на то были веские причины! К тому же Гвендилена предусмотрительно захватила с собой тугой мешочек с золотыми монетами. «К счастью, теперь я могу себе это позволить, – думала она, поднимаясь по крутым ступенькам, – без ее помощи я никогда не получила бы того, что имею сейчас! Как говорили когда-то в деревне, маленькие подарки сохраняют дружбу!»

С этими мыслями она вошла в комнату целительницы. Гила встретила ее неласково – видно, была не в духе этим утром. Сидя за столом, она раскладывала сушеные травы по маленьким полотняным мешочкам, что-то тихо приговаривая себе под нос на непонятном языке, и на вошедшую девушку не обратила никакого внимания, словно ее тут вовсе не было.

Гвендилена на миг застыла в дверях. Несмотря на перемены в своей судьбе и высокое положение при дворе, Гилу она по-прежнему побаивалась.

– Доброе утро... – голос Гвендилены ей самой показался робким и слабым.

Гила оставила свое занятие и обернулась к ней.

– А, это ты... – она как будто только сейчас заметила ее присутствие, – все-таки ты пришла. И именно сегодня! Подумать только...

Поджав губы, она неодобрительно покачала головой. Гвендилена не поняла, что такого особенного было в сегодняшнем дне, но почему-то смутилась.

– Прости меня, Гила, – начала сбивчиво оправдываться она, – я не приходила так долго... Но это не потому, что я забыла о тебе, вовсе нет! Ты же знаешь, что произошло в замке? Принц назначил меня

алематир, чтобы я следила за порядком, потому что принцессу Эвину подозревают в измене...

Гила чуть подняла бровь.

– Может, скажешь, что это не твоих рук дело? – она саркастически хмыкнула. – Обманывай кого хочешь, только не меня!

Гвендилена опустила голову. Ей вдруг стало жарко, будто она стояла у раскаленной печи, и краска стыда залила ее лицо до корней волос. Казалось, Гила видит ее насквозь – до дна, до самой потаенной мыслишки! – и от этого было жутко.

– Уходи, – отрезала она, – можешь не бояться, я не выдам тебя! Наше дело еще не кончено... Но сегодня я не хочу тебя видеть и говорить с тобой.

– Почему? Что случилось? – спросила Гвендилена.

– Вчера ночью в пыточном подвале умер Лейр Сладкоголосый, – сухо ответила целительница. – Думаю, после того, что с ним сделали, смерть была для него облегчением.

Непонятно было, откуда Гила узнала об этом, но Гвендилена не посмела спросить. Надо думать, в замке у целительницы было немало должниц и должников! А может быть, все дело в магии?

Девушка почувствовала противную дрожь в коленях. Красавчика Лейра, конечно, было жаль, но что теперь будет с ней самой?

– Он признался? Признался в прелюбодеянии? – выпалила она.

Гила покачала головой.

– Нет. Только в том, что любил принцессу Эвину и поклонялся ей, как это принято у людей его ремесла, что воспевают в балладах прекрасных благородных дам и водят шашни со служанками в трактире.

Целительница помолчала недолго, глядя невидящим взглядом прямо перед собой, и вымолвила сурово и твердо:

– Бедный мальчик был верен ей до конца.

Она снова взялась за свои мешочки с травами и, вскинув глаза на оторопевшую Гвендилену, коротко бросила:

– А теперь уходи! Придешь в другой день, не сегодня.

Взгляд ее был как стальной клинок – холодный, острый, ненавидящий... Гвендилена опрометью выскочила прочь.

Она спускалась по крутой винтовой лестнице, перепрыгивая через ступеньки, рискуя сломать себе ногу, потом бежала по коридору, не

разбирая дороги... Слезы застилали глаза, а в голове упрямо вертелось только одно: «Я не хотела этого, не хотела! Ну почему так получилось?»

– Верно, не хотела! – знакомый тихий голос послышался совсем рядом.

От неожиданности девушка споткнулась и упала. Мешочек с монетами, что она все еще продолжала сжимать в руке, лопнул, и золотые кругляши весело раскатились по полу. Гвендилена сильно ударилась коленом, порвала платье и к тому же до крови прикусила губу. А голос в голове все никак не унимался.

– Не хотела... О да! Так же, как не хотела смерти сестры и того, чтобы маленький Римеран остался навсегда обезображенным, – безжалостно продолжал он. – Можешь пойти и признаться во всем, если хочешь. Лейра это, конечно, не воскресит, зато принцесса сможет вернуться к супругу, которому, впрочем, давно опостылела. А ты сама уж точно испытываешь на себе все, что пришлось пережить певцу перед смертью, и, возможно, еще позавидуешь ему!

Гвендилена плакала от боли и бессилия. Но больше всего ей разрывала сердце мысль о том, что все было напрасно – ведь Лейр все-таки не признался! И значит, принцесса Эвина может снова занять свое законное место...

– Что с вами, госпожа? – служанка, проходившая мимо с корзиной белья в руках, склонилась над ней. Круглое веснушчатое лицо девушки выражало самое искреннее сочувствие, но на деньги, рассыпанные вокруг, она уставилась со смешанным выражением восторга и ужаса, будто перед ней были не монеты, а крылатый дракон или хоровод эльфов в лесу.

«Бедняжка... Наверное, никогда не видела столько сразу, – подумала Гвендилена, – и скорее всего, уже не увидит!»

– Ничего страшного... – достав из рукава платок, Гвендилена отерла слезы и кровь с лица и старательно улыбнулась, – я просто споткнулась.

Опираясь на руку девушки, она осторожно поднялась на ноги. Колено болело, но, в общем, все было не так уж и плохо.

– Собери это... – она указала взглядом на рассыпанные по полу монеты, – и одну можешь взять себе.

Откуда-то сверху послышался удар колокола – один, другой, третий... Низкий тяжелый звон будто плыл по замку, заполняя собой все пространство! От него кружилась голова и гудело в ушах.

– Что это? – спросила Гвендилена. – Что случилось?

– Разве вы не знаете, госпожа *алематир*? – удивилась служанка. – Это *гирдейл*, набатный колокол! Три удара – значит, случилось что-то важное... Пойдемте скорее, я помогу вам!

Глава 13

Солнце уже стояло высоко. День выдался погожий, ясный... Яркая глубокая небесная синева, не омраченная ни единым облачком, сияла, сливаясь вдалеке с морской гладью, ровной как зеркало, не колеблемой даже легким ветерком. Прохладный воздух был прозрачен и чист. Хотелось вдохнуть его полной грудью, улыбнуться солнцу и порадоваться в душе, что милосердные боги иногда дарят людям такие дни!

Но в замке Кафель-Мар царила тревога. В просторном внутреннем дворе – там, где когда-то Гвендилена впервые увидела принца в праздник *Амри-дейр* — собрались все обитатели замка, так что яблоку негде было упасть. Обычно для благородной публики предназначались крытые галереи на уровне второго этажа в левом крыле, но отчего-то сегодня все оказались рядом – разряженные дамы и кухонные служанки, воины и перемазанные копотью мастеровые, придворные щеголи и конюхи, воняющие навозом и конским потом. Все напряженно ждали чего-то, не смея даже словом перекинуться.

Все гадали, для чего понадобился невысокий, в половину человеческого роста деревянный помост, огороженный перильцами и снабженный лестницей, чтобы удобнее было всходить на него. Вроде бы не виселица, не колесо, не столб с поленницей для костра, и все же отчего-то он производил гнетущее впечатление.

Впрочем, совсем скоро все разъяснилось само собой. Распахнулась боковая дверь, и две рослые, крепкие служанки в серых платьях вывели под руки принцессу Эвину с маленькой Майвин на руках. Гвендилена с трудом узнала ее – за время своего заточения она сильно похудела, осунулась и выглядела изможденной. Облаченная в белое одеяние, с белым покрывалом на голове, она еле переступала ногами, прижимая к себе дочку. Лицо ее, мертвенно-бледное, неподвижное, было похоже на окаменевшую маску, и только глаза – огромные, ярко-голубые – жили на нем.

Люди, собравшиеся во дворе, расступались перед ней – молча, отводя взгляды и словно боясь случайно прикоснуться. Никто не посмел приветствовать принцессу, как в былые дни... Поднимаясь по

узкой деревянной лестничке, она споткнулась и чуть не упала, но служанки успели подхватить. Они возвели принцессу на помост и стали по сторонам, словно часовые.

Наконец на галерее появился принц Хильдегард. Он шел в сопровождении *джедри-айр* своей всегдашней легкой, стремительной походкой, и даже сейчас Гвендилена почувствовала сладкое замирание сердца – так он был хорош собой в черной мантии с пурпурным подбоем и тяжелой золотой цепью на шее!

Принц выступил вперед, привычным движением вскинул руку... Все взгляды устремились на него. Люди тревожно и напряженно ждали, что он скажет.

– Слушайте меня, мои слуги и приближенные! – провозгласил он. – С тяжелым сердцем я обращаюсь к вам сегодня.

И, выдержав эффектную паузу, заговорил снова – медленно и веско, отчеканивая каждое слово:

– Все вы знаете – женщина, что стоит перед вами, была моей женой, матерью моих детей и хозяйкой в замке. Однако в последнее время до меня дошли сведения о том, что она неверна мне и осквернила изменой супружеское ложе.

По толпе пронесся глухой ропот. Эвина встрепенулась, словно хотела сказать что-то, но тут же сникла и опустила глаза долу.

– Та, чье имя пятнают столь гнусные подозрения, не может далее оставаться моей супругой и членом королевской семьи. К тому же законность происхождения рожденного ею младенца женского пола не установлена доподлинно, и потому я отказываюсь признавать его в числе своих детей и наследников.

Хильдегард говорил, и голос его словно наливался металлом:

– По закону неверную жену бьют плетью на базарной площади, если речь идет о простолюдинке. Даму благородного происхождения предают смерти через отсечение головы либо пожизненному заключению в подземной темнице Хеатрог на хлебе и воде. Если же в результате прелюбодеяния родится дитя, мать сама должна напоить его маковым отваром, дабы даровать младенцу легкую и быструю смерть. Закон суров, но это закон, и все мы обязаны чтить его!

При этих словах Эвина вздрогнула всем телом и еще крепче прижала к себе крошечную Майвин. Видно было, что, хотя она смирилась со своей судьбой, дочку готова защищать любой ценой.

Вокруг стало очень тихо. Казалось, среди слуг и придворных никто и дышать не осмеливается...

Принц чуть улыбнулся и, словно насладившись произведенным эффектом, продолжал:

— Однако обвинение в измене нельзя считать полностью доказанным. И потому, желая поступить справедливо и милосердно, я не стану предавать наказанию женщину, которая делила со мной стол и ложе. Вместе с рожденным ею младенцем, чье происхождение остается сомнительным, ей будет позволено удалиться в поместье Верлинг близ Анвалера и жить там уединенно до самой смерти.

У многих собравшихся — особенно женщин! — вырвался вздох облегчения. Принцессу Эвину любили в замке, и многие помнили ее доброту...

— Слава принцу Хильдегарду! — раздался чей-то голос над толпой, и десятки, сотни голосов тут же подхватили:

— Слава!

— Справедливость и милосердие!

— Слава!

Только сама принцесса не выказала никакой радости. Лицо ее залила смертельная бледность, глаза закатились, и она начала медленно оседать на землю, будто ноги не держали ее... Но, даже теряя сознание, она не выпустила ребенка из рук. Служанки подхватили ее и поспешно увели прочь.

Глава 14

На следующий день принцесса Эвина покинула замок – не через главные ворота, как подобает особе королевской крови, а тихо, таясь от всех, будто воровка.

Проститься с ней пришла только Гвендилена. Не то чтобы ей так уж сильно хотелось утешить соперницу перед изгнанием, но внутренний голос, которому она привыкла доверять, упорно твердил, что свою роль надо играть до конца. К тому же было и странное, почти абсурдное желание самой убедиться в том, что *все это правда*, все происходит на самом деле, и больше Эвина не войдет в свои покои как хозяйка, не будет распоряжаться и приказывать, не приласкает сыновей...

А главное – не разделит ложе с Хильдегардом.

Всю ночь накануне Гвендилена проворочалась в постели без сна, а утром, едва взошло солнце, проскользнула через сад к неприметной боковой калитке. Отъезд принцессы в замке старательно обходили молчанием, но ведь недаром госпоже *алематир* положено знать обо всем!

Принцессу уже ждала карета – простая и неказистая, без гербов и украшений. В такой впору разъезжать жене разбогатевшего лавочника... Но Эвина, казалось, не замечала этого. Дайва, ее единственная служанка, делившая с ней ее заточение в башне, бегала и суежилась вокруг, а принцесса, бледная, с отрешенным лицом, покачивала ребенка, равнодушно наблюдая, как слуги загружают в повозку сундук с теми немногими вещами, что ей позволено было взять с собой.

– Ваше высочество! Я пришла пожелать вам счастливого пути, – Гвендилена привычно присела в реверансе.

Увидев ее, принцесса словно очнулась от глубокого сна. Ее голубые глаза казались огромными на исхудавшем бледном лице, и под этим взглядом Гвендилена на миг почувствовала себя так, что впору было сквозь землю провалиться от стыда и горя или признаваться во всем и на коленях вымаливать прощение.

Осторожно передав ребенка на руки служанке, Эвина шагнула ей навстречу.

– А, это ты... Благодарю тебя, Гвендилена, – тихо вымолвила она, – ты одна... – тут ее голос прервался, и на миг показалось, что Эвина вот-вот заплачет, но она справилась с собой и закончила: – Ты одна осталась верной.

Гвендилена порывисто обняла ее. На глазах у нее появились слезы, и в этот миг они были совершенно искренними. Принцесса ведь и в самом деле была добра и участлива к ней – больше, чем кто-либо другой в ее жизни!

«Ну почему все так сложилось, – с тоской думала Гвендилена, – я вовсе не желала ей зла, просто боролась за свое счастье, за свою любовь, за будущее... И победила».

Словно вспомнив что-то очень важное, Эвина сдвинула брови и отстранилась от нее.

– Мои мальчики... Им даже не дали проститься со мной! Хотя, наверное, так даже лучше. Не нужно, чтобы они видели меня... такой. Береги их, умоляю!

Гвендилена торопливо закивала.

– Да, да, разумеется! Не волнуйтесь, ваше высочество, я все для них сделаю.

Ей уже хотелось, чтобы все кончилось поскорее. Недаром в родной деревне говорили когда-то: «Долго провожать – слезами дорогу полить, вздохами выстелить».

А принцесса все говорила – о том, что Альдерик не может есть грубой пищи и часто мерзнет, что Римерану пора найти хорошего учителя фехтования и верховой езды...

Возница – степенный, коренастый, с черной окладистой бородой – деликатно кашлянул.

– Простите, госпожа, нам пора ехать! Путь долгий впереди.

– Да, да, разумеется, я понимаю, – спохватилась Эвина, – прощай, Гвендилена! Помни обо мне, и пусть мои дети тоже меня не забудут!

Принцесса легко вспорхнула в карету, и даже сейчас невозможно было не восхититься ее красотой и природной грацией. Кучер щелкнул кнутом, экипаж тронулся...

Гвендилена помахала вслед и уже хотела было возвращаться в замок, но тут произошло нечто неожиданное – калитка распахнулась, и

на дорогу выбежала Калеа. Сейчас никто не узнал бы в этой растрепанной седой старухе чинную придворную даму, от одного взгляда которой еще совсем недавно трепетали фрейлины и служанки!

Увидев, что карета уже отъехала, Калеа в отчаянии закричала... И кинулась вслед. Бежала она неуклюже, тяжело, пыхтя и нелепо размахивая руками. Несколько раз Калеа спотыкалась и падала, но упрямо поднималась на ноги. Наконец, видимо, совсем выбившись из сил, она не смогла встать. Глухо, страшно рыдая, она корчилась посреди дороги, и пыль окрасилась кровью от ее разбитых ладоней и лица...

Гвендилена даже растерялась. Конечно, надо было бы увести несчастную в замок, но, пожалуй, поднять толстуху ей было бы не под силу! К тому же она не забыла, как надменно и презрительно Калеа обращалась с ней когда-то.

«Лучше бы позвать служанок. Пусть сами справляются, раз уж не углядели за безумной!» – решила Гвендилена.

Но ей не пришлось делать и этого. Карета остановилась, принцесса выскочила, подхватив пышные юбки, и подбежала к лежащей в пыли Калеа. Она помогла ей встать – откуда только сила взялась у столь хрупкого создания! – отерла платком лицо и руки и бережно, заботливо усадила в экипаж. Кучер попробовал было воспротивиться, но принцесса наградила его таким взглядом, что он мигом осекся и безропотно занял свое место на козлах.

Карета снова тронулась и скоро скрылась за холмом.

Часть IV. Фаворитка

Глава 1

Снова зима вступила в свои права. Погожие дни сменились туманами и штормами, с севера задули *нирдвалы* — холодные и злые зимние ветры. В воздухе постоянно висела мокрая морось, что ни день — шел то дождь, то снег, и даже море замерзло у берега, что, по словам старожилов, случалось последний раз лет двадцать назад. Печи и камины в замке горели днем и ночью, но и это не всегда спасало от промозглого холода и сырости.

Но Гвендилена не замечала капризов погоды. Пожалуй, еще никогда в жизни она не была так счастлива! После отъезда, а если говорить правду — изгнания, принцессы Эвины она почувствовала себя если не полноправной хозяйкой в замке, то, по крайней мере, управительницей, с которой теперь всем приходится считаться.

Их встречи с принцем по-прежнему были тайными, но с каждым днем Гвендилена чувствовала, как он все сильнее привязывается к ней. Теперь он посылал за ней Яспера почти каждую ночь! Случалось даже, что они засыпали и просыпались вместе. В их объятиях была не только страсть, но и нежность, и, прижимаясь к ее телу, Хильдегард счастливо улыбался, словно ребенок у материнской груди.

— Дом мужчины — сердце женщины, — как-то сказал он, — так говорил мой отец когда-то, а я не понимал, о чем это он. Кажется, теперь я дома!

От этих слов сердце Гвендилены трепетало от радости. Она прижималась к возлюбленному и обнимала его, покрывала его тело поцелуями, шептала на ухо ласковые слова... Ночи пролетали как одно мгновение.

Ну а днем было много хлопот.

Первым делом Гвендилена распорядилась отправить по домам бывших фрейлин принцессы. Многим это решение пришлось не по нраву. Одни намекали, что госпоже *алематир*, возможно, было бы приятно видеть рядом давних подруг, другие вдруг вспоминали о том, как богаты и влиятельны их отцы, некоторые даже пытались просить, умолять и плакать...

Но Гвендилена была непреклонна. Видеть бывших товарок, что помнили ее неуклюжей, робкой и жалкой, вчерашней рабыней, из милости приближенной к принцессе, было бы просто невыносимо! Жаль, конечно, что бедным девушкам приходилось отправляться в путь зимой, в холода, но тут уж ничего не поделаешь. Глядя, как отъезжают от ворот замка их кареты, Гвендилена чувствовала легкое злорадство... Хотя, если вдуматься, рабам, приведенным в цепях, приходилось куда тяжелее!

Дети требовали немало заботы и внимания. За то время, что Эвина провела в башне, они успели привыкнуть к ее отсутствию, и все же отъезд матери подействовал на мальчиков угнетающе. Маленький Альдерик плохо спал по ночам, часто плакал, отказывался от еды и мочился в постель, Римеран же наоборот замкнулся в себе и, бывало, целыми днями сосредоточенно думал о чем-то, наморщив лоб и не произнося ни слова. Однажды, когда Гвендилена укладывала его спать, мальчик вдруг спросил:

– Скажи, где теперь моя мать?

Гвендилена смутилась. Она знала, что рано или поздно Римеран задаст этот вопрос, и все-таки была не готова.

– Она... должна была уехать. Иногда так бывает. Сейчас ты не поймешь, но когда-нибудь потом, когда станешь взрослым...

Гвендилена и сама чувствовала, что ее сбивчивые объяснения выглядят жалкими, неубедительными – даже для ребенка. Однако принц Римеран слушал, не перебивая, взгляд его был так доверчив и ясен, что врать и юлить было стыдно. Но не говорить же ему всей правды!

В конце концов Гвендилена совсем запуталась и замолчала. Она опасалась, что мальчик начнет и дальше расспрашивать о том, куда уехала мать, почему и скоро ли она вернется, но неожиданно он спросил совсем о другом:

– Значит, теперь ты будешь вместо нее?

Гвендилена растерялась еще больше. Конечно, Римеран умен и сообразителен не по годам, несмотря на свое уродство (а может быть, и благодаря ему!), но как мог ребенок проникнуть в ее потаенные мысли? И что, если он догадывается о чем-то?

Пока она лихорадочно пыталась сообразить, что ответить, мальчик вдруг вскинул на нее глаза (синие, отцовские!) и спросил

совсем тихо:

– А ты меня не оставишь?

– Нет, – Гвендилена покачала головой и обняла ребенка, – я тебя никогда не оставлю.

– Хорошо, – маленький Римеран уткнулся лицом ей в плечо, – не уходи.

– Не уйду, – пообещала Гвендилена, – теперь я всегда буду здесь!

И по правде сказать, она и сама всей душой на это надеялась.

* * *

За окном давно стемнело. Падая снег, и крупные пушистые хлопья медленно опускались на землю... Завтра, скорее всего, он растает – снег в этих местах почти никогда не лежит долго! – но сейчас все вокруг преобразилось и выглядело на удивление таинственно и красиво.

Гвендилена уже собиралась лечь в постель, когда в дверь тихо постучали. Это было странно, ведь принц уехал на охоту и вернется только через три дня, к тому же стук не условный, значит, это не Яспер! В первый момент Гвендилена решила, что ей почудилось. Но нет – стук раздался снова, на этот раз сильнее и требовательнее. Наверное, стоило бы позвать служанок, что спят сейчас, умаявшись за день, в соседней комнате...

Но почему-то Гвендилена взяла со стола зажженную свечу и пошла отпирать дверь сама.

– Кто там?

Ответа не было. Гвендилена приоткрыла дверь – осторожно, совсем чуть-чуть... Перед ней стояла девчонка на вид лет семи, не больше – взлохмаченная, босая, довольно чумахая и оборванная. Кто пропустил эту замарашку к покоям знатных дам – просто уму непостижимо!

– Что тебе нужно? – строго спросила Гвендилена. – И как ты сюда попала?

Но эту малышку, похоже, испугать было нелегко. Черные, как угольки, глаза, смотрели весело и даже дерзко.

– Целительница Гила просит вас прийти к ней! – объявила она, потом шмыгнула носом, утерлась рукавом не слишком чистой сорочки и уточнила: – Прямо сейчас.

Гвендилена хотела спросить, что случилось и почему Гила хочет видеть ее так срочно, но девчонки уже и след простыл, только быстрый топот босых пяток слышался в конце темного коридора.

«Что ж, придется идти...» Гвендилена со вздохом покосилась на постель. Она устала сегодня, но, похоже, пораньше лечь спать не удастся!

* * *

Гила ждала ее. Против обыкновения, она не раскладывала свои травы, не разливала настойки по склянкам, не смешивала притирания – просто сидела, глядя перед собой и чуть улыбаясь собственным мыслям. Видеть эту улыбку – мечтательную, почти счастливую! – на ее лице было так странно, так неожиданно, что Гвендилена просто опешила от изумления.

Значит, и в самом деле произошло что-то из ряда вон выходящее. Или *должно* произойти.

– Ты хотела видеть меня? – спросила девушка. Почему-то в горле у нее вдруг пересохло.

– Да... – Гила указала ей на стул с высокой спинкой, – садись. Думаю, у нас будет долгий разговор.

Гвендилена послушно опустилась на жесткое и довольно неудобное сиденье. Ее клонило в сон, очень хотелось закончить побыстрее и отправиться в постель, но спорить она не посмела.

А Гила не спешила начать разговор. Она долго всматривалась в ее лицо, и под этим взглядом Гвендилена, как всегда, чувствовала себя обнаженной и беззащитной. Наконец, Гила откинулась на спинку стула.

– Как живешь, девочка? – спросила она.

Гвендилена готова была поставить последний медяк на то, что целительница прекрасно осведомлена обо всем, что происходит в замке, но все же принялась добросовестно рассказывать о своей жизни: о новых обязанностях, о детях, а главное – о принце

Хильдегарде. Постепенно она увлеклась, даже вспомнила, что приворотное зелье в маленькой бутылочке подходит к концу и самое время было бы попросить новую порцию, когда целительница бесцеремонно прервала ее:

– Ну что же, теперь ты довольна?

– О да, Гила, я счастлива! Я всегда буду благодарна тебе, до самой смерти, за все, что ты сделала для меня!

Гила остановила ее, вытянув ладонь вперед.

– Осталось еще кое-что еще... Ты не рассчиталась со мной.

Этого и следовало ожидать. Гвендилена знала, что рано или поздно целительница потребует расплаты. Но почему это произошло именно сейчас?

– Да, конечно, – заторопилась она, – я отдам тебе все – деньги, золото, драгоценности...

Но Гила лишь отмахнулась.

– Глупая девочка... Оставь себе свои побрякушки! Мне нужно от тебя нечто совсем другое.

– Чего же ты хочешь? – спросила Гвендилена, внутренне холодея. Она чувствовала, что цена будет немалой... И что-то подсказывало, что лучше заплатить ее сполна.

Целительница ответила не сразу. Гвендилена сидела перед ней ни жива ни мертва, а Гила, глядя ей в лицо испытующе и чуть насмешливо, будто наслаждалась своей властью.

– Ты должна убить короля Людриха, отца принца Хильдегарда, – сказала она так спокойно и просто, что девушка на миг оторопела.

Такого она точно не ожидала. Именно сейчас, когда она наконец-то достигла всего, о чем мечтала (ну или почти всего!), ее благополучие, ее выстраданное счастье снова оказались под угрозой! Убить короля – это ведь непросто, тем более что Людрих, как она успела понять, отличался весьма крутым и суровым нравом.

– Короля? Но почему? – невольно вырвалось у нее.

– Ты и правда хочешь знать об этом, девочка? – спросила целительница. Голос ее был спокоен, но в то же время и затаенная угроза слышалась в нем. – Ты уверена в этом?

– Да, в самом деле хочу! – Гвендилена вскинула голову. – Как говорил когда-то мой отец, по краю пропасти лучше идти с открытыми глазами!

На самом деле Ригор сказал эту фразу всего один раз, когда собирался покупать лошадь на ярмарке, но маленькая Гвендилена запомнила. Все, что говорил отец, казалось ей очень важным, мудрым, значительным... Но без сомнения, он был прав, и, если уж идти на смертельный риск, стоило бы знать, за что!

Она осторожно накрыла ладонью руку целительницы и тихо вымолвила:

– Расскажи, Гила, прошу тебя.

– Меня зовут Гиллиам ап Кеаллах! – женщина гордо приосанилась. В этот миг она показалась Гвендилене высокой, даже величественной. – Мой отец был одним из старейшин народа *эйрим-киал*, издревле населявшего острова, а мать – знаменитой целительницей!

Она помолчала и, таинственно улыбнувшись, добавила:

– В моем роду были *майяры*.

Это непонятное слово она произнесла с такой гордостью, будто речь шла об особах королевской крови. Было любопытно, что она имеет в виду, но почему-то Гвендилена постеснялась переспрашивать.

А Гила все говорила, будто не могла остановиться, спеша выплеснуть все, что накопилось на душе за годы молчания:

– Мать учила меня всему, что знала сама. Из четырех сестер именно меня она выбрала преемницей! Когда мне исполнилось семнадцать, я стала *керидайл* – посвященной. Перед ликом Бригейлы, Белой богини, я произнесла обет, меня облачили в белые одежды и увенчали венком из омелы...

– Ты была монахиней? – удивилась Гвендилена.

Гила снисходительно улыбнулась.

– Наша вера не позволяет служить богине женщинам, не ставшим матерями. А я родила близнецов, мальчика и девочку! В наших местах это считалось знаком высшей благодати.

Гвендилена уставилась на нее во все глаза. Сама мысль о том, что суровая Гила когда-то была матерью, казалась странной, даже дикой!

– В день, когда моим малюткам исполнился год – как раз в праздник Золотого огня, когда ночью зажигают костры, встречая весну, – на отмели возле Белых скал высадился отряд Людриха. Тогда он еще не был королем... И жаждал снискать воинских почестей. Наши мужчины храбро сражались, но их было слишком мало. Все они

полегли там, на берегу, под ударами вражеских мечей, и белый песок стал красным от крови! Мой муж и братья тоже пали там вместе с другими...

Голос женщины дрогнул, но лишь на миг. Она отерла слезу и, покачивая головой, добавила:

– К счастью, они так и не увидели, что случилось потом!

– А что стало с остальными? – спросила Гвендилена. Она еще хотела надеяться, что хоть для кого-то из соплеменников Гилы все закончилось благополучно... Но сердце знало, что это не так.

– Женщины, дети, старики пытались укрыться в священной роще под сенью *айама*, Вечного Древа... Люди моего народа верили, что корни его уходят в подземный мир и питаются из Источника Жизни, откуда берут начало все ручьи и реки, а вершина служит подножием для трона Агграминда – Отца Всех Богов.

Но в тот день *айам* не смог защитить нас. Мой отец – а он был уже глубоким старцем! – умолял пощадить женщин и детей, заклинал небом, землей и всеми богами, но напрасно. Они убили его, а его головой играли, пиная ее ногами, словно мяч. А потом... – тут ее голос прервался, и глаза остекленели, и Гила замолчала, уставившись в пространство. Она долго сидела, словно окаменев, и, наконец, вымолвила каким-то неживым деревянным голосом:

– Эта игра вскоре наскучила им, и они затеяли другую – подбрасывали в воздух маленьких детей и ловили их на копья. И моих... тоже. Я видела это и ничего не могла сделать!

Гвендилена слушала ее не дыша. Она вспомнила родную деревню, пылающий сарай, крики обреченных...

Гила встала, достала с полки маленький пузырек, поспешно отхлебнула какой-то жидкости и некоторое время сидела молча, закрыв глаза. Гвендилена даже испугалась, что она умерла, но целительница, словно придя в себя, заговорила вновь – сухо и почти спокойно:

– Среди всех они пощадили только нескольких девушек и молодых женщин, чтобы сделать их своими рабынями и наложницами. Я была в их числе... Правда, после того дня мои волосы поседели, но им было все равно. Они делали со мной что хотели, а потом, когда я наскучила им, продали на торгу. Я много раз переходила из рук в руки,

словно вещь, и, наконец, попала сюда. Мой прежний хозяин преподнес меня в числе других подарков на свадьбу Эвины и Хильдегарда.

Она невесело усмехнулась.

– Подумать только! Когда-то давным-давно я служила богине и исцеляла страждущих. Многие приходили вновь, чтобы вознести благодарственные молитвы... А теперь, – она презрительно скривила губы, – теперь готовлю укропную водичку для детей, когда их мучают колики, лечу служанок от простуды и помогаю придворным дамам вытравливать плоды беззаконной любви.

В ее голосе звучала боль и бесконечная усталость. Видно было, что эта женщина давно утратила желание жить.

Ги́ла вдруг встре́пену́лась.

– Ты хочешь знать, почему я еще не умерла? – спросила она. – Почему я сама не выпила яду?

Гвендилена лишь кивнула. Похоже, эта женщина могла читать ее мысли, словно открытую книгу!

– Я не хочу умирать, не отомстив за себя. А еще – за моего отца, за мужа, за детей... За мой народ. Говорят, на острове Зорвал не осталось больше никого из *эйрим-киал*! Теперь там живут рыбаки и китобои, бывшие каторжники и рабы-вольноотпущенники. Они убивают китов и делают из их жира свечи и вонючую ворвань, а когда-то мы считали китов священными, и наши жрецы выходили в море на лодках, чтобы послушать их песни и поглядеть, как они танцуют, выпрыгивая из моря при луне! Срублены священные рощи, сожжены дома, ветер гуляет в развалинах, и никто, кроме меня, не помнит о том, что мы были... И какими были!

Она посмотрела на Гвендилену, и ее глаза показались девушке бездонными, как воды озера Трелоно. Стоит сделать шаг – и окажешься прямо в Аннуне... Но на тонких сухих губах снова играла легкая улыбка – улыбка торжества.

– Когда я впервые увидела тебя, то поняла – ты единственная, кто может помочь мне. Ты из тех, кто не останавливается ни перед чем, и потому стала моей надеждой! – она вымолвила это почти нежно, но у Гвендилены холод подступил к сердцу, и перехватило дыхание. Целительница легко прикоснулась к ее волосам, убирая от лица непослушные прядки... И продолжала уже совсем другим тоном, сухо

и деловито: – Я помогла тебе, не так ли? Теперь пришло время выполнить свое обещание.

Она помолчала недолго и закончила спокойно и твердо:

– Людрих заплатит за все.

Гвендилена беспокойно заерзала на стуле. То, что твердокаменная Ги́ла приоткрыла перед ней душу, потрясло ее... Но не потому голову словно сдавило тугим обручем и перед глазами замелькал рой темных мушек. Прямо сейчас нужно было принять важное решение.

«Конечно, идти на убийство короля – огромный риск, но, с другой стороны, отказаться не получится, – думала она, – Ги́ла много знает обо мне, и она способна на многое, в этом нет сомнений!»

И кроме того... Гвендилена вдруг вспомнила, как принц говорил когда-то об отце и брате. «Я не король и никогда им не буду! Король – мой отец, а мой старший брат – его законный наследник». Пожалуй, смерть Людриха стала бы для него подарком судьбы и шагом к трону.

Ги́ла по-своему поняла ее замешательство.

– Не бойся, тебе не придется вызывать короля на поединок или закалывать кинжалом, – усмехнулась она, – все гораздо проще. Видишь этот порошок? Достаточно нескольких крупиц в бокале вина – и дело сделано!

Видно было, что она давным-давно все продумала... И кажется, у нее даже мысли не мелькнуло о том, что Гвендилена может отказаться!

– Но как мне приблизиться к нему? – спросила девушка. – Ведь он здесь никогда не бывает!

– В этом году принц Хильдегард, как обычно, отправится на *таймери-гивез*, дабы засвидетельствовать почтение своему отцу. Он возьмет тебя с собой, и тогда...

– А вдруг не возьмет? – быстро спросила Гвендилена.

– Ты уж постарайся, – отрезала Ги́ла.

– Но ведь меня могут заподозрить, – забеспокоилась Гвендилена.

– О, не тревожься об этом, – отмахнулась Ги́ла, – яд подействует не сразу. Вначале король вообще ничего не почувствует, зато потом...

Она мечтательно закатила глаза и улыбнулась. Гвендилена невольно отвела взгляд, чтобы не видеть этой улыбки. Ги́ла казалась ей воплощением Иннамар – богини-мстительницы, преследующей свои жертвы даже в загробном мире. На краткий миг ей даже стало жаль короля Людриха!

Он еще не знает, что его ждет.

Глава 2

В лучах заходящего солнца снег казался нежно-розовым, словно перья птицы *хелиг*, что вьет гнезда на болоте. По Орнвайскому тракту, проложенному еще во времена империи, двигался длинный караван карет и повозок, сопровождаемый вооруженными всадниками в серых плащах *джедри-айр* с золотым крестом.

Гвендилена плотнее закуталась в накидку из лисьего меха. Кузов кареты, хитро подвешенный на прочных цепях, мягко покачивался, навевая сон... В небольшой жаровне еще не прогорели все угли, так что внутри было тепло и уютно. Маленький Альдерик заснул, положив ей голову на колени, зато Римеран, расплющив нос о стекло, смотрел в окошко. Снежная равнина словно заворожила его, и он готов был любоваться ею бесконечно.

Дело с поездкой на *таймери-гивез* устроилось на удивление легко и быстро. Хильдегарда и уговаривать-то особенно не пришлось. Гвендилене стоило лишь намекнуть, что мальчиков пора бы представить ко двору их деда, и принц поспешил согласиться с ней.

– Да, ты права, дорогая! Мой отец никогда еще не видел внуков. В детях моего брата он души не чает, так что стоило бы напомнить ему, что у меня тоже есть сыновья!

То, что Гвендилена должна сопровождать мальчиков, даже не обсуждалось. Это казалось чем-то само собой разумеющимся, тем более что принц Римеран наотрез отказался ехать без нее, а маленький Альдерик, узнав о предстоящем путешествии, почему-то испугался и, как всегда в таких случаях, начал капризничать и хныкать по любому поводу.

Поначалу Гвендилена опасалась, что ехать зимой до самой Орны будет непросто, тем более с детьми. Не простудился бы кто-нибудь (особенно это касалось, конечно, Альдерика!), не расхворался... Впрочем, ее страхи оказались напрасными. В удобной карете, оборудованной всем необходимым, путешествовать было легко и приятно.

В пути принца и его свиту сопровождали вооруженные до зубов гвардейцы *джедри-айр*, опытные проводники, конюхи, искусные

повара (в их числе был и Глан, которого Гвендилена старательно избегала), даже певцы и музыканты! А еще – множество умелых и предупредительных слуг, готовых в любое время исполнять желания своих господ. Они ловко и быстро разводили огонь на привалах, топили воду из чистого снега, поддерживали горячими угли в жаровне, чтобы знатным особам не приходилось мерзнуть в дороге, кормили лошадей и следили, чтобы путешествующие ни в чем не испытывали недостатка.

Продвигались неспешно. Глядя из окна, Гвендилена не могла сообразить, какое расстояние они преодолели за день, но кучер не настигивал лошадей, и они шли спокойной размашистой рысью. Как всегда, принц Хильдегард озаботился тем, чтобы выехать заранее, и рассчитывал прибыть в Орну накануне праздника Йома.

Ночевать останавливались в замках или усадьбах местных землевладельцев, оказавшихся поблизости. Радужные хозяева выходили навстречу с караваем пшеничного хлеба, как принято встречать почетных гостей, провожали в лучшие покои, старались накормить повкуснее и господ, и челядь... Возможно, для кого-то из них это было весьма обременительно, и Гвендилена не раз видела на лицах кислые улыбки, но роптать, конечно, никто не смел. Принимать у себя члена королевской семьи – высокая честь, даже если потом придется затягивать пояса потуже.

Впрочем, Гвендилена предпочитала не задумываться об этом. Господа и вассалы уж как-нибудь разберутся между собой... Но как хорошо, когда после целого дня в пути тебя ждет горячий ужин, чистая постель и пылающий камин!

Почти всегда так и было, но не сегодня. Кучер уже предупредил, что на этот раз предстоит ночевка под открытым небом. В общем-то, беспокоиться не о чем – в обозе достаточно дров и еды, доброго вина и овса для лошадей, а для *джедри-айр* не составит труда расправиться с любым хищником или лихим человеком, если он вдруг вздумает напасть...

Но почему-то Гвендилена почувствовала страх, и в сердце что-то кольнуло остро и болезненно. В этот миг она всей душой пожалела, что Гилы нет рядом. Она-то умела справиться с любым недомоганием, а главное – от одного ее присутствия, голоса, прикосновения маленьких, но сильных рук сразу становилось спокойно на душе.

Но Гила осталась далеко, в Терегисте. При расставании она дала Гвендилене целую шкатулку разнообразных снадобий – сушеных трав, баночек с мазями, порошков и микстур – с подробнейшими наставлениями, как и что нужно применять, если вдруг случится заболеть ей или мальчикам.

– Запомни, траву *хилет* заливай крутым кипятком и настаивай от заката до рассвета! При поносе пить по маленькой ложке после еды. От простуды помогает мазь *беллайта*, если с вечера нанести на шею и грудь, а если начнется насморк, закапай вот эти капли, по одной в каждую ноздрю...

Тогда, перед отъездом, Гвендилена совсем захлопоталась. Слова Гилы пролетали у нее мимо ушей, хотя девушка добросовестно старалась запомнить все, что она говорила. Наконец целительница сжалилась над ней:

– Ладно, можешь больше не мучиться и не хлопать глазами, как телка на выпасе! Я все написала, там, в шкатулке, есть конверт.

И, чуть прищурившись, добавила:

– Ты ведь умеешь читать, правда? Наставнику маленького принца стоило бы брать двойную плату!

Шкатулка со снадобьями надежно упакована, завернута в три слоя льняного полотна и лежит сейчас среди прочих вещей в рундуке под сиденьем. Принц даже похвалил Гвендилену за предусмотрительность! Но никто не знает, что в потайном отделении лежит маленький пакетик из плотного пергамента, наполненный бело-серыми крупинками, похожими с виду на толченую каменную соль. Гила сразу предупредила, что прикасаться к нему можно, лишь надев лайковые перчатки и прикрыв рот и нос тонкой тканью, чтобы случайно не вдохнуть даже мельчайшую частицу.

– Ты поняла меня? – снова и снова переспрашивала целительница, – лайковые перчатки и шелк! Потом собери это все в мешок и выброси подальше, а лучше – закопай. Если просыплешь хоть чуть-чуть, – тут же подбери, а след залей из этого пузырька. И чтобы никого не было рядом, никого!

Яд, который должен отправить на тот свет короля Людриха, похоже, внушал страх даже ей самой! А Гвендилена старалась не думать о том, что ей предстоит сделать в самое ближайшее время, иначе просто сошла бы с ума от беспокойства и тревоги.

Она покосилась на свою левую руку. На среднем пальце поблескивало кольцо – старинное, серебряное, с голубоватым переливающимся камнем. Его тоже дала ей Гила... И показала, как перстень раскрывается при помощи тайной пружины.

– Видишь? Там внутри есть небольшое углубление – как раз хватит на смертельную дозу для короля! – объясняла целительница, и на губах ее играла все та же, уже знакомая Гвендилене улыбка, одновременно радостная и безумная, – научись обращаться с ним как следует! Когда наступит время действовать, тебе понадобится вся ловкость, на которую ты способна, девочка.

Механизм, искусно замаскированный среди прихотливых узоров и завитков, действительно оказался весьма хитроумным. Если не знать про него, в жизни не догадаешься, что кольцо – не просто украшение! Гвендилена не сразу научилась открывать и закрывать его быстро и бесшумно и теперь в который раз дивилась прозорливости Гилы, которая не позволила наполнить перстень ядом сразу же.

– В неумелых руках и нож тупится, и игла ломается! – отрезала она и потом, чуть смягчившись, объяснила: – Одно неловкое движение – и все пропало. Можешь пострадать ты сама, или кто-то другой, или... – Гила провела рукой по лбу, словно отгоняя докучливые неприятные мысли, и закончила: – Ты должна быть осторожна, девочка. Очень осторожна!

Гвендилена поправила кольцо и чуть улыбнулась. «Ничего! Все будет хорошо, – думала она, склоняясь на бархатные подушки, – я все сделаю, как велела мне Гила, и король Людрих умрет в свой срок. Мой возлюбленный принц станет правителем Терегиста, как давно было ему обещано. Правда, остается еще его старший брат, но ведь все может измениться! Хильдегард еще будет королем, а потом... потом...»

Что будет дальше, она додумать не успела. Гвендилена заснула, но даже во сне продолжала придерживать голову Альдерика у себя на коленях, чтобы малыш не упал и не ушибся случайно.

– Привал! Привал! – голос кучера раздался где-то рядом. Гвендилена открыла глаза. Уже темнело, и слуги спешили оборудовать место для ночлега – разжигали костры, ставили легкие шатры, распрягали лошадей, чтобы дать им отдых.

– Госпожа... – в карету заглянула Марла, одна из служанок.

– Что тебе? – Гвендилена откинула прядь волос, упавшую на глаза, и аккуратно спрятала ее под легкой меховой шапочкой.

– Госпожа, вы желаете, чтобы я принесла вам ужин? Или, может быть, предпочтете немного пройтись? Повар Глан обещает сегодня сотворить нечто особенное – мясо косули в горящем винном соусе!

– Может быть, в горячем? – переспросила Гвендилена. Встречаться лицом к лицу со старшим поваром ей по-прежнему не хотелось, но, с другой стороны, ноги изрядно затекли от неподвижности, а вечер выдался ясный, безветренный, хотя и довольно морозный.

– Нет, именно в горячем! – служанка упрямо покачала головой. – Это целое представление! Мясо сначала жарят с пряностями, потом поливают *шен-кальвом* – это яблочное вино двойной перегонки, такое крепкое – ужас!

– Ну и что дальше? – нетерпеливо спросила Гвендилена.

– А потом пуф! – и поджигают. Оно так красиво горит, почти как фейерверк. И мясо получается просто волшебное! Тает во рту.

– Я тоже хочу фейерверк! – глаза у принца Римерана загорелись от любопытства. – Пойдем посмотрим, ну пожалуйста!

– И я, и я хочу... – подал голос маленький Альдерик. Он еще не совсем проснулся и тер глаза кулаками. – Я тоже хочу посмотреть!

– Ну хорошо, – согласилась Гвендилена, – только оденьтесь потеплее... И обещайте слушаться!

* * *

Снег скрипел под ногами, воздух пах морозной свежестью. Вечер и впрямь удался на славу – настоящий пир под открытым небом! Горели костры, жареное мясо распространяло умопомрачительный аромат, и виночерпии едва успевали наполнять бокалы. На столах разложены были разнообразные закуски – хлеб, сыр, вяленое мясо,

варенные яйца и овощи, и всякий мог подходить и угощаться, чтобы утолить голод, пока повар Глан готовил свое коронное блюдо. Толстяк суетился и подгонял помощников, по обыкновению щедро раздавая тычки и затрешины. Вспомнив свою жизнь на кухне, Гвендилена невольно поежилась и спрятала лицо в пушистый мех. Даже сейчас старший повар казался ей страшным!

Впрочем, долго предаваться воспоминаниям у нее не было времени – за маленькими принцами нужен был глаз да глаз. Расшалившись, они то играли в снежки, то с гиканьем носились друг за другом, то дразнили собак, то фехтовали на палках. Гвендилена умаялась бегать за ними, зато холода почти не чувствовала.

Наконец все было готово. Трубач коротко протрубил сигнал к обеду, и все собрались вокруг самого большого стола, накрытого белой полотняной скатертью. Был здесь и принц Хильдегард – как всегда, красивый, легкий, с неизменной чуть насмешливой улыбкой на губах. Глядя на него, Гвендилена почувствовала, как сильно соскучилась по его объятиям – ведь за все время в дороге он ни разу не разделил с ней ложе! Хотелось подойти, взять его за руку, поймать его взгляд, перемолвиться словом, может быть, даже поцеловать украдкой... Но нельзя. На людях приходилось держаться отстраненно, словно их ничего не связывает.

Глан поднес зажженную палочку, и тут же над старинным серебряным блюдом взметнулось голубоватое пламя. Горело действительно красиво, ярко, рассыпая разноцветные искры... Маленький Альдерик от радости захлопал в ладоши. Музыканты дружно грянули застольную песню, и десятки голосов тут же подхватили ее:

Снедь, что боги нам дают,
Будь благословенна!
Хлебу, мясу и вину
Мы поем хвалу...

Слуги резали мясо и разносили тарелки с угощением. Оно действительно оказалось невероятно вкусным – нежным, терпким и чуть сладковатым. Обоих маленьких принцев скоро сморило от сытной

еды и беготни на свежем воздухе, глаза у них начали слипаться, и рослый слуга по имени Румер бережно отнес их в карету.

Музыканты заиграли «Селянку и трубадура». Услышав знакомую мелодию, Гвендилена вздрогнула и прикусила губу – когда-то эту балладу пел Лейр Сладкоголосый! На миг ей даже показалось, что сейчас он появится в толпе, по обыкновению отбросит назад золотые кудри и ударит по струнам своей лютни, заставляя ее петь и плакать, смеяться и говорить почти человеческим голосом...

Впрочем, кроме нее, никто не вспомнил про несчастного певца. Все смеялись, хлопали в ладоши, подпевали незатейливому припеву:

Растает снег, сойдет вода
Нет-нет-нет, да-да-да!
Придет любовь, пройдет беда
Нет-нет-нет, да-да-да!
Мы будем вместе навсегда
Нет-нет-нет, да-да-да...

Некоторые даже пустились в пляс. Кавалеры церемонно кланялись, дамы скромно опускали глаза, а потом, взявшись за руки, пары кружились, сходились и расходились, притопывали ногами, вертелись волчком...

Наверное, это было весело, но Гвендилена почему-то не разделяла общей радости. Сердце противно щемило, и чувство непонятно откуда взявшейся тревоги и тоски, что посетило ее сегодня, становилось все сильнее и сильнее.

Она отошла в сторону, подальше от шума и толкотни, и, медленно прихлебывая горячее вино из маленького серебряного кубка, смотрела вдаль, на снежную равнину, на лес, что высился вдалеке... Это немного успокоило ее, и Гвендилена уже хотела было пойти спать, когда вдруг ее внимание привлекло нечто необычное, даже пугающее. Из леса показалось странное существо – не зверь, не человек... Больше всего оно напоминало бесформенный комок серых лохмотьев, зигзагами катящийся по снежной целине.

Гвендилена испуганно ахнула. Тут же, словно из-под земли, рядом с ней вырос один из *джедри-айр*.

– Что случилось, госпожа? – деловито спросил он.

– Там... там... Смотрите!

Гвардеец пригляделся и, свистнув двум своим товарищам, бросился наперерез пришельцу. Втроем они без труда настигли его, схватили и притащили в лагерь.

Вблизи существо оказалось на диво уродливой, сморщенной горбатой карлицей. При себе у нее не оказалось ничего подозрительного – только дырявая пустая сума. Пойманная не отвечала на вопросы, кто она и откуда, лишь мычала, стонала, тянула к огню озябшие, посиневшие руки и шумно сглатывала слюну, кидая жадные взгляды на остатки мяса и хлеба.

– Это всего лишь нищенка! – разочарованно протянул один из гвардейцев и, встряхнув карлицу за шиворот, угрожающе произнес: – Эй ты! Пошла вон отсюда, побирушка! Не видишь, здесь знатные господа?

Она заскулила, словно побитая собака. Из глаз, лишенных бровей и ресниц, по щекам потекли слезы, и Гвендилена вдруг почувствовала жалость к несчастной.

– Подождите! Оставьте ее... И дайте поесть.

– Как пожелаете, госпожа *алематир*! – гвардеец равнодушно отвернулся и бросил через плечо: – Хотя, по мне, лучше бы собакам отдали!

Гвендилена пододвинула ей блюдо с объедками. Нищенка быстро и цепко схватила кусок мяса и жадно, в один миг, проглотила. Глаза ее заблестели, щеки чуть порозовели, и на тонких бескровных губах появилась довольная улыбка.

– Госпожа, добрая госпожа... – забормотала она, – благодарю тебя, добрая госпожа!

Было, конечно, странно, что безумная нищенка оказалась способна к членораздельной речи... Но еще больше Гвендилену удивило другое. В свете костра лицо карлицы показалось ей странно знакомым! Она готова была поклясться, что уже видела ее, но не могла вспомнить, где и когда.

А та все тянула свое:

– Добрая госпожа! Милостивая госпожа! Наша будущая королева... Добрая королева...

– Я вовсе не королева! – растерялась Гвендилена.

В самом деле, совсем недавно, засыпая в карете, она представляла себе, как принц Хильдегард станет королем, а она разделит его судьбу и славу... Но откуда нищенка могла узнать про ее самые потаенные мечты?

«Нет, нет, конечно, такого и быть не могло, просто она не в себе, несет что в голову придет, – думала девушка, беспокойно оглядываясь по сторонам, – не услышал бы кто случайно!»

Наконец, взяв себя в руки, она крикнула:

– Молчи и не смей такое говорить, иначе я прикажу прогнать тебя прочь!

Но карлица лишь разразилась безумным смехом.

– Королева! Королева! – повторяла она, неуклюже приплясывая и хлопая в ладоши. – Мы все ждем тебя! Мы ждем тебя, не забудь!

Только теперь Гвендилена вдруг поняла, где она видела это лицо, эту сгорбленную фигуру, скрюченные пальцы, маленькие, глубоко посаженные глаза под нависающим лбом... Перед глазами встало темное озеро, каменистая пустошь, мертвый лес и остов Стеклоанной башни вдалеке. Там, в Аннуне, карлица была среди других теней, что почтительно кланялись ей, давая дорогу!

– Прочь! Убирайся прочь, немедленно! – закричала она, сжав кулаки. В этот миг Гвендилена просто убить была готова эту нищенку, кем бы она ни была на самом деле!

Но той все было нипочем.

– Мы ждем тебя! Все ждут! – повторила она и пустилась наутек, с неожиданной ловкостью и быстротой петляя по снежной целине. Скоро она скрылась в лесу.

Глава 3

Сидя перед большим зеркалом в гостевых покоях королевского замка в Орне, Гвендилена всматривалась в свое отражение. Она нарочно отослала служанок, чтобы побыть одной перед Церемонией Представления, собраться с мыслями и достойно подготовиться к тому, что предстоит ей сегодня.

В Орну принц со свитой прибыл вчера ближе к ночи. По улицам ехали в темноте, освещаемой лишь неровным светом факелов и фонарей, и Гвендилена немного сожалела о том, что не смогла увидеть столицу даже из окна кареты. Правда, с дороги она так устала, что заснула, едва коснувшись головой подушки...

«Ничего, у меня еще будет время посмотреть город! – утешила себя Гвендилена. – Не сейчас, так потом!»

Она еще раз окинула себя взглядом. Кажется, все в порядке – прическа, платье и драгоценности, даже выражение лица, приличествующее случаю. «Скромность и достоинство – вот что главное!» – наставляла ее Гила. Наверное, она была права. Легкий аромат вербены, серое шелковое платье, гладко уложенные волосы, агатовая камея на черной бархотке на шее... Ах да, еще золотой медальон на длинной цепочке – знак госпожи *алематир*, о нем она чуть не забыла.

Где-то рядом послышался удар гонга. В комнату заглянула служанка – здешняя, нарочно приставленная к гостям.

– Пора, госпожа!

– Да-да, конечно... – Гвендилена встала,правила платье. – Мальчики уже готовы?

* * *

В большом Зале Собраний Орнвайского дворца было многолюдно. Сюда съехались и представители древней родовой аристократии, и столичные щеголи, и мелкопоместные дворяне из дальних медвежьих углов. Разряженные кавалеры с перьями на шляпах и дамы в шелках,

их отпрыски в бархатных костюмчиках и кружевных платьицах соседствовали с неуклюжими краснолицыми деревенщинами, потеющими в своих камзолах из грубой шерсти и тяжелых сапогах, и их женами в платьях из бабушкиных сундуков с пожелтевшими кружевами. Здесь, во дворце, даже служанки были одеты лучше их!

Перешагнув порог, Гвендилена даже оробела немного. В зале было шумно и многолюдно, но больше всего ее поразила роскошь убранства – пол, выложенный драгоценным паркетом из розового и красного дерева, фрески на стенах, изображающие сцены из жизни богов и героев, резные колонны, украшенные золотом, хрустальные люстры, парчовые занавеси на окнах... В противоположном конце зала возвышался королевский трон – позолоченный, украшенный драгоценными камнями. К нему вела коврая дорожка изумительно тонкой работы с тканым узором из виноградных гроздьев, на которую ступить не смел никто из присутствующих.

В толпе Гвендилена совсем было растерялась, но сопровождающая ее служанка цепко схватила ее за руку.

– Сюда, госпожа, – шепнула она, – дети должны быть рядом с отцом!

Принц Хильдегард стоял слева от трона, заложив руки за спину. Он заметно тяготился ожиданием – уголок рта тревожно подергивался, и на щеках выступили красные пятна, но все же старался не подавать вида. Мальчики радостно бросились к нему, но принц лишь рассеянно потрепал старшего по макушке и тут же отстранил.

– Потом, после... Ведите себя смирно. Сейчас сюда войдет король!

На Гвендилену он даже не взглянул... Девушка почувствовала себя уязвленной и обиженной, хотя умом понимала, что иначе и быть не могло. Она торопливо пригладила мальчикам волосы и скромно стала сзади и чуть сбоку – так, чтобы держать принца и детей в поле зрения.

Майордом, одетый в черный бархат, с золотой цепью на шее, похожий на майордома Скалария, как родной брат, ударил в пол тяжелым жезлом и звучно провозгласил:

– Его величество король Людрик и наследный принц Сигриберт!

В зале стало тихо. Мужчины склонились в поклонах, дамы присели в глубоких реверансах. Распахнулась дверь, и в зал быстрой

походкой вошел рослый, широкоплечий, богато одетый мужчина. В первый момент он показался совсем еще молодым и крепким, если бы не длинные седые волосы, небрежно откиннутые назад с высокого лба.

Впрочем, вблизи стало заметно, что он изрядно грузен, живот торчит под богато вышитым камзолом лилового бархата, нависая над кожаным поясом с золотыми бляшками, лицо покрыто сеточкой морщин, и склеры глаз, утонувших в припухших веках, пронизаны тонкими красными прожилками. Красный нос выдавал любителя выпивки, а чувственный рот с полными губами – ценителя женской красоты.

Следом за ним шел молодой человек. Высокий, худощавый, с русыми волосами до плеч, он казался каким-то стертым, невзрачным по сравнению с братом и отцом... Но голову он держал высоко, подбородок с ямочкой посередине был мужественным и твердым, в синих глазах светился ум, а на тонких губах играла легкая полуулыбка – не насмешливая, как у брата, а добрая и как будто всепонимающая.

«Вот кто мог бы стать настоящим королем, из тех, кого любят боги, – невольно подумала Гвендилена, – права была старая Редана!»

Она поспешила отогнать эту непрошеную и совершенно неуместную мысль. Какое ей дело до Сигриберта? Сейчас надо думать о другом...

– Приветствую вас, мой отец и государь! – принц Хильдегард низко поклонился. – Желаю долгих лет и счастливого царствования!

Голос его казался глухим и каким-то деревянным, лишенным всякого выражения. Видно было, что кланяться кому бы то ни было он не привык, и это тяготит его безмерно.

– Приветствую и тебя, старший брат...

Намеренно или случайно, на этот раз поклон получился не таким глубоким.

Король обнял Хильдегарда.

– Рад видеть тебя!

И, обернувшись к мальчикам, деловито спросил:

– Это и есть твои сыновья?

– Да, государь, – почтительно ответил принц. В присутствии отца он держался очень скованно – сутулил плечи, смотрел куда-то вниз и беспрерывно потирал руки.

Людрих подошел к принцу Римерану, взял за плечо, развернул к себе.

– Э, да ты крепкий малый! – пробасил он. – А что у тебя с лицом?

В другое время малыш, пожалуй, расплакался бы от обиды... Но не сейчас! Недаром он каждый вечер требовал рассказывать ему сказку про Людриха – победителя драконов, а днем прилежно тренировался в фехтовании деревянным мечом под руководством своего наставника.

– Меня опалило дыхание дракона, как Людриха Великого! – выпалил он, сверкнув глазами, и добавил: – Я стану воином, как он, и буду наводить страх на врагов.

Людрих коротко хохотнул, потрепал ребенка по макушке.

– Что ж, по крайней мере, ты не трус!

И обернулся к младшему:

– Ну а теперь ты, красавчик, подойди поближе!

Маленький Альдерик, наряженный по случаю праздника в шелковую рубашку и черную бархатную курточку с вышивкой, и в самом деле был чудо как хорош собой. Бледное, нежное, как у девочки, лицо, белокурые кудряшки и большие, как у матери, голубые глаза, придавали ему мечтательный, даже отрешенный вид.

Король неожиданно ловко схватил его на руки, поднял высоко над головой, подкинул раз, другой... Альдерик вскрикнул от испуга и уже в следующий миг разразился отчаянным громким ревом.

Король не смог скрыть досады.

– Экий капризный! – проворчал он, опуская ребенка на пол. – Раскричался, будто девчонка... Пусть кто-нибудь заберет отсюда этого неженку! В ушах звенит.

– Госпожа *алематир*! – принц оглянулся, ища глазами Гвендилену. В голосе его явственно звучала досада, а лицо исказила недовольная гримаса. На миг показалось, что он сам вот-вот расплачется, как ребенок. – Госпожа *алематир*, исполняйте ваши обязанности!

– Да, господин!

Гвендилена торопливо подхватила мальчика, который уже захлебывался от плача. У нее на руках он мигом успокоился, только всхлипывал изредка, изо всех сил обхватив ее за шею.

Уходя, боковым зрением Гвендилена заметила, как смотрит на нее король. Этот взгляд – оценивающий, липкий, словно раздевающий ее прямо здесь, в Зале Собраний, заставил ее покраснеть и отвернуться.

«Тише, тише, успокойся, все хорошо!» – шептала она на ухо малышу и не знала, кого успокаивает на самом деле – его или себя.

Глава 4

Торжественный обед во дворце по случаю окончания *таймеривез* подходил к концу. В пиршественном зале столы ломились от яств и напитков. После седьмой перемены блюд слуги вынесли сладкое вино, горячий взвар из ягод и меда, запеченные в тесте фрукты, орехи и знаменитое разноцветное желе из девяти слоев. Видимо, повар Глан и здесь не бездельничал!

Король был пьян. Раскрасневшись от выпитого, он вольготно развалился в дубовом кресле, расстегнув камзол так, что видна стала белоснежная нижняя рубашка с кружевами, сейчас, впрочем, уже изрядно запачканная соусом и залитая вином. Сигриберт мирно дремал, поминутно кляня носом. Сегодня он праздновал еще одно событие – Бертрада, его жена, благополучно родила третьего по счету сына.

Принц Хильдегард сидел неестественно прямо и смотрел перед собой. За все время он почти не притрагивался к еде и, вопреки обыкновению, пил очень мало. Казалось, он ждал чего-то – напряженно, тревожно и жадно.

Наконец король обернулся к нему.

– Не смотри на меня так! Если бы взглядом можно было провертеть во мне дыру, вино уже выливалось бы с другой стороны. Говори прямо, что тебе нужно.

Хильдегард беспокойно заерзал на месте.

– Я хотел бы... Точнее, надеялся, что вы сочтете возможным подтвердить мои права на Терегист. Вы давно это обещали, и я думал...

Король помрачнел. Брови сошлись над переносьем, лоб прорезали морщины.

– Обещал оставить его тебе по завещанию, – отрезал он, – но я пока еще жив, если ты не заметил!

– Да-да, разумеется, – забормотал принц, опустив голову, – я желаю вам жить и здравствовать много лет, отец мой, но все же...

– Думаешь, я готов разорвать на части свою страну, лишь бы сделать тебе приятное? Когда-то империя была великой, а теперь от

нее остались только жалкие клочки!

Хильдегард попытался было возразить:

– Разумеется, вы правы, отец, но ведь тут особый случай... Когда-то Терегист был вольным городом, и я подумал...

– Забудь об этом! – рявкнул король, ударив кулаком по столу. Кружки и стаканы жалобно зазвенели, и Сигриберт, вздрогнув от неожиданности, открыл глаза и обвел пиршественный зал затуманенным взглядом. Казалось, он тщетно пытается понять, что происходит... Впрочем, уже в следующий момент он откинулся на кресло и захрапел.

Хильдегард сидел сам не свой. Видно было, что он жалеет о том, что решился заговорить с отцом... Теперь даже слуги будут знать о его позоре!

– Неужели тебе недостаточно денег на содержание замка и челяди? – спросил король, приподняв одну бровь. – Ведь теперь тебе не приходится тратить на свою жену! Ты отослал ее прочь... И привез сюда свою шлюху – ту, зеленоглазую, что нянчится теперь с твоими детьми. Думаешь, я не заметил, как ты смотришь на нее? Впрочем, я понимаю тебя, сын мой, – она недурна, совсем недурна!

Глаза Хильдегарда сверкнули гневом.

– Отец, моя жена... Она была неверна мне! Я не мог поступить иначе!

– Значит, ты просто сменил одну шлюху на другую!

Людрих громко расхохотался своей шутке так, что его объемистое брюхо заколыхалось в такт.

Наконец, отсмеявшись, он покачал головой и заговорил уже серьезно.

– Что ж, сын мой, не могу сказать, чтобы ты порадовал меня, – задумчиво произнес он, – ты хочешь быть королем, хочешь править... Я вижу это, не отрекайся! А сам не можешь управиться даже со своей семьей. Конечно, у тебя есть сыновья, но... один из твоих детей уродлив, другой – хлюпик и размазня, которому лучше было бы родиться девочкой.

– Отец, он еще мал! – принц попытался было вступить за сына.

– Кто родился овцой, не вырастет львом, – отрезал Людрих и, как будто смягчившись, добавил:

– Впрочем, к счастью, это не имеет никакого значения. Ты мог бы наплодить хоть лягушек – королями им все равно не стать.

Хильдегард побледнел, и на щеках у него выступили красные пятна.

– Благодарю за обед, отец мой и государь, – он коротко поклонился и встал с места, – разрешите мне покинуть вас? Время позднее, и, полагаю, мне пора готовиться к отъезду. *Таймери-гивез* окончен, а путь неблизкий...

– Иди, сын мой! – благодушно отозвался Людрих. – Ты прав, пора запрягать лошадей.

Стуча каблуками, Хильдегард покинул пиршественный зал. Рыцари из его свиты последовали за ним – многие, но не все. Некоторые были уже пьяны, другие, сидящие поодаль, не заметили происходящего – или сделали вид, что не заметили, отдавая должное еде и напиткам.

Гвендилена вся превратилась в слух, ловя каждое слово. Она сидела далеко, на другом конце стола, и, чтобы разобрать что-то, приходилось напряженно вслушиваться...

Девушка до крови кусала губы от досады, но вовсе не потому, что ее называли шлюхой. Случай подойти поближе к королю ей так и не представился! К тому же она успела заметить, что Людрих пил только из особого кубка – серебряного, с откидывающейся крышкой, и, ставя его на стол, никогда не забывал закрыть ее, захлопывая с характерным щелчком.

Кольцо Гилы, казалось, жгло ей палец... Только сегодня она со всем тщанием наполнила перстень ядом, но как им воспользоваться теперь? Завтра принц Хильдегард покинет замок, и тогда все пропало!

Оставался всего один шанс, последний.

Гвендилена поднялась с места и направилась к выходу легкой походкой, чуть покачивая бедрами. Она чувствовала взгляды мужчин, устремленные на нее со всех сторон, но делала вид, что не замечает их. Лишь проходя мимо короля, чуть задержалась и бросила быстрый взгляд из-под ресниц.

– С вашего позволения, государь! – Гвендилена присела в реверансе.

– Постой, красавица! – Людрих встал и неожиданно ловко и цепко схватил ее за руку. Однако выпитое дало о себе знать – он потерял

равновесие и с трудом устоял на ногах.

– Простите, ваше величество... Боюсь, вы слишком много выпили. Позвольте мне помочь вам? – спросила Гвендилена, чувствуя на себе его взгляд, – горячий, обволакивающий, вожающий.

– Я что, так похож на младенца? – усмехнулся король. – Вашу руку, прекрасная дама!

– Всегда к услугам вашего величества, – кротко ответила Гвендилена.

Глава 5

В спальне короля было душно и жарко. Ароматические свечи, горящие на столике у кровати, наполняли комнату вкрадчиво-сладким запахом. Он щекотал ноздри, кружил голову...

Откинувшись на сбившиеся шелковые простыни, король наблюдал, как Гвендилена, сидя на ложе, поправляет растрепавшиеся волосы. Кроме бархотки на шее с агатовым медальоном, на ней не было больше ничего. Только кольцо Гилы по-прежнему поблескивало на пальце.

– А ты хороша, плутовка! – вымолвил он. – Более чем хороша. С тобой я снова почувствовал себя молодым, а это... Это дорогого стоит. Пожалуй, я мог бы оставить тебя при себе, если бы ты хорошенько попросила!

При одной мысли об этом Гвендилену передернуло. Больше всего ей хотелось сейчас опуститься в лохань с горячей водой и долго-долго отмываться. Тяжесть чужого тела, потного и волосатого, винный перегар и запах несвежего рта – все это было отвратительно. Пожалуй, в каком-то смысле король мало чем отличался от покойного отчима! Она чувствовала себя измученной и совершенно разбитой, но изо всех сил старалась не показать виду.

– Благодарю за оказанную честь, ваше величество! – вымолвила Гвендилена. – Это очень лестно для меня, но...

– Что? – король вскинул бровь, и в голосе его зазвучали угрожающие нотки. Уж кто-кто, а он не привык, чтобы ему возражали!

– Я чужая здесь, в столице! Бедной девушке из дальней провинции непросто будет привыкнуть к жизни во дворце. К тому же... – она замаялась.

– Говори, говори! – король был явно заинтригован.

– Мальчики привыкли ко мне. И я люблю их – больше, чем если бы они были моими сыновьями. Они потеряли мать, и теперь я не могу оставить их. Я поклялась ей, когда... Ну вы понимаете. И не смогу нарушить клятву, иначе кара небес падет на мою голову!

Гвендилена смахнула слезу, очень кстати скатившуюся по щеке, потом улыбнулась и нежно провела кончиками пальцев по седой

шевелюре Людриха.

– Я никогда не забуду эту ночь! И теперь... – она заговорщически понизила голос и лукаво прищурилась, – теперь, глядя на ваших внуков, я буду вспоминать вас!

Король смотрел на нее с нескрываемым удивлением.

– Поистине, ты редкая птичка, – протянул он, – что ж, будь твою! А теперь – иди сюда.

Он хотел было привлечь ее к себе, но Гвендилена легко отстранилась.

– Простите, ваше величество, но... не сейчас.

– В чем дело?

Девушка смущенно потупилась.

– Я хочу пить, – призналась она, – страсть короля горячей лесного пожара. Прикажите подать вина, прошу вас!

– Что ж, ты, пожалуй, права, крошка! – задумчиво согласился король, почесывая волосатую грудь. – Меня тоже мучит жажда. Эй, вы там! – рявкнул он и хлопнул в ладоши. – Вина сюда! Самого лучшего, из Херионских виноградников.

Бархатная портьера чуть колыхнулась, и из-за нее, неслышно ступая, вышел слуга с кувшином и двумя небольшими чашами на подносе. Казалось, он все время был там, ожидая зова... Гвендилена ойкнула и попыталась было прикрыться простыней, но он даже не взглянул в ее сторону, словно девушки здесь вовсе не было, только налил вино, поклонился королю и так же бесшумно удалился.

Людрих поднял свою чашу.

– Ну что же, давай выпьем за эту ночь! – провозгласил он и, чуть помедлив, добавил: – Иногда боги бывают милостивы к людям... Возблагодарим же их!

Мнение о том, какова может быть милость богов, у Гвендилены было совершенно иное, но сейчас, глотая густое, сладкое и ароматное вино – действительно превосходное! – она думала о другом. Девушка тщетно пыталась сообразить, как отвлечь короля, чтобы он отвернулся хоть ненадолго. От страха и нервного возбуждения она дрожала так, что зубы стучали по краю чаши.

Людрих не преминул заметить это.

– Что с тобой? Тебе холодно? – спросил он.

– Н-нет... – Гвендилена принужденно улыбнулась, – просто я испугалась. Ваше величество, мне кажется, там кто-то есть!

– Где?

– Там, за портьерой... Тот слуга! Он здесь, он наблюдает за нами...

Король снисходительно усмехнулся и потрепал ее по голове, словно маленькую девочку.

– Вот глупышка! Каждый, кто посмеет подсматривать за королем, останется без глаз. Там никого нет, успокойся. Сейчас я тебе покажу!

Он поднялся с ложа – огромный, голый, волосатый, похожий в этот миг даже не на человека, а на зверя. Почему-то Гвендилена вспомнила вдруг старого матерого кабана, которого отец добыл однажды на охоте. Клыки были все в крови, глаза остекленели, но, даже мертвый, он все равно казался могучим, опасным и свирепым...

– Вот, смотри!

Король откинул занавесь. Он отвернулся лишь на миг, но и этого оказалось достаточно, чтобы Гвендилена, протянув руку над его чашей, нажала на пружину в кольце и высыпала в вино припасенный яд. Вот когдагодились ловкость пальцев, хладнокровие и точность движений! Ги́ла была совершенно права, заставляя ее учиться обращаться с кольцом, прежде чем пустить его в ход, – впрочем, как и всегда.

– Видишь? Здесь никого нет! И ничего.

Под портьерой в самом деле оказалась только гладкая стена. Ни намек на дверной проем или что-то похожее... «Наверное, там есть тайный ход! – догадалась Гвендилена. – Королю всегда есть что прятать!»

– Но... Как такое может быть? – вымолвила она, изумленно хлопая ресницами. Ее удивление было немного наигранным, но, к счастью, король этого не заметил.

– Если надо, мои слуги умеют возникать ниоткуда! – он расхохотался, довольный произведенным эффектом, и добавил уже серьезно: – Но только когда я им прикажу. Там потайная дверь, но тсс... Это тайна!

Он вернулся на ложе.

– Теперь ты успокоилась? – спросил он Гвендилену, положив ей руку на плечо.

– О да... Рядом с вами я ничего не боюсь! – она прижалась к его груди.

– Тогда давай, наконец, выпьем! Грех оставлять такое вино.

Одним глотком король осушил чашу до дна. Гвендилена наблюдала за ним, затаив дыхание... Что, если он почувствует отраву или просто заподозрит неладное? Ги́ла говорила, что яд не имеет ни вкуса, ни запаха, но что, если она ошиблась?

Но ничего не случилось.

– Оно сладкое, – с улыбкой вымолвил король, – но твои губы куда слаще!

Он откинулся на подушки и уже в следующий миг оглушительно захрапел. Гвендилена подождала немного на всякий случай, потом осторожно встала, подобрала с пола свое платье, поспешно оделась и вышла прочь.

Стражник у дверей не остановил ее, напротив – демонстративно отвернулся, словно вдруг увидел что-то очень интересное на потолочной балке. Словно ниоткуда рядом вдруг появился слуга – тот самый, что приносил вино королю. «Значит, он и в самом деле был рядом все время! – запоздало подумала Гвендилена, и сердце ее заколотилось от страха. – Что, если он видел, как я подбросила яд?»

– Сударыня, позвольте проводить вас в ваши покои, – бесстрастно вымолвил он.

– Да, благодарю вас... – прошептала девушка.

Только сейчас она сообразила, что не имеет представления, где находится, и, пожалуй, могла бы заблудиться в бесконечных дворцовых коридорах!

«Пожалуй, Людриха можно похвалить за предусмотрительность и рыцарскую заботу о своих пассиях, – думала Гвендилена, шагая рядом со своим провожатым, – эту ночь он запомнит. Что ж, пусть наслаждается... Напоследок».

Глава 6

Обратный путь оказался тяжелым и долгим. Погода испортилась, начались сильные снегопады и метели, так что продвигаться приходилось очень медленно. Лошади вязли в снегу, кареты и повозки, как нарочно, ломались... Особенно сильный буран пришлось пережить в имении барона Эрлиха – выжившего из ума старика чуть ли не ста лет от роду.

Барон был помешан на древности своего рода и с утра до ночи изводил слуг историями о деяниях славных предков. Нежданным гостям он обрадовался, надеясь найти в них благодарных слушателей, но вот беда – под старость лет барон стал очень набожен и даже перестал есть мясо, дабы не причинять вреда живым существам. Давясь сухой ячневой кашей и слушая неумолчную старческую болтовню, Гвендилена с тоской глядела за окно. Она просто не чаяла дожидаться, когда закончится снегопад и можно будет двинуться в путь!

Но дальше все пошло еще хуже. Как-то на стоянке мальчишки разыгрались, бегая по сугробам... Гвендилена никак не могла дозваться их, даже голос сорвала. Она сама пошла ловить сорванцов и не заметила, как промочила ноги и жестоко простудилась. Уже на следующее утро она была совсем больна – ее бросало то в жар, то в холод, все тело сотрясал противный раздражающий кашель, и голова просто раскалывалась от боли... Снадобья Гилы, тщательно хранимые в шкатулке, почему-то помогали плохо. «Наверное, дело не в травах. Ги́ла умела делать их целебными, а я – нет», – с тоской думала Гвендилена. Каждый день ей становилось все хуже. Девушка не могла даже подняться на ноги без посторонней помощи, и заботу о детях пришлось поручить слугам.

Но еще тяжелее для нее было другое... Хильдегард болезненно и остро переживал унижение, перенесенное от отца во время обеда после *таймери-гивез*, а его приближенные, ставшие невольными свидетелями, боялись сказать лишнее слово, чтобы не рассердить его. Конюшего Аварда он избил до крови за неосторожно оброненную шутку про жадного отца и настырного сына, а сенешаля Претария,

который слишком громко смеялся, пообещал сослать на каторгу сразу же по прибытии – но, впрочем, скоро передумал.

С сыновьями он обращался холодно и за все время в пути не приласкал их ни разу. Гвендилену же попросту не замечал! Даже не прислал справиться о ее самочувствии. Она догадывалась о том, что нашлись доброхоты, поспешившие донести ему о той ночи, что она провела в спальне короля, и опасалась, что после случившегося принц может и вовсе прогнать ее прочь. Даже не из ревности, нет – из одного лишь уязвленного самолюбия.

С каждым днем Гвендилена слабела. Она почти не могла есть, с трудом поднималась... Заметив пятна крови на платке, которым утирала рот, девушка не на шутку испугалась. С матерью ведь было то же перед смертью!

Когда первый приступ паники прошел, Гвендилена постаралась успокоиться. Стиснув зубы, она гнала прочь дурные мысли, снова и снова твердя себе: «Все еще может измениться! Все может измениться, надо только дотерпеть и выдержать...»

От этого становилось легче. Пусть ненамного, но все же.

* * *

До замка Кастель-Мар принц и его спутники добрались поздней ночью, усталые, измученные и в скверном настроении. Замок встретил их неприветливо – огни давно погашены, подняты мосты, и на миг показалось, что он вовсе обезлюдел, как заколдованная башня Ретцель из старой сказки, все обитатели которой внезапно исчезли из-за проклятия, произнесенного ведьмой.

Пришлось еще ждать, когда откроют ворота. Сонные стражники не сразу сообразили, кто перед ними, а когда поняли, что господин вернулся домой, мигом подняли на ноги всех в замке, словно стараясь своим рвением загладить допущенную оплошность. Захлопали двери, в окнах затеплились огни, и слуги сбивались с ног, чтобы достойно встретить принца и его свиту.

Гвендилена совсем ослабла. Она и подумать не могла, что просто подняться по лестнице будет так тяжело! К счастью, отдых и тепло способны сотворить чудеса. Гвендилена даже смогла поесть немного,

и совсем скоро она почувствовала себя гораздо лучше. Горячая вода, огонь в камине, теплая постель – все радовало ее после утомительного путешествия... Но главное – она наконец-то была *дома*.

Девушка свернулась клубочком под одеялом, но стоило лишь закрыть глаза, в дверь тихо постучали. Гвендилена вскочила и, как была, в одной сорочке, метнулась открывать. Она надеялась, что это Яспер пришел за ней, как в былые дни, что он просто забыл про условный стук или что-то перепутал...

Но радость ее тут же погасла – на пороге стояла Гила. Видеть ее сейчас совсем не хотелось.

– А... Ты пришла? Что тебе нужно?

– Я слышала, ты больна, – ответила целительница. Она прикоснулась ко лбу девушки, заглянула ей в глаза, зачем-то подержала за руку... И мрачно закончила: – А теперь и сама вижу, что это правда. Ложись в постель, не стой босиком на полу!

Гвендилена повиновалась. Спорить с Гилой у нее никогда не хватало духу... Тем более сейчас, когда она была так слаба. Пока целительница хлопотала вокруг нее – растирала ноги, мазала грудь и спину какой-то вонючей мазью, поила горьким отваром – она лежала, безучастная ко всему, как деревянная кукла.

Закончив, Гила села рядом.

– Думаю, нам надо поговорить, – строго сказала она, – не бойся, это ненадолго... Потом ты заснешь, а завтра тебе станет лучше.

– Поговорить? О чем? Я выполнила то, что ты хотела, – устало вымолвила девушка.

– Я знаю, – очень серьезно ответила целительница, – и знаю, какой ценой.

– Да что ты можешь знать! – не выдержала Гвендилена, с трудом приподнявшись на ложе, – Хильдегард... Он больше меня не любит! – выпалила она, давась слезами.

Она разрыдалась, отчаянно и безутешно, словно выплескивая наружу все напряжение, страх, усталость, что накопились за последнее время.

– О, не тревожься! – утешила ее Гила. – Не пройдет и трех дней, как твой принц позовет тебя снова. Сейчас он пьет и задирает юбки служанкам, стараясь позабыть свой позор, но пыла его хватит ненадолго, поверь.

– Правда? – Гвендилена искоса, недоверчиво посмотрела на нее, утирая слезы.

– Конечно, – улыбнулась Гила, – разве я обманывала тебя когда-нибудь?

– Нет, – честно ответила девушка.

Она вдруг вспомнила про кольцо и торопливо стянула его с пальца.

– Вот, можешь забрать! Это твое.

Гила поджала губы, и лицо ее вдруг стало строгим, непроницаемым.

– Оставь себе, – сухо вымолвила она, – может, пригодится... Или просто на память.

– Думаешь, я хочу помнить? – фыркнула Гвендилена, но Гила осталась такой же непроницаемо-спокойной.

– Хочешь ты или нет, помнить приходится обо всем... Когда-нибудь ты сама поймешь это.

Из своей бездонной сумки Гила достала что-то маленькое, круглое, похожее на лесной орех. От него исходил странный запах – острый и пряный, резкий, но в то же время неизъяснимо притягательный.

– Я принесла тебе еще кое-что! Вот, возьми. Положи под язык, когда станешь отходить ко сну.

– Что это? – Гвендилена посмотрела на нее с подозрением.

– Не бойся, я не собираюсь тебя травить! – усмехнулась целительница. – Честно говоря, если бы я и вправду хотела твоей смерти, разумнее было бы просто подождать немного. Сделай, как я сказала, – и ты не пожалеешь об этом. Спи, завтра будет новый день!

Оставшись в одиночестве, Гвендилена долго разглядывала маленький, темный и странно-тяжелый шарик. Он был теплым, словно пирожок, который только что достали из печи, и на миг ей показалось, что там, внутри, находится что-то живое!

Она долго колебалась, но в конце концов решилась. Гила ведь и вправду никогда не обманывала ее! Девушка почувствовала невероятно сладкий и нежный вкус, потом все тело стало легким, и ей показалось, что она может летать, словно бабочка или птица. Она парила над землей, и ощущение невероятного счастья пронизывало все

ее существо. Это было так непередаваемо, почти волшебно, что Гвендилена одновременно смеялась и плакала от радости.

Она не знала, как долго это продолжалось. Казалось – дольше, чем вся ее жизнь... И если бы для того, чтобы продлить блаженство, понадобилось умереть, Гвендилена бы охотно согласилась.

Глава 7

Наутро Гвендилена проснулась бодрой, здоровой и в прекрасном настроении. Правда, служанки, явившиеся на звон колокольчика, поведали, что она проспала целых три дня без просыпу, так что они даже начали беспокоиться, но Гила велела не тревожить ее.

Сытно позавтракав (голод она чувствовала просто зверский!), Гвендилена приказала подать ей платье и отправилась в покои маленьких принцев. Стоило ей войти в детскую, мальчики с радостным визгом бросились к ней и повисли на шее, едва не сбив с ног.

– Хватит, хватит, вы меня на куски разорвете! – пыталась она урезонить подопечных, но где уж там! Маленькие принцы наперебой пытались рассказать обо всем, что произошло в их жизни, пока Гвендилены не было рядом. Она гладила их по головам, целовала, приговаривала что-то ласковое, чувствуя, как неожиданные слезы подступают к глазам.

– Ну все, довольно, я с вами, я вас не оставлю, – тихо повторяла она, поглаживая детские головки, доверчиво и нежно прильнувшие к ней, – больше никогда не оставлю...

* * *

Жизнь вернулась в привычную колею, и это было хорошо. Гвендилена снова приступила к своим обязанностям госпожи *алематир*, к немалому облегчению для служанок и нянек, которых сорванцы совсем уже замучили своими шалостями и капризами. Словно по волшебству, мальчишки стали такими послушными и вежливыми, что все только диву давались.

Уже на следующую ночь принц прислал за Гвендиленой Яспера. В первый момент она испугалась так, что сердце готово было выскочить из груди, но Хильдегард вел себя как ни в чем не бывало, словно и не было вовсе той поездки на *таймери-гивез*! В их объятиях снова были и нежность, и страсть, бывало, что засыпали они только к рассвету,

утомленные и счастливые. Гила оказалась совершенно права – впрочем, как и всегда.

А совсем скоро Гвендилена стала чувствовать себя как-то странно – груди набухли, все время хотелось спать, тошнило по утрам... Она решила, что снова беременна, и Гила подтвердила ее подозрения.

– Да, девочка, ты права... И что-то подсказывает мне, что на этот раз настойку *арим-вед* лучше оставить на полке!

Гвендилена покосилась на знакомую склянку с бледно-зеленой жидкостью. Она знала, что в просторечии эту настойку, изгоняющую плод, называют «слезами шлюхи», и рада была, что Гила не произнесла этого вслух. На миг она снова ощутила горечь на языке и горечь в душе от убийства нерожденного ребенка... Но лишь на миг.

«На этот раз все должно быть по-другому!» – думала девушка, спускаясь по крутой и узкой винтовой лестнице – осторожно и медленно, остерегаясь поскользнуться или оступиться. Ей казалось, что она уже чувствует биение маленького сердечка, и от этого ее собственное сердце наполнялось радостью и надеждой.

* * *

Вечером в спальне принца, сидя обнаженная на ложе перед горящим камином, Гвендилена задумчиво смотрела на огонь, раздумывая, как сообщить принцу о своей беременности. Конечно, в последнее время Хильдегард благоволил ей, но кто знает, как он отнесется к такой новости? «Надо выбрать подходящий момент и сказать об этом как бы невзначай, – решила она, – так, чтобы поначалу он принял за шутку! Потом разжигать его любопытство, не говоря ни да, ни нет, а потом...»

Додумать она не успела. Хильдегард ловко схватил ее, бросил на ложе и навалился сверху. От неожиданности Гвендилена вскрикнула:

– Осторожнее!

Принц чуть отстранился.

– С каких пор ты стала такой неженкой, любовь моя? – спросил он, чуть сдвинув брови над переносьем. Как всегда, Хильдегард не любил, когда ему противоречат хоть в чем-то!

Но Гвендилена уже успела взять себя в руки.

– Будь осторожен, дорогой, – кротко вымолвила она, – теперь я уже не одна...

– Не одна? – удивился принц. – О чем ты говоришь?

– Ну такое бывает с женщинами, после того как они разделяют ложе с мужчиной, – улыбнулась Гвендилена, – пока еще незаметно, но скоро...

– Так ты беременна? – быстро переспросил Хильдегард. – Это точно?

Гвендилена лишь кивнула. От волнения ком встал в горле, и она не могла вымолвить ни слова... А принц вдруг просиял такой счастливой, почти мальчишеской улыбкой, что девушка невольно улыбнулась в ответ.

– Иди ко мне, милая...

Он обнял Гвендилену и принялся ласкать, покрывая поцелуями ее шею, плечи, грудь... На этот раз его прикосновения были осторожными и бережными, словно она была драгоценным и хрупким предметом. Наконец, уткнувшись в ее живот – пока еще совершенно гладкий и плоский, – он еле слышно прошептал:

– Знаешь, я рад. Очень рад...

Глава 8

Снова наступила весна и незаметно перешла в лето. В тот год оно выдалось нежарким, дождливым и ветреным, но Гвендилена была только рада – переносить жару ей было тяжело.

Каждый день она чувствовала, как маленькое существо внутри ее растет, становится крепче и все увереннее заявляет о себе! Когда ребенок начал толкаться, она с удивлением и радостью прислушивалась к своим ощущениям и, положив руку на живот, пыталась понять – что он делает? Чего хочет сейчас? Доволен и резвится или, наоборот, сердится? Сотни раз Гвендилена снова и снова пыталась представить себе лицо своего будущего сына – она очень надеялась, что родится мальчик! – но почему-то это у нее не получалось. Ребенок виделся ей каким-то смутным силуэтом... И каждый раз сердце замирало нежно и сладко, и Гвендилена улыбалась той прекрасной, мечтательной, *ожидающей* улыбкой, что так красит любую беременную женщину.

Единственное, что угнетало ее, это неопределенность дальнейшей судьбы – и своей, и будущего ребенка. Принц Хильдегард был заботлив и нежен, но каждый раз уклонялся от прямых вопросов, когда Гвендилена заводила разговор об этом.

– Пусть сначала родится, любовь моя! – отвечал он со своей всегдашней беззаботной улыбкой. – Не стоит забегать вперед...

Впрочем, когда беременность стала заметной, он официально объявил Гвендилену *матриамаль* — своей официальной фавориткой и наложницей, подарив ей золотое ожерелье в знак ее нового положения. Поначалу это обрадовало ее... Впрочем, ненадолго. На людях девушка старалась выглядеть счастливой, и только с Гилой она решилась поделиться своей тревогой.

– Мне страшно... Я не знаю, что с нами будет дальше!

Гида лишь пожала плечами.

– Никто не знает! Потому что мы всего лишь люди, а не боги... Если только они и в самом деле существуют, – мрачно добавила она, – а ты и так получила все, что хотела, девочка! Ну или почти все.

Но Гвендилена все не могла успокоиться.

– Мой ребенок все равно родится бастардом!

Однако добиться сочувствия от Гилы было непросто.

– Лучше быть бастардом принца, чем законным отпрыском дровосека! – отрезала она. – Послушай моего совета – радуйся тому, что имеешь, и не проси большего, чтобы не потерять и это.

У Гвендилены слезы навернулись на глаза. Заметив это, Гила смягчилась:

– Никогда нельзя знать заранее, чем все кончится! Наш принц и сам рожден бастардом, но ведь Людрих все-таки женился на его матери, не так ли? А Хильдегард весь в отца, этого не отнять... Так что не стоит печалиться раньше времени и тем более огорчать свое дитя. Дай ему побыть в мире и спокойствии хотя бы до тех пор, пока не придет время родиться!

«Все еще может измениться!» – прошелестел тихий голос в голове, и Гвендилена отерла слезы. Конечно, как она могла забыть об этом хоть на мгновение?

– Да, ты права, Гила, – вымолвила она, – благодарю тебя!

* * *

Листья в саду уже начали желтеть, и трава стала сохнуть в близком преддверии осени, когда из Орны прискакал королевский гонец. Конь его был усталым, одежда в пыли, и по лицу было заметно, что вряд ли этот человек привез добрые вести...

Вручив принцу запечатанный свиток, гонец отправился на конюшню. Он собственноручно расседлал и вычистил свою лошадь, приговаривая что-то на непонятном языке, напоил и задал овса и лишь потом позаботился о себе – потребовал вина, хлеба и жареного мяса, упал на тюфяк в отведенной ему комнате и почти сутки проспал мертвым сном. На следующий день он уехал, так и не сказав никому ни слова.

А к вечеру уже все в замке знали, что король Людрих тяжело болен – давно, еще с начала весны, а теперь настолько плох, что, предвидя скорую кончину, желает отдать последние распоряжения и требует сына к себе.

В замке началась бешеная суeta. Готовиться к отъезду пришлось в спешке, и слуги просто сбивались с ног. Хильдегард старался придать себе подобающий вид – озабоченный и печальный... но, впрочем, тщетно. Лицо его отражало смесь надежды и тревоги. Видно было, что принц не слишком расстроен близкой кончиной родителя, но опасается быть обделенным при разделе наследства.

– Я должен ехать немедленно, – сказал он Гвендилене ночью, лежа рядом с ней, – ведь это мой отец!

– О да, разумеется, я все понимаю... – кротко вымолвила она, стараясь отогнать воспоминания о смятых простынях на ложе в спальне короля, чаше сладкого вина из Херионских виноградников и кольцо с ядом. – Увы, все люди смертны, и бывает, что нам остается лишь молиться богам!

Впрочем, о чем молиться, Гвендилена предпочла не уточнять и вслух сказала совсем другое:

– Береги себя в дороге, любимый! Жаль, если наше дитя появится на свет в твое отсутствие... а если случится так, что я не переживу родов, знай, что я любила тебя до последнего вздоха и буду любить всегда.

На миг Гвендилена представила себя распростертой на окровавленном ложе, бледной, обессиленной и неподвижной. Голос ее дрогнул, и по щеке скатилась слеза, потом другая... Себя было так жаль, что на миг она действительно поверила, что непременно умрет!

Принц крепче прижал ее к себе, словно опасаясь потерять прямо сейчас.

– Не говори так! Гони прочь дурные мысли – ты молодая, сильная, у тебя лучшая целительница, с чего тебе умирать? – он старался говорить весело и беззаботно, как всегда, но Гвендилена чувствовала, как сердце его забилось чаще, на миг дрогнула рука и в голосе послышалась тревога.

– Да, да, конечно, – она улыбнулась, не отирая слезинок, повисших на ресницах, – ты прав, любовь моя... Но если со мной все-таки что-то случится, молю тебя об одном – позаботься о нашем ребенке... И вспоминай меня иногда.

– Перестань, я приказываю тебе! Как твой господин, – он поцеловал ее в шею, – как твой любовник, – его губы коснулись щеки, – и как отец твоего ребенка! – он поцеловал ее в губы долгим,

нежным поцелуем так, что Гвендилена на миг позабыла обо всем на свете, даже о ребенке, что подозрительно притих в животе, словно понимая, что сейчас не стоит мешать.

— Роди сына — и я женюсь на тебе, — шепнул он ей на ухо.

Глава 9

На следующее утро на рассвете принц со свитой покинул замок. Стоя у окна, Гвендилена видела, как кавалькада всадников выехала за ворота. Падали листья с деревьев, на ветру развевалось желто-красное знамя принца, изображающее льва на фоне восходящего солнца, и издалека оно тоже казалось огромным осенним листом... Гвендилена смотрела долго, пока всадники не скрылись из виду. И казалось, там, за холмами, вместе с ними скрылась ее душа.

Дни ожидания тянулись бесконечно – скучные, серые, похожие один на другой. Казалось, время остановило свой бег! Снова зарядили дожди и туманы, и от этого на душе становилось совсем тоскливо. Гвендилена жила словно по привычке – ела, спала, занималась детьми, но иногда казалось, что все вокруг видится ей через мутное стекло, а сама она находится где-то далеко...

Она отяжелела, двигаться ей стало трудно, и по утрам не хотелось подниматься с постели. Впрочем, такое она позволяла себе нечасто – мальчики начинали капризничать и шалить, бесконечно донимая служанок вопросом: «Когда придет наша Гвендилена?»

Однажды принц Римеран подошел к ней, долго собирался с духом и наконец решился.

– У тебя скоро будет ребенок? – очень серьезно спросил он.

– Да... – Гвендилена почему-то смутилась. Хотя для всех в замке ее положение давно было очевидно, но как объяснить это своим подопечным, она почему-то не придумала, надеясь, что они еще слишком малы, чтобы разобраться в происходящем.

А Римеран все не унимался:

– И он будет моим братом?

Гвендилена лишь кивнула.

– Он сын твоего отца, – вымолвила она.

Мальчик улыбнулся. Гвендилена уже привыкла к уродливым шрамам, покрывающим его лицо – настолько, что почти перестала замечать их! – но сейчас сердце больно сжалось от нахлынувшего чувства стыда и вины перед ним.

Рука ребенка потянулась к ее выпирающему животу. Гвендилена хотела было отстраниться, инстинктивно пытаясь защитить свое дитя, но маленький принц лишь погладил ее – нежно, словно любимую кошку.

– Он будет моим братом, – твердо повторил мальчик, – и я всегда буду защищать его!

Глава 10

В одну из ненастных и ветреных осенних ночей, когда дождь стучал в окно, на море разыгрался настоящий шторм и волны с ревом накатывали на камни, словно вгрызаясь в берег, Гвендилена уже собиралась лечь спать, но вдруг послышался тихий стук в дверь.

Посетовав про себя, что уже отпустила служанок на ночь, она тяжело поднялась и направилась к двери... А открыв, невольно отпрянула. Перед ней стояла та самая девочка-замарашка, которая передала просьбу Гилы прийти перед той поездкой на *таймери-гивез*! На этот раз Гвендилена поняла ее без слов.

– Прямо сейчас? – только и спросила она.

Девочка кивнула и, видимо, сочтя поручение исполненным, убежала, так и не сказав ни слова.

Со вздохом Гвендилена накинула плащ, сунула распухшие, отекающие ноги в удобные разношенные башмаки... Очень хотелось забраться под одеяло, но не идти было никак нельзя, это она поняла сразу.

Обиталище Гилы волшебным образом преобразилось – повсюду горели свечи и ароматические палочки, полки, заставленные склянками и коробками, были завешены легкой полупрозрачной кисеей, а на столе, застеленном на этот раз кружевной скатертью, красовались кувшин с вином, два бокала и маленькая вазочка с печеньем и сушеными фруктами.

Ги́ла поднялась ей навстречу. Она выглядела странно и непривычно – вместо скромного серого платья на ней было длинное одеяние, вышитое цветами и звездами, волосы, обычно убранные под головную повязку, свободно падали почти до пояса... Только сейчас Гвендилена увидела, какие они длинные – и совершенно седые. В теплом свете свечей казалось, что они струятся и текут подобно расплавленному серебру. На пальцах Гилы сверкали кольца, на запястьях звенели браслеты, а над лбом на тонком золотом обруче сверкал маленький, но яркий камень, переливающийся всеми цветами радуги. Бледные щеки целительницы окрасил легкий румянец, и на губах играла счастливая улыбка, как у юной невесты в день свадьбы.

От прежней Гилы – сухой, жесткой и суровой – в этой женщине не осталось почти ничего.

– Входи, девочка! – сказала она с улыбкой. – Не удивляйся... Сегодня у меня особенный день, и я хочу отпраздновать его с тобой.

– Что случилось? – осторожно спросила Гвендилена, опускаясь на стул.

Гила чуть помедлила.

– Король Людрих умер, – торжественно произнесла она, – выпьем же за это!

Гила налила в бокалы густое темно-красное вино и медленно выпила. Гвендилена взяла свой бокал с некоторой опаской, но отказаться не посмела. Вино оказалось действительно превосходным – сладкое и терпкое, оно пахло солнцем, немного – медом и какими-то травами. Оно было даже лучше, чем то, другое, из Херионских виноградников...

Целительница поставила на стол свой бокал и тут же наполнила его снова.

– Король умер. Все кончено! – повторила она, словно сама еще была не в силах поверить в это.

– Откуда ты знаешь? – спросила Гвендилена.

Гила посмотрела на нее снисходительно и чуть насмешливо.

– У почтовых голубей быстрые крылья! Думаешь, у меня мало должников в этом проклятом замке? Маленький сын сенешаля Претария едва не задохнулся от крупа прошлой зимой... Лекарь Фаргус – старый дурак, а мне удалось спасти малыша, так разве мог любящий отец отказать мне в небольшом одолжении?

Целительница легко, почти нежно погладила Гвендилену по руке.

– Ты умница, девочка, – проникновенно сказала она, – все сделала как надо. Я всегда верила в тебя! Я знала... Да, впрочем, не важно. Хочешь узнать, как это было? Я расскажу тебе!

Больше всего на свете Гвендилена сейчас хотела бы сбежать прочь из этой комнаты, от этой женщины, одержимой своей мстью и страшной в своем торжестве, но какая-то сила будто пригвоздила ее к месту. «Сиди и слушай, – шепнул ей на ухо знакомый тихий голос, – так надо, поверь...»

А Гила все пила, опрокидывая бокал за бокалом, и говорила – медленно, чуть прикрыв глаза, будто в полусне:

– Король заболел вскоре после того, как ты уехала из Орны. Поначалу не придавал значения, но с каждым днем ему становилось все хуже. Он стал толстым и обрюзгшим... Выглядел так, будто его обрюхатили!

Ги́ла хихикнула, словно девчонка, и от этого у Гвендилены мурашки побежали по спине.

– Ноги его опухли так, что он не мог ходить, – продолжала Ги́ла, – потом в его внутренностях стали образовываться нарывы и язвы... Лекари не могли ему помочь, и никакие снадобья, облегчающие боль, не действовали. Человек более слабого телосложения давно бы умер, не выдержав таких страданий, но, слава всем богам, Людрих был силен и крепок и потому гнил заживо почти полгода. Он корчился, крича от боли, среди гноя и собственного дерьма, так что слуги могли подойти к нему только зажав нос и задержав дыхание. Не знаю, вспоминал ли он про остров Зорвал, про моих братьев и сестер, про моих детей и других, убитых там... Надеюсь, что вспоминал, но даже если нет, я готова смириться с этим. У него было достаточно времени, чтобы подумать о своей жизни!

Ги́ла тряхнула головой, и в этот миг Гвендилена невольно залюбовалась ею. «А ведь когда-то она была дивно хороша собой, просто прекрасна! – некстати подумала она. – И сейчас могла бы быть такой... Если бы не Людрих. Так что поделом ему, старому греховоднику!»

– В конце концов король упал с кровати и уже не смог подняться. Так и умер голый, на холодном каменном полу, в одиночестве, покинутый всеми.

Гвендилена почувствовала, как у нее закружилась голова. На миг ей показалось, что она снова там, в спальне Людриха, рядом с ним, видит его искаженное болью лицо, слышит его крик, похожий на рев раненого зверя, чувствует исходящее от него зловоние и даже ощущает, какая бездна отчаяния окружала его перед смертью. На миг ей даже стало жаль его... Не то чтобы очень, но слегка.

А Ги́ла продолжала – сурово и неумолимо:

– Но и этого мало! Когда его хоронили, тело так распухло, что не поместилось в гроб, так что пришлось спешно делать новый. Несмотря на то что гроб наполнили благовониями, запах был столь сильным, что все прохожие отворачивались и зажимали носы.

Она снова наполнила свой бокал. Глаза ее сияли тихим торжеством, и на губах играла улыбка – легкая, блаженная... И почти безумная.

– В храме, что Людрих построил в честь рождения сына, горели свечи, было жарко... Вельможам, священникам и приближенным короля, вынужденным присутствовать на похоронах, пришлось нелегко! Некоторые даже падали в обморок, будто изнеженные девицы. От жары тело короля распухало все больше и больше, а к концу зауспокойной молитвы лопнуло, забрызгав всех гноем и нечистотами. Все, кто присутствовал там, разбежались прочь, не помня себя, троих затоптали насмерть из-за давки в дверях. Теперь оскверненный храм придется освящать заново, а по городу ходят слухи, что король был проклят богами за нечестивый образ жизни. В народе он даже получил прозвище Людриха Зловонного! Некоторым шутникам за эти слова уже отрезали языки, но слово – не птица, и сеть его поймать не так-то просто.

Ги́ла замолчала. Некоторое время она сидела неподвижно, глядя в одну точку, будто в оцепенении... Гвендилена не смела вымолвить ни слова. Наконец целительница заговорила снова – тихо и медленно:

– Что ж, ты исполнила что обещала. Наши счета окончены, я довольна. Прощай, и постарайся быть счастливой... Если сможешь, конечно.

Она встала, подошла к Гвендилене совсем близко и, склонившись над ней, поцеловала в лоб. Прикосновение тонких сухих губ было холодным, но в то же время и какая-то нежность была в нем...

– А теперь иди, – сказала Ги́ла, и в голосе слышались привычные властные нотки, – время позднее, я хочу побыть одна.

Гвендилена поднялась со стула, радуясь, что разговор наконец закончен и можно пойти спать. Тяжелым, переваливающимся шагом она направилась к двери, но вдруг спохватилась на полпути.

– Послушай, Ги́ла! А что ты собираешься делать теперь? – спросила она.

– А ты еще не поняла? – целительница посмотрела на нее, как на неразумную. – Мои земные дела закончены, долги уплачены, и я отправляюсь под вечную сень Айама.

Она помолчала недолго и мечтательно добавила:

– Там меня ждут... Ждут все, кого я любила когда-то.

– Нет! – крикнула Гвендилена. От мысли о том, что теперь придется искать другую повитуху – и это за несколько дней до родов! – она готова была расплакаться. – Не уходи. Не оставляй меня одну!

– Моя госпожа приказывает мне? – спросила целительница. Она говорила спокойно и ровно, но губы кривила нехорошая усмешка. – Может быть, она прикажет наказать свою рабыню или запереть ее в чулане?

Но Гвендилена уже взяла себя в руки.

– Не приказываю – прошу, – тихо вымолвила она, – останься со мной, пожалуйста, ты нужна мне!

– Правда? – Гила как будто растерялась. – Ты и в самом деле хочешь этого?

– Да!

Лицо Гилы дрогнуло. Казалось, треснула каменная маска, и под ней показалось живое человеческое лицо – всего лишь на миг, но все же.

– Хорошо. Если ты просишь, я буду рядом с тобой... По крайней мере, какое-то время.

И, взглянув на ее огромный живот, со вздохом добавила:

– Пойдем, я провожу тебя, чтобы ты не споткнулась на лестнице! Только накинута что-нибудь. Этот замок не видел меня такой и больше уже не увидит.

Глава 11

Гвендилена считала дни до возвращения принца Хильдегарда. Ей очень хотелось, чтобы он был рядом, когда ребенку придет время появиться на свет. В мечтах она видела, как Хильдегард берет на руки их новорожденного сына, как любит его, потом целует ее, благодарит, а потом...

«Роди сына – и я женюсь на тебе!» Эти слова Гвендилена вспоминала снова и снова. Снова и снова она пыталась понять, выполнит ли принц свое обещание или предпочтет забыть о нем?

Но все получилось иначе. Ночью, накануне древнего праздника Самайн – Дня, когда умирает солнце, Гвендилена долго не могла уснуть, ворочаясь в постели с боку на бок под тоскливое завывание ветра. Когда она наконец закрыла глаза, сон оказался нехорошим, тревожным... Ей снилось, что из-под ее кровати вылезла огромная змея и, обхватив ее тело, сжимает все сильнее и сильнее.

Гвендилена закричала от боли и ужаса и проснулась. За окном было темно, вой ветра и шум моря сливались в единый протяжный гул. Девушка почувствовала, что постель под ней почему-то стала мокрой... Потом низ живота схватила резкая боль, и Гвендилена застонала.

«Началось, – сообразила она, – значит, я рожая...»

Преодолея боль, Гвендилена ощупью дотянулась до колокольчика на столике у кровати. На звон прибежали заспанные служанки. Одна из девушек зажгла свечу, но пламя почему-то трещало и чадило, грозя вот-вот погаснуть.

«Ну почему все так получилось? Ночь перед Самайном – недоброе время...» – подумала Гвендилена. Ей почему-то вдруг стало по-настоящему страшно, и служанки в длинных ночных рубашках с распущенными волосами показались похожими на стаю всполошившихся привидений – тех, о которых когда-то рассказывала старая Алимель...

– Что с вами, госпожа? Вам плохо?

– Гилу! Позовите Гилу, быстрее... – выдохнула она, как только боль отпустила на миг.

– Да, конечно, разумеется...

Лиа, самая расторопная из служанок, поспешила выскочить за дверь. На лице девушки явственно читался страх, озабоченность... А еще – облегчение от того, что ей не надо больше находиться здесь, рядом с госпожой, которая корчилась на постели, кусая губы.

Время ожидания тянулось бесконечно. Боль росла, усиливалась, и совсем скоро Гвендилена уже не могла сдерживать крик, рвущийся наружу из глубин ее существа. Служанки бестолково сустились вокруг, предлагая то поправить подушку, то принести воды, то натереть виски ароматическим уксусом... «Дуры... Еще бы сделали прическу и нарумянили щеки! Ничего больше не умеют, – с тоской думала Гвендилена, чувствуя приближение очередной схватки. – Ну когда же наконец придет Гила? Я умру здесь без нее!»

Целительница вошла, как всегда, беззвучно. Несмотря на поздний час, она выглядела серьезной, собранной, аккуратно одетой и готовой ко всему. Судя по тому, что свеча не сгорела и на треть, времени на самом деле прошло не так уж много...

– Принесите чистые простыни и горячую воду! И света, света побольше! – приказала она служанкам и добавила: – А потом – все вон отсюда! Нечего вам тут делать.

Девушки с готовностью ринулись выполнять ее приказание. Целительница подошла к Гвендилене, потрогала лоб, подержала за руку, бесцеремонно задрал рубаху, ощупала живот... Ее руки, такие маленькие, но сильные, были холодными и твердыми, но Гвендилена как-то притихла, даже кричать перестала. Теперь, когда Гила рядом, было уже не страшно! От ее спокойной, уверенной деловитости сразу стало легче.

– Ничего, ничего, все хорошо, – приговаривала она, – дыши глубоко и ничего не бойся...

Она прикрыла рот и нос Гвендилены полотняной салфеткой и вылила сверху какую-то остро пахнущую жидкость. В первый момент перехватило дыхание, потом тело стало странно тяжелым, и сознание начало ускользать... Все вокруг виделось словно сквозь мутную пелену, боль утихла, лишь изредка Гвендилена ощущала какие-то спазмы, вроде тех, что иногда бывают при месячных. Она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, но это было совсем не страшно, скорее забавно. О своих ощущениях она хотела рассказать Гиле, но

язык тоже не повиновался, и изо рта вырвалось какое-то мычание. Отчего-то это так развеселило Гвендилену, что она глупо хихикнула и окончательно провалилась в беспамятство.

Все исчезло. Гвендилена позабыла и о себе, и о принце, и даже о будущем ребенке... Ничего больше не было – только темнота, покой и какое-то странное, нездешнее умиротворение. Ей казалось, что она плывет куда-то в теплой воде, чуть покачиваясь на волнах.

Хлесткий звук пощечины вернул ее из небытия.

– Все, все, довольно! – голос Гилы слышался как будто издалека. Гвендилена хотела было вернуться в теплую уютную темноту, туда, где было так хорошо, но Гила была неумолима. Она сняла пропитанную волшебной жидкостью тряпку с лица Гвендилены, и от воздуха, пахнувшего кровью, свечной копотью и какими-то лекарствами, запершило в горле.

– Хватит, открывай глаза! Иначе не проснешься потом.

Вместе с сознанием возвращалась и боль. Она была резкая и разрывающая... Но какая-то иная. Тело словно пыталось избавиться от чего-то огромного, вытолкнуть его из себя.

– Тужься, он выходит! – приказала Гила. – Ну, еще, сильнее... Осталось совсем немного.

Преодолевая боль, она напряглась... А в следующий миг почувствовала облегчение и вместе с тем пустоту, словно у нее – точнее, *из* нее! – забрали что-то.

– Уже все? – прошептала она непослушными, будто чужими, губами. – Все кончилось?

– Да, – ответила Гила, держа на руках что-то маленькое, красное, кричащее, – уже все!

Она тут же принялась хлопотать над ребенком – ловко перевязала пуповину, оберла мягкой тканью, что-то тихо приговаривая, запеленала... Впрочем, лицо ее не выражало радости – напротив, она выглядела опечаленной и будто бы даже разочарованной. Что-то определенно было не так, и ледяная волна ужаса подкатила под сердце. Гвендилена с трудом разлепила запекшиеся, искусанные, непослушные губы.

– Что с ребенком? – еле слышно вымолвила она. – Что с ним? Скажи немедленно, не молчи...

Гила сдвинула брови.

– Мне жаль. Это девочка.

Гвендилена протянула руки.

– Дай мне ее!

Чуть поколебавшись, Гила положила ребенка ей на грудь. Гвендилена обняла новорожденную дочку, прижала к себе... Малышка затихла ненадолго, прижавшись к ней всем телом, потом, найдя грудь, ухватила губами за сосок и жадно зачмокала.

Неожиданно для себя самой Гвендилена ощутила такой прилив любви и счастья, что позабыла обо всем на свете. Она любовалась своей девочкой, и та казалась ей совершенством, существом невероятной красоты, чудом, явленным богами!

– Мое солнышко, моя радость, – ворковала она, – посмотри, Гила, какая она красавица... Хильдегард ее полюбит, полюбит непременно, как только увидит, иначе и быть не может!

Но Гила вовсе не склонна была разделять ее восторга. Она стояла, скрестив руки на груди и словно обдумывая нечто важное.

– Послушай меня, Гвендилена, – строго сказала она, – ты стала матерью, и у тебя здоровая крепкая дочка. Это хорошо, но тебе ведь нужен сын, не так ли?

Гвендилена насторожилась.

– Но у нас еще будут другие дети! И будет сын, непременно будет... – быстро вымолвила она.

Гила с сомнением покачала головой.

– Может быть, да, а может, и нет. В любом случае до той поры пройдет немало времени и многое может измениться.

«Все еще может измениться...» – прошелестело в голове Гвендилены и словно холодным ветром повеяло прямо в лицо. Эти слова она привыкла повторять как символ надежды, но ведь и перемены не всегда к счастью! Раньше об этом она как-то не думала...

– К чему ты клонишь, Гила? – спросила она. – Может быть, мы поговорим об этом потом? Я слаба, я устала и измучена, хочу поспать немного...

Она покосилась на скомканные окровавленные простыни и, скривив губы, добавила:

– И желательно в чистой постели!

– Как хочешь, – пожала плечами Гила, – тогда я позову служанок, чтобы прибрали здесь и принесли розовую колыбельку... Ты ведь

родила дочь! Уже к обеду весь замок будет знать о радостном событии.

Целительница нарочито медленно принялась собирать свои инструменты, склянки и коробочки. Она уже направилась было к выходу, но Гвендилена остановила ее:

– Постой! Что ты собираешься делать?

Она чувствовала, что Гила что-то недоговаривает. Это сердило ее, но в то же время возбуждало жгучее любопытство.

– Я? Ничего. Пожалуй, тоже пойду, посплю немного, – она зевнула, прикрыв рот рукой, – второй день не смыкаю глаз. Эдна, прачка, родила мальчика вчера на рассвете!

Гвендилена чуть не расплакалась от досады. Подумать только, какая-то ничтожная прачка смогла родить сына, а она сама – нет!

– Хочешь, чтобы я поздравила ее с этим событием? – спросила она, сдвинув брови.

– Не стоит, – сухо ответила Гила, – бедняжка не пережила родов. Увы, даже я ничего не смогла сделать. Тринадцать лет – слишком мало, чтобы стать матерью! Но ребенок... Ребенок жив.

– И что с того? – резко спросила Гвендилена. – Какое мне дело до этого?

– Перед смертью Эдна призналась мне, кто был отцом ее сына.

– Неужели святой дух? – фыркнула Гвендилена, но Гилу нелегко было смутить. Она чуть прищурила глаза, и лицо ее приняло заговорщическое выражение.

– О нет! – покачала головой целительница. – Это принц Хильдегард. Не хотелось бы огорчать тебя в таком состоянии, но ты и сама знаешь, с кем делишь стол и ложе! После *таймери-гивез* он дал себе волю...

Гвендилена прикусила губу. Думать о том, что Хильдегард мог предпочесть ей другую женщину – хотя бы на миг, но все же! – было просто невыносимо.

– Немало девушек потом приходили ко мне за настойкой *арим-вед* – ну той, ты знаешь, – безжалостно продолжала Гила, – а Эдна не стала. Все надеялась на что-то, маленькая дурочка! До последнего дня скрывала свое положение, потому меня позвали к ней слишком поздно. Она истекла кровью у меня на руках и умоляла только об одном – сохранить жизнь ее младенцу.

Гвендилена покосилась на новорожденную дочку. Девочка спала, чуть прищмокивая крошечным ротиком, и выглядела такой трогательной и беззащитной... На миг Гвендилена почувствовала жалость к другой молодой матери, которой не дано было обнять свое дитя.

Но лишь на миг.

– Зачем ты говоришь мне об этом? – спросила она. – Хочешь меня разжалобить?

Ги́ла покачала головой.

– Нет. Я хочу сказать, тебе опять повезло. Этот младенец появился на свет очень кстати. К тому же он похож на отца, даже сейчас похож...

– Чего ты хочешь от меня? – осторожно спросила Гвендилена.

– Подумай сама, – усмехнулась целительница, – ты ведь умная девочка... И тебе нужен сын! Потому ты возьмешь его и покажешь принцу, когда он вернется, и будешь растить как своего.

Она помолчала недолго и добавила:

– По крайней мере, какое-то время.

Гвендилена смотрела на нее почти с ненавистью. Умом она понимала, что Ги́ла совершенно права, и ребенок безвестной прачки мог бы обеспечить ее будущее... Но сердце противилось такому решению всеми силами.

– А что будет с моей девочкой? – спросила она, крепче прижимая к себе крошечное теплое тельце.

Но Ги́ла, кажется, успела все продумать.

– Ничего. Объявим, что ты родила двойню, – терпеливо, как неразумной, объяснила она и, чуть помолчав, вымолвила каким-то мертвым, надтреснутым голосом: – Такое иногда бывает с женщинами... Как со мной когда-то!

Она провела рукой по лбу, словно отгоняя воспоминание, и продолжала уже другим тоном – холодно, сухо и деловито:

– Впрочем, я не смею настаивать. Твое дело решать, нужен ли тебе сын прямо сейчас или ты готова подождать еще год или два!

Гвендилена опустила голову.

– Ты права, Ги́ла. Я... Я согласна.

Глава 12

День, когда Хильдегард вернулся в Кастель-Мар, выдался холодным, но солнечным и ясным. С утра прискакал гонец с известием, что принц со свитой придут к полудню. Вместе с другими придворными и доверенными слугами встречать принца вышла и Гвендилена... Она уже успела вполне оправиться после родов, но в любом случае пропустить такое событие было никак нельзя!

До замка уже дошли вести о том, что перед смертью король Людрих приказал разделить свои земли между сыновьями. По его настоянию принц Хильдегард даже был коронован как «король Юга» – ему достался Терегист и обширные плодородные приморские земли. Сигриберту это, конечно, не понравилось, но ему пришлось смириться и даже подписать с младшим братом «договор мира и родства» – обычный документ, в котором владыки обещают друг другу сохранять добрососедские отношения, не посягая на чужие земли, жизни подданных и имущество... Разумеется, до тех пор, пока не представится подходящий случай поступить иначе.

Узнав об этом, майордом Скаларий – человек весьма опытный и искушенный! – приказал обставить приезд Хильдегарда с максимальной торжественностью. «Мы провожали принца, а встречаем короля!» – со значением говорил он, наставительно поднимая указательный палец, похожий на восковую свечку.

Несколько дней в замке царили суeta и смятение. О том, что будет дальше, оставалось только догадываться, ведь, став королем, Хильдегард, скорее всего, пожелает перебраться в Терегист или выстроить себе новый замок! Никто из слуг и придворных не был уверен в своей дальнейшей судьбе, а потому все старались угодить господину. Повара готовили торжественный обед из двенадцати блюд, музыканты с утра до ночи разучивали «Славу южного короля» – торжественную песню, наспех сочиненную странствующим бардом Перигрином из Арн-Круса. Вскоре после смерти Лейра Сладкоголосого он забрел в замок в поисках дармовой кружки пива и куска солонины, что подают людям его ремесла, но песни его

пришлись по сердцу принцу Хильдегарду. Перигрин постепенно прижился в Кастель-Маре и теперь тешил себя надеждой, что сочиненная им песня станет гимном нового королевства.

Только Гвендилена, занятая новыми заботами, почти не замечала творящейся вокруг суеты. Оказалось, что быть матерью – это так странно, ни на что не похоже... Почти как произвести на свет новую себя.

По совету Гилы, она старалась не делать различия по отношению к детям и первые дни кормила грудью обоих одновременно. Девочка скоро уставала, капризно кривила ротик, выпуская сосок... Потом засыпала, и, глядя на крошечное личико, Гвендилена просто млела от восторга и нежности. Если ей казалось, что малышка чересчур бледненькая, или ей случалось поморщиться или чихнуть, – Гвендилена тут же посылала за Гилой.

– Не сходи с ума, – терпеливо увещевала ее целительница, осмотрев дитя, – молодые матери часто тревожатся, но тебе надо держать себя в руках, иначе твоя дочь и вправду заболит!

Гвендилена покорно кивала и даже успокаивалась на какое-то время... А потом все начиналось снова.

С мальчиком все было гораздо сложнее. К нему Гвендилена испытывала смешанные чувства... С одной стороны, ее терзала ревность к сопернице, пусть даже и умершей, и, кроме того, обидно было, что ее собственная обожаемая крошка не оказалась в центре всеобщего внимания всего лишь из-за того, что родилась девочкой. Но с другой – мальчик был такой красивый, тихий, ласковый и так похож на отца! Засыпая, он доверчиво прижимался к ней, и Гвендилена чувствовала непрощеную нежность к этому теплому комочку.

В замке младенцев скоро окрестили «нашим Солнцем и Луной». Рождение близнецов – а особенно когда на свет появлялись одновременно мальчик и девочка! – почиталось добрым знаком не только на родных островах Гилы. Служанки перешептывались о том, что Гвендилена удостоилась благословения богов, иначе дети не могли бы родиться такими красивыми, а одна из девушек, Наома, даже клялась, что видела над головами младенцев легкое золотистое сияние.

Когда через десять дней после родов у Гвендилены неожиданно пропало молоко, кормить детей вызывались и служанки, и благородные дамы. Конечно, такая готовность помочь была вызвана не

только стремлением уберечь малюток от голодной смерти – в замке все знали, кто их отец, хотя и не говорили об этом вслух... Но Гвендилена все равно была горда и счастлива – может быть, как никогда в жизни.

Впрочем, уже на следующий день Ги́ла привела кормилицу – толстую бабищу с огромной грудью и сонными коровьими глазами. Видеть, как она кормит детей или просто берет их на руки, поначалу было мучительно для Гвендилены, но постепенно она привыкла и даже начала чувствовать облегчение. Прошла тянущая боль в груди, наступающая каждый раз, когда молоко прибывало, зажили трещины на сосках, да и фигура стала обретать прежние очертания... С лица сошли отеки и пигментные пятна, волосы заблестели гладкой чернотой воронова крыла, губы стали пухлыми и нежными. «Пожалуй, даже лучше, что принц был в отъезде так долго, – порой думала Гвендилена, – он не увидел меня некрасивой и измученной. Ну и конечно, при нем трюк с близнецами вряд ли бы удался!»

Возвращения Хильдегарда она ждала с тревогой и надеждой. Гвендилена тосковала в разлуке с любимым, и вместе с тем встреча страшила ее. Теперь у нее есть сын – по крайней мере, все вокруг убеждены в этом... Но что, если, став королем, принц откажется от своих слов и не выполнит обещания? Снова и снова она задавала себе один и тот же вопрос, но не находила ответа.

И сейчас, когда этот день наконец настал, Гвендилена чувствовала, как пересохло во рту от волнения и колени предательски задрожали. Она стояла, держа за руки маленьких принцев, но все время беспокойно оглядывалась. По настоянию Ги́лы младенцев пришлось отдать кормилице. Конечно, это было обидно, но пришлось смириться, и Гвендилена скрепя сердце согласилась – тем более что дети росли на удивление быстро, и долго держать на руках их обоих для нее было бы тяжело. Кормилице же было все нипочем... К счастью, малютки безмятежно спали возле ее необъятной груди, но что, если в самый неподходящий момент они проснутся и поднимут рев? Торжественный момент будет непоправимо испорчен!

Ожидание казалось нестерпимо долгим... Но к счастью или к несчастью, все когда-нибудь заканчивается. Когда копыта коней простучали по мосту через ров, служащий защитой в дни войны, но сейчас изрядно заросший и обмелевший, майордом Скаларий сделал знак музыкантам, и в тот же миг смычки легли на струны, запели

трубы и ударили барабаны. В толпе встречающих послышались приветственные крики, под ноги коням полетели зерна пшеницы и маленькие красные цветы, именуемые *мерот*, – последние осенние цветы, выращенные в зимнем саду под стеклянным куполом.

Принца встречали как триумфатора. Он ведь и вправду возвращался победителем – не младшим сыном, получающим содержание из милости, не бастардом, чье существование собственный отец согласился узаконить не сразу, а королем! Пусть для этого ему не пришлось сражаться с врагами или отстаивать свое право, но разве победа в сражении с собственной судьбой – это мало?

Выше гор,
Ярче солнца,
Щедрей, чем земля,
Слава южного короля!

Перегрин пел, выводя высокие ноты так старательно, что его лицо покраснело и на шее вздулись жилы. Музыканты тоже не отставали – скрипачи не жалели ни струн, ни пальцев, надували щеки трубачи и флейтисты, торжественно гремела медь литавр... Казалось, все они непостижимым образом превратились в единое существо, живущее собственной волей! Музыка лилась словно река, и голос певца взлетал к небу. Поистине, толстый, лохматый, вечно пьяный Перегрин хорошо знал свое дело.

Судя по всему, торжественная встреча пришлась Хильдегарду по нраву. Сидя в седле, он улыбался, но не привычной своей чуть насмешливой улыбкой, а открыто и радостно. Глядя на него, Гвендилена чувствовала, как замирает ее сердце, и, поймав его взгляд – любящий, жадный, *голодный*! – она сразу воспрянула духом.

По обычаю, первым встречать господина, долго находившегося в отъезде, должен был майордом Скаларий, но Гвендилена выступила вперед – как госпожа, как хозяйка, как супруга.

– Приветствую вас, мой господин и король! – произнесла она, склонившись в глубоком реверансе. – И рада сообщить, что в вашем замке все обстоит благополучно...

Скаларий наградил ее испепеляющим взглядом, но Хильдегард лишь благосклонно кивнул.

– Благодарю вас, госпожа *алематир*!

И, обратившись ко всем собравшимся, произнес:

– Приветствую вас, мои друзья и ближние, мои рабы и слуги! Видят боги, я рад снова оказаться среди вас.

Он спешил, отдав поводья подбежавшему конюху. Сыновья кинулись навстречу, но Хильдегард лишь рассеянно потрепал их по головам и направился к Гвендилене. Она вновь присела в реверансе, скромно опустив глаза долу.

– Мой господин...

Хильдегард бесцеремонно окинул взглядом ее постройневшую фигуру. «Хочу тебя! – говорили его глаза. – Хочу прямо сейчас!» Однако вслух он сказал совсем другое.

– Скажите, что нового произошло в замке в мое отсутствие? – спросил он. – Надеюсь, вы находитесь в добром здравии и боги были милостивы к вам?

Хильдегард очень старался говорить, по обыкновению, небрежно, даже безразлично, но в голосе его Гвендилена почувствовала волнение.

– О да, мой король! Благодарю вас. Боги благословили меня! – вымолвила она. – Они одарили меня сыном и дочерью. Если вам будет угодно, можете посмотреть на них.

– Да, пожалуй... – отозвался он и добавил с обычной своей легкой усмешкой: – Король желает увидеть своих новых подданных!

Гвендилена сделала знак кормилице подойти поближе. Девочка все еще крепко спала, а мальчик, наряженный в нарочно сшитый для такого случая бархатный костюмчик, подбитый мехом, беспокойно завожился. Когда Хильдегард склонился над ним, ребенок проснулся, но не заплакал. Распахнув большие синие глаза – без сомнения, отцовские, Гила была права! – он несколько мгновений смотрел на него, словно изучая... и вдруг растянул беззубый ротик в бессмысленно-радостной младенческой улыбке, протягивая к отцу крошечные ручки, словно хотел сказать «возьми меня!».

В первый момент Хильдегард был явно обескуражен. Потом осторожно взял ребенка на руки, словно тот был каким-то диковинным предметом, хрупким и драгоценным. Малыш явно обрадовался,

заулыбался еще сильнее, залепетал что-то и попытался ухватить отца за нос. Хильдегард рассмеялся, и его смех прозвучал музыкой в ушах Гвендилены. В этот миг она отчетливо поняла, что будет дальше.

Он еще полюбовался младенцем, пощекотал ему животик... И вдруг, крепко ухватив обеими руками, поднял ребенка высоко над головой.

– Воистину, милостивы боги. Смотрите все! – торжественно провозгласил Хильдегард. – Смотрите и радуйтесь, ибо перед вами мой сын! Здесь и сейчас, перед лицом богов и людей, я признаю его своим...

Он сделал короткую паузу и добавил тоном ниже:

– А его мать – моей королевой.

Глава 13

Брачная церемония состоялась в канун праздника Йома. Гвендилена нарочно настояла на этом...

– Теперь мы будем праздновать день нашей свадьбы каждый год! – лукаво шепнула она на ухо Хильдегарду, прижавшись к нему в постели. – Разве это не прекрасно?

– О да! – согласился он. – Только вина придется выпить вдвое больше!

Гвендилена рассмеялась и обняла его. Шутка пришлась ей по нраву, но дело было не только в этом.

По закону, чтимому в остатках империи, мужчина королевской крови не мог жениться на простолюдинке. Чтобы с честью выйти из положения, Хильдегард решил даровать Гвендилене поместье близ Терегиста, чтобы она могла именоваться «баронессой Амслев, владетельной госпожой». Впрочем, даже в этом случае новобрачная могла быть удостоена лишь Малого обряда – краткой и упрощенной церемонии, в которой невеста клянется быть верной, любить и почитать супруга, подчиняться ему во всем и служить до самой смерти, а он лишь произносит: «Беру тебя в законные жены».

Напрасно Гвендилена мечтала о красивой пышной свадьбе, о торжественном въезде в Терегист, куда она когда-то вошла закованной в цепи рабыней, о венчании в главном соборе, о пиршестве, на котором последний нищий напьется допьяна, прославляя королевскую чету... Хильдегард решил отложить переезд до весны. «Камню нужна оправа, – говорил он, – а королю – подобающая резиденция! На это нужно время. К тому же наши дети еще слишком малы, и дорога может повредить им!»

Конечно, это было немного обидно, и Гвендилена чувствовала себя уязвленной. Откладывать свадьбу она не хотела, ведь, как известно, все может измениться, и не всегда в лучшую сторону! Но скромная церемония в замке, в присутствии приближенных и слуг, казалась ей такой жалкой... Однажды она даже плакала из-за этого. Ги́ла застала ее в слезах и, узнав в чем дело, принялась урезонивать:

– Глупая! Так даже лучше. Ты приедешь в город законной супругой и королевой... А потом никто не вспомнит, как ты ею стала.

Гвендилена утерла слезы. Ги́ла, как всегда, была права! К тому же ей, ставшей матерью еще до свадьбы, повязывать на голову алую ленту невесты, символизирующую чистоту, непорочность и первую кровь, что прольется на простыни в брачную ночь, было, конечно, не к лицу... А идти под венец с непокрытой головой, как девушка, что не смогла уберечь свою честь, – тем более.

Со скромной свадьбой пришлось смириться, и единственное, на чем сумела настоять Гвендилена, – это назначить ее накануне праздника Йома. Хильдегард не смог ей в этом отказать.

Он очень привязался к близнецам и часто заходил посмотреть на них. Мальчика по его настоянию называли Людрихом, и Гвендилена не стала прекословить, хотя от души надеялась, что малыш не унаследует ни буйный нрав своего деда, ни его печальную судьбу.

– Дочку можешь назвать сама! – великодушно разрешил Хильдегард.

Гвендилена задумалась, прикусила губу... Она старательно припоминала, как когда-то принц (тогда еще принц!) хотел назвать дочь, рожденную Эвиной. Кажется, Амаласунтой, в честь своей матери! В замке говорить о ней было как-то не принято – еще бы, она ведь была не королевской крови и родила Хильдегарда вне брака, а он не терпел даже намеков на то, что появился на свет бастардом! Однако по обрывам фраз, намекам и недомолвкам Гвендилена уже знала, что Амаласунта умерла, когда Хильдегарду было всего двенадцать. О матери он говорил редко, но с большой нежностью – видно было, что когда-то он был очень привязан к ней и долго тосковал, когда ее не стало.

«Эвина еще спорила с ним, глупая, нарекла дитя в честь какой-то там святой, лишь бы настоять на своем, – думала Гвендилена, – теперь она пропадает где-то в глуши и неизвестности вместе с дочерью и никогда больше не переступит порога замка... А я стану королевой! Нужно лишь не повторять ее ошибок».

– Благодарю тебя... – кротко вымолвила она, – я хотела бы назвать нашу дочь Амаласунтой.

Лицо Хильдегарда дрогнуло, и на миг в нем появилось что-то мальчишеское, незащищенное... Гвендилена особенно любила его

таким.

– Почему? – спросил он. – Почему ты выбрала это имя?

– Потому что так звали достойнейшую из женщин, – объяснила Гвендилена. – Я не удостоилась чести знать ее лично (и наверное, к счастью! – мелькнуло у нее в голове), но она твоя мать, и я буду почитать ее до конца дней! Наверное, она бы рада была увидеть наших детей... И знать, что девочка названа в ее честь!

Ответом ей был сияющий, благодарный взгляд возлюбленного.

– Поистине, лучшая из женщин – ты! – сказал он, и тут же добавил: – Во всяком случае, из ныне живущих.

– Благодарю тебя, мой господин и король! – быстро проговорила Гвендилена, опустив голову и потупив взгляд.

– Перестань, – Хильдегард, кажется, даже смутился немного, – мы здесь одни! К тому же совсем скоро ты станешь моей женой...

Гвендилена положила руки ему на плечи, посмотрела в глаза.

– Это не важно, – серьезно ответила она, – я счастлива, что скоро наша свадьба и наших малюток не назовут бастардами, но... ты всегда был и останешься господином моего сердца и королем моей души, будь ты хоть в короне, хоть в рубище!

Хильдегард обнял ее и нежно поцеловал в лоб. Она потянулась к нему, ища губы, он ответил...

За окнами кружила метель, а в комнате жарко горел камин. В ту ночь почти до рассвета Хильдегард и Гвендилена не сомкнули глаз! Тела их сплетались на ложе снова и снова, и прихотливые тени на потолке, словно играя с ними, повторяли их движения.

Лишь на миг Гвендилена вдруг почувствовала, как будто ее обдало ледяной волной. Уродливая горбатая тень метнулась из угла к окну и затаилась за портьерой... Гвендилена некстати вспомнила карлицу-нищенку, что когда-то встретилась ей по дороге в Орну на *таймери-гивез*, и сердце мучительно сжалось в неизвестно откуда нахлынувшей тоске и тревоге.

– Что с тобой, дорогая? – спросил Хильдеград. – Ты так побледнела...

– Ничего, – она принужденно улыбнулась, – все хорошо! Все просто прекрасно, я счастлива...

В день бракосочетания с самого утра зарядил снегопад, да такой, какого и старожилы не помнили в здешних местах. Крупные белые хлопья падали сплошной стеной, так что не видно было ни земли, ни неба.

В большом каминном зале замка Кастель-Мар собрались приближенные Хильдегарда и приглашенные из числа местной знати. Весть о том, что Хильдегард стал королем Юга, уже разнеслась по округе, и теперь все они, несмотря на непогоду, спешили засвидетельствовать свое почтение новому повелителю.

Стоя рядом с Хильдегардом, облаченная в белое платье, Гвендилена слушала пение девушек-монахинь, нарочно привезенных из храма Радующихся Сердец, расположенного неподалеку. Тонкие голоса старательно выводили мелодию старинного свадебного гимна:

Узри, Всевышний, и благослови,
Союз стоящих здесь перед Тобою.
Во имя света, мира и любви
Тела и души их соедини,
Мужчину с женщиной – как дерево с землею!

Пели они хорошо, слаженно. Казалось, что голоса их взлетают прямо к небу... Однако Гвендилена почему-то никак не могла настроиться на возвышенный лад и прийти в состояние духа, соответствующее торжественности момента. Глядя на бледные, строгие и странно-одинаковые лица девушек, она думала о том, что в монастыре их, наверное, плохо кормят и заставляют рано вставать по утрам. Бедняжек было жаль, и при мысли о том, что и она сама могла бы стать одной из них, Гвендилена украдкой вздохнула. Конечно, она и так немало настрадалась... Зато сейчас настал день ее торжества, день, к которому она шла все эти годы!

Гвендилена чуть прикрыла глаза. На миг ей показалось, что голову ее охватывает венец – тот самый, что изменил ее жизнь когда-то на берегу Бездонного озера. Пожалуй, это было бы единственное украшение, достойное такого события!

Голова закружилась, так что Гвендилена с трудом устояла на ногах. Страшно было – а что, если вместо гостей, певчих, а главное,

новоиспеченного супруга она снова увидит Аннун – черную гладь озера, выжженный лес, остов башни вдалеке... И скопище уродливых теней, подобострастно кланяющихся ей!

Впрочем, наваждение скоро исчезло. Церемония шла своим чередом, и пожилой священник с короткой седой бородой и редкими кудельками волос на лысине преувеличенно-серьезно вопрошал, желают ли стоящие перед ним мужчина и женщина стать законными супругами по доброй воле, без обмана и принуждения. Первой, по обычаю, должна была отвечать невеста, и Гвендилена старательно произносила в нужных местах «да» и «клянусь».

Потом священник обратился к жениху:

– Согласен ли ты, Хильдегард, сын Людриха, взять в жены эту женщину?

– Да! Беру тебя в законные жены, – громко и отчетливо произнес он и, чуть помедлив, добавил: – На горе и на радость, до конца дней.

Это было нарушением Малого обряда, и священник недовольно нахмурился, но, разумеется, сказать вслух ничего не посмел, лишь укоризненно покачал головой.

– Объявляю вас мужем и женой! – провозгласил он.

Девушки-монахини затянули «Открыты двери в небеса», и тут произошло нечто совершенно неожиданное – плотные облака разошлись, и луч солнца пробился в образовавшийся просвет. Он осветил парадный зал совсем ненадолго, но у всех присутствующих осталось ощущение чуда, словно Всевышний и в самом деле обратил свой взор на новобрачных и благословил их.

– Можете поцеловать невесту! – произнес священник.

Хильдегард обнял Гвендилену и впился губами в ее губы – жадно, горячо, совсем как ночью на ложе.

– Люблю тебя, моя королева! – тихо сказал он.

Гвендилена ощутила сладкий трепет в груди и жар внизу живота. «Жаль, нельзя отдаться ему прямо здесь и сейчас, – мельком подумала она, – вот была бы потеха для гостей! Эту свадьбу они бы точно не забыли до конца своих дней...»

– Только ты и я, – одними губами шепнула она, – навсегда!

Часть V. Королева

Глава 1

Солнце вставало над морем медленно, как будто не спеша. Откинув легкую занавеску, Гвендилена вышла на балкон и стояла, любуясь рассветом. С некоторых пор она полюбила время утренней тишины, такой легкой, светлой и чистой...

За двенадцать лет, проведенных в Терегисте, Гвендилена так и не смогла привыкнуть к шуму и городской суете. Счастье еще, что с наступлением летней жары Хильдегард завел обычай переезжать сюда, на виллу в бухте Сальдеа – небольшое, но необычайно уютное поместье, возведенное с необыкновенным изяществом и вкусом.

Здесь – бирюзово-голубое море, золотой песок, кипарисовая аллея и виноградники вокруг, а главное – удивительное ощущение покоя и тихой радости. Жаль, конечно, что с наступлением осени приходится возвращаться в пыльный и шумный Терегист, но, как говорил когда-то давно покойный отчим, «нельзя иметь все и сразу».

Даже Хильдегард, который раньше не мыслил жизни без пиров и охоты, полюбил это уединенное место. С годами он изрядно потолстел и обрюзг, а его когда-то пышные кудри начали редеть на макушке. Теперь он редко садился на коня, предпочитая ездить в карете, вино пил умеренно, опасаясь желудочных колик, а разделяя ложе с Гвендиленой, все чаще просто засыпал рядом с ней и храпел до утра. Поначалу она просто сходила с ума от досады и тревоги, видя такое охлаждение супруга, но скоро поняла, что он просто постарел, утратив прежний пыл и задор.

Гвендилена была разочарована, но виду не показывала, напротив – старалась быть нежной и понимающей, чтобы ничем не уязвить его гордость... И все чаще просила у Гилы «то самое зелье». Гила только вздыхала, качала головой и доставала с полки склянку, наполненную ярко-алой жидкостью, что призвана наполнять силой уставшее и вялое мужское естество.

– Будь осторожна! – наставляла она Гвендилену. – Две-три капли в вино, не больше! Ты ведь не хочешь остаться вдовой?

Гвендилена кивала, благодарила и уносила заветную склянку. Дело было не только в том, что она жаждала плотских утех (хотя и это

было правдой!), но еще больше ей хотелось иметь сына – собственного сына, а не приемыша! С годами это желание превратилось в настоящую манию, навязчивую идею, и бывало, что она не смыкала глаз по ночам, ворочаясь в постели и кусая губы, пока Хильдегард мирно храпел, отвернувшись к стене.

Напрасно Гвендилена ездила по святым местам, усердно молилась и жертвовала деньги на храмы... Все было бесполезно, и, бывало, она плакала украдкой, затворяясь в своей комнате. Ги́ла, как всегда, пыталась урезонить ее:

– Уймись, девочка! Разве ты не получила все, чего хотела? Не стоит гневить богов неблагодарностью! Ты королева, чего ж тебе еще?

– Настоящая королева – это жена короля и мать короля! – отвечала Гвендилена, вытирая слезы. – А я ею так и не стала.

Ги́ла неодобрительно покачала головой.

– Ты играешь с огнем! Помни, что для всех ты – законная супруга нашего короля Хильдегарда и мать его сына.

Но Гвендилена лишь грустно улыбнулась, вытирая слезы.

– Для всех, но не для себя...

Видеть Людриха, своего названного сына, для нее с каждым днем становилось все тяжелее. Счастье еще, что мальчик был не из тех, кто любит сидеть у материнской юбки, – он ловко фехтовал, отлично ездил верхом, плавал, как рыба... Хильдегард просто души в нем не чаял, не то что в старших сыновьях! Каждый день он с восторгом рассказывал о новых успехах своего любимца и неизменно добавлял:

– Иногда мне кажется, что только он – мой настоящий сын.

– Это все потому, что он похож на тебя, любовь моя! – отвечала Гвендилена, скромно потупив глаза... А себя все чаще ловила на мысли о том, что отпрыск ничтожной прачки слишком уж долго зажился на свете. Но иначе нельзя! Ее собственный, долгожданный сын до сих пор так и не родился, а значит – надо терпеть, ждать и надеяться, ведь, как известно, все еще может измениться...

Конечно, у нее есть еще дочь, Амаласунта – прелестное создание, легкая и яркая, словно бабочка. Она поет и смеется, чудесно танцует и играет на арфе, вышивает шелком и любит выращивать цветы в дворцовой оранжерее... Но, глядя, как с каждым днем расцветает ее красота, Гвендилена чувствовала, как дочь отдаляется от нее. Скоро она станет совсем чужой... А там и вовсе покинет ее навсегда. Отец

позаботится о том, чтобы найти ей достойного мужа. «Нашу девочку мы не отдадим кому попало! – повторяет он и в такие минуты становится похожим не то на покойного отчима, не то на трактирщика Гавера. – Замужество королевской дочери – это важный вопрос, тут никак нельзя ошибиться...»

В королевскую резиденцию в Терегисте уже навещаются послы и как бы невзначай упоминают о том, что слава о красоте и добродетели Амаласунты дошла до их земель. Они привозят подарки для юной принцессы, а потом заводят долгие, осторожные разговоры...

Хильдегард милостиво выслушивал всех, но никому не говорил ни «да», ни «нет», только разводил руками, повторяя: «Моя дочь так молода... Ей рано думать о замужестве! Она еще дитя, как я могу расстаться с ней?» При этих словах он улыбался такой обезоруживающей улыбкой, что послам ничего не оставалось, как отправиться восвояси, выразив перед этим глубочайшее уважение к его отцовским чувствам.

Только Гвендилена знала, насколько наигранным было это мнимое простодушие. По вечерам, запершись с советниками в своем кабинете, Хильдегард среди прочих государственных дел продумывал разные варианты военных и торговых союзов, что могло бы принести замужество дочери. «Счастье еще, что малютка уродилась такой красавицей! Вся в мать, – говаривал он с довольной улыбкой. – Пока еще никто даже не заикнулся о размере приданого. Конечно, при замужестве мы достойно наделим ее, чтобы моя крошка ни в чем не чувствовала себя ущемленной, но ведь она сама по себе – настоящее сокровище!»

Придворному живописцу уже заказан парадный портрет, и юная Амаласунта в белом платье с кружевами, украшенном разноцветными лентами, часами простаивает на балконе, увитом плющом и виноградом, небрежно опираясь о мраморную балюстраду и рассеянно глядя вдаль.

Словно птица, которая вот-вот улетит...

Гвендилена невольно вздохнула. Конечно, она не желала для дочери судьбы старой девы – это было бы несправедливо! Пусть выйдет замуж, станет королевой в далекой стране, родит детей, будет счастлива... Ей самой остается только смириться с этим уже сейчас,

чтобы, когда придет время, отпустить свое дитя и не плакать, даже если они больше никогда не увидятся.

Вот и солнце уже поднялось, начался новый день – еще один день... «Даже удивительно, как быстро летит время! – думала Гвендилена, чуть прищурившись и прикрывая глаза ладонью. – Кажется, совсем недавно мы венчались с Хильдегардом в замке Кастель-Мар, переезжали в Терегист, обустроивались на новом месте и привыкали к положению королевской четы. Мы были молоды, но время идет, и повзрослевшие дети – может быть, самое яркое тому подтверждение!»

Принц Римеран вырос настоящим богатырем – высокий, широкоплечий, очень сильный, он легко сгибал кочергу и на спор поднимал на плечах годовалого бычка. Он мастерски владел копьем и мечом, умел объезжать самых злых и непокорных лошадей, участвовал во всех дворцовых турнирах и всегда побеждал! Ростом и статью он пошел в покойного деда, Людриха, и Гвендилена порой вздрагивала, если видела его со спины, – таким разительным было сходство.

Правда, шрамы, обезобразившие его, так и не изгладились, наоборот – рубцы стянули кожу, и лицо юноши казалось уродливой маской вроде тех, какими крестьяне отпугивают злых духов во время осеннего праздника Самайн.

Одно время это немало беспокоило Хильдегарда. Невелика радость быть королем и основателем династии, если твой первенец и наследник выглядит как горный тролль! Однако все разрешилось наилучшим образом – Римеран изъявил желание вступить в братство Золотого Щита, чтобы стать *арвераном* — монахом-воином, защитником веры. «Богов не испугают мои шрамы!» – с усмешкой говорил он и добавлял уже серьезно:

– А тот, кто видит сердцем, вовсе не заметит их.

Хильдегард одобрил и поддержал его решение. «Сын мой, я горжусь тобой! – торжественно произнес он. – Поистине, служить богам – достойная участь... Может быть, даже более достойная, чем быть королем». Он обнял сына и даже прослезился, но в словах его сквозило плохо скрытое облегчение.

Осталось лишь дожидаться, пока Римерану исполнится двадцать пять лет. Вступление в орден ранее этого возраста не допускается, и Великий Магистр не пожелал сделать исключение даже для отпрыска

королевской крови. Как ни хотел бы Хильдегард ускорить это событие, но благоразумно предпочел не ссориться с могущественным орденом и не настаивать на своем.

А пока Римеран усердно обучался воинским искусствам под руководством мастера Аллария – лучшего наставника, нарочно выпущенного из самой Орны. Немногие свободные часы он проводил с младшим братом, Людрихом, и мальчик просто боготворил его. И немудрено... Гвендилена и сама порой ловила себя на мысли, что таким сыном могла бы гордиться любая мать!

Альдерику беспокоило ее гораздо больше. К своим семнадцати годам он стал красивым юношей – высоким, тонким, с одухотворенным бледным лицом и копной золотистых кудрей, небрежно откинутых назад. Он не проявлял никакой склонности к верховой езде и фехтованию, к охоте питал нескрываемое отвращение, читал книги в дворцовой библиотеке и порой наведывался даже в Академию всеобщего знания, учрежденную в Терегисте в незапамятные времена.

Но в последнее время он слишком уж зачастил в поместье Верлинг близ Анвалера, навещать мать и сестру. Каждый раз он возвращался странно задумчивым, молчаливым... Гвендилена не раз ловила на себе его взгляд – слишком пристальный, серьезный, словно он хотел спросить о чем-то, но пока не решался.

Ее немало тревожило то, что именно Альдерику суждено было стать наследником после того, как принц Римеран принесет монашеский обет и уйдет от мира. Порой Гвендилена задумывалась о том, что будет с ней, если Хильдегард отойдет в мир иной раньше ее, оставив ее вдовой, и что-то подсказывало ей, что доброго отношения от Альдерика ей ждать не стоит.

Гвендилена провела рукой по лбу, словно отгоняя неприятные мысли. Как бы то ни было, ей нужен сын – свой собственный, родной, настоящий, выношенный во чреве, рожденный в муках... И она добьется своего, добьется любой ценой!

Впрочем, с недавних пор надежда снова расцвела в ее душе. В последние дни Гвендилена чувствовала себя как-то странно – месячные не пришли вовремя, груди набухли, по утрам слегка подташнивало... Такое уже было, и не раз, но надежды оказывались

напрасными и долгожданная беременность не наступила. Может быть, теперь?

— Гвендилена, где ты? — раздался из спальни голос Хильдегарда. — Я, твой король и повелитель, желаю заключить тебя в объятия!

Гвендилена чуть улыбнулась. То ли зелье Гилы все-таки действует, хотя и не в полной мере, то ли годы, проведенные бок о бок, соединяют супругов «как дерево с землею», как поется в старинном свадебном гимне, но с Хильдегардом они близки, как никогда. Пусть в их объятиях больше нежности, чем страсти, и супружеский долг он выполняет не так часто, как раньше, зато теперь он считается с ней, уважает, иногда приходит за советом, а главное — не согревает больше чужих постелей! За все двенадцать лет, проведенных в Терегисте, ни разу до ее ушей не доходил слух об измене короля. «Только ты и я, навсегда!» — сказал он на свадьбе, и эти слова были сказаны искренне.

— Гвендилена!

— Иду, любовь моя! — кротко вымолвила она.

Глава 2

Ночью накануне праздника Йома в королевском дворце в Терегисте никто не спал. Хильдегард завел обычай отмечать праздник середины зимы с особенным размахом. Он не забыл годовщину своей свадьбы с Гвендиленой в замке Кастель-Мар и свое обещание выпивать вдвое больше вина, чем обычно, выполнял неукоснительно!

Большой обеденный зал был украшен еловыми ветками, разноцветными шелковыми лентами и блестящими стеклянными шарами. В камине жарко горел огонь, за столом вино лилось рекой, и слуги сбивались с ног, принося все новые и новые блюда. Музыканты без устали играли веселые мелодии, и пары кружились в танце. Арфы и скрипки, лютни и флейты, сливаясь в единый хор, пели о чем-то хорошем, светлом – о любви и надежде, о радости бытия, о том, что счастье может быть где-то совсем рядом, стоит лишь руку протянуть...

Все знали, что праздник этот особенно дорог королевской чете, хотя почему – говорить вслух было как-то не принято. Гвендилена всеми силами старалась избавиться от всего, что напоминало о ее низком происхождении, о рабском прошлом, о том, что ее дети были рождены вне брака... Под разными предлогами она старалась удалить из дворца всех слуг и придворных, знавших ее в прежние времена, и Хильдегард не препятствовал ей.

Лишь раз в году, в праздник Йома, Гвендилена позволяла себе открывать потайную дверь своей памяти. «Я была рабыней, – думала она, прихорашиваясь перед большим зеркалом, – я родилась в деревне, жила в нищете, меня никто не любил, и даже родная мать хотела сбагрить в монастырь, не рассчитывая выдать замуж. Зато теперь я вышла замуж за короля! Я королева, и знатные люди, которые в прежние времена считали бы ниже своего достоинства даже посмотреть в мою сторону, считают за честь прислуживать мне. Я победила! И не важно, какой ценой».

Этот праздник был для нее днем особого, тайного торжества. Гвендилена каждый год радовалась ему, словно маленькая девочка, и готова была веселиться до утра.

Всегда, но не сегодня.

Гвендилена чуть отодвинулась от стола. Просторное бархатное платье уже не скрывало ее с каждым днем увеличивающийся живот, ноги в узких атласных туфельках сильно отекали, от запаха жареного мяса ее заметно подташнивало, от громкой музыки звенело в ушах... Она с удовольствием предпочла бы удалиться в свою спальню, лечь в постель и, отослав служанок, думать о ребенке, что растет у нее под сердцем уже полгода, прислушиваться к каждому его движению, мысленно разговаривать с малышом... Она всей душой надеялась, что на этот раз родится мальчик, представляла себе его лицо, глаза, улыбку, и даже придумала ему имя – Ригор, в честь своего отца. Вот удивился бы он, узнав, что его внук родится во дворце, станет принцем!

А возможно, и королем. Все ведь может еще измениться, разве нет?

Голос Хильдегарда прервал течение ее мыслей.

– Почему ты не ешь и не пьешь, любовь моя? Наш будущий маленький принц – или принцесса! – не должны голодать! А может быть, их опять сразу двое?

Он положил руку ей на живот. Словно почувствовав прикосновение отца, ребенок зашевелился. Гвендилена чуть прикрыла глаза, ощущая движения крохотного тельца...

– Сейчас об этом знают только боги! – с кроткой улыбкой произнесла она. – А мы узнаем весной... Пока нужно лишь набраться терпения и ждать.

И, чуть понизив голос, добавила:

– Я очень надеюсь, что, когда придет время, мой король не будет разочарован.

Хильдегард наклонился и шепнул ей на ухо, щекоча щеку усами и бородой:

– О да! Все эти годы ты только очаровывала меня... И с каждым днем все больше.

Узнав о ее новой беременности, Хильдегард по-настоящему обрадовался. Он стал особенно предупредителен и ласков, старался выполнять все ее желания... Гвендилена подозревала иногда, что ее положение стало для него в первую очередь подтверждением собственной мужской состоятельности, но это было уже не важно. Главное – ее долгожданный обожаемый сын родится законным отпрыском короля, вырастет в любви и заботе, а потом...

Хильдегард ударил в небольшой медный колокол, висящий у его кресла. В зале стало тихо, умолкли музыканты, и танцующие пары застыли на месте. Все ждали, что скажет король.

Он встал, поднял свой кубок и торжественно провозгласил:

– Веселого Йома, мои добрые подданные!

Ответом ему был нестройный хор голосов:

– Веселого Йома! Слава королю!

– Полны ли ваши кубки? Согреты ли ваши сердца!

– Да! Слава королю Хильдегарду!

– Был ли этот год хорош для вас, благодаря милости богов?

– Да! Благодарение небу!

Последнее, впрочем, прозвучало как-то неуверенно. Год выдался не особенно урожайным... Не голодным, нет, не было ни засухи, ни нашествия саранчи, но уже сейчас было ясно, что ближе к весне многим придется потуже затянуть пояса. Непонятно было, куда клонит король, и на лицах многих присутствующих явственно читались озабоченность и даже страх – уж не идет ли речь о повышении налогов?

Но Хильдегард лишь улыбнулся открыто и светло – так, что сердце Гвендилены защемило нежно и сладко, как в былые годы.

– Благодарение богам! Они были милостивы ко мне и благословили чрево моей супруги. Скоро я снова стану отцом... Так выпьем за мою королеву!

Одним глотком он осушил свой кубок. «Совсем как Людрих, его отец когда-то...» – мелькнула у Гвендилены непрошенная мысль. Она на мгновение закрыла глаза, отгоняя давнее воспоминание о смятых простынях на королевском ложе и чаше вина из Херионских виноградников. Виски сжала боль, тошнота подступила к горлу...

«Забудь, – шепнул знакомый тихий голос в голове, – то, давнее, прошло и кануло в небытие. Хильдегард похож на отца, но это не он. А ты – здесь, ты жива, и ты королева! И твой муж произносит тост в твою честь. Насладись этим, насладись сполна!»

Гвендилена тряхнула головой, отгоняя воспоминания, и открыла глаза. Ярко горели восковые свечи, звенели бокалы...

– Слава королеве! Да живет она! Здравия и счастья! – слышалось со всех сторон. Поняв, что король настроен вполне благодушно и их кошелькам ничего не грозит, гости не скупились на добрые пожелания.

Бард Перегрин сделал знак музыкантам, и они дружно заиграли «Восславим прекраснейшую» – еще одно вдохновенное творение хитрого толстяка. К удивлению Гвендилены, он оказался не только хорошим музыкантом, но и умелым царедворцем, сделал неплохую карьеру и, как болтают злые языки, уже прикупил себе небольшое имение от щедрот короля Хильдегарда.

Но сейчас это было не важно. Музыка лилась словно река, голоса певцов звучали в унисон, и Гвендилена даже позабыла о тесных туфлях.

Прекраснейшую славим,
Поем хвалу любви...

Гости пили так, что виночерпии не успевали наполнять кубки. Все... Кроме Альдерика, сидевшего по левую руку от отца. Держась необыкновенно прямо, он смотрел перед собой, словно не замечая происходящего вокруг, и даже не притронулся к своему бокалу.

Хильдегард был изрядно пьян, но поведение сына не укрылось от его внимания.

– Почему ты не пьешь, сын мой? – спросил он.

В голосе его звучали нехорошие, опасные нотки, но Альдерик как будто не замечал этого... Или не хотел замечать.

– Благодарю вас, отец, – безмятежно отозвался он, – я не люблю вина. Оно притупляет ум!

Лицо Хильдегарда налилось багровым цветом от гнева, брови сошлись у переносья.

– И потому ты не желаешь выпить за королеву? Она моя жена и мать моих детей! – рявкнул он так, что зазвенели хрустальные подвески на люстре.

Певцы испуганно умолкли, музыканты перестали играть, и в наступившей тишине слова юноши прозвучали особенно ясно и отчетливо:

– Но не моя мать!

Он встал, коротко поклонился и вышел прочь, стуча каблуками о паркет.

Глава 3

За окном едва начало светать. Свежий весенний воздух, пахнувший морем и цветущей сиренью, проникал через приоткрытую створку в покои королевы. Здесь пахло совсем иначе – кровью, лекарствами, свечной копотью... Комната выглядела словно поле боя – тазы с водой на полу, кругом разбросаны смятые простыни, окровавленные тряпки и вовсе непонятные предметы устрашающего вида.

И в самом деле – борьба за новую жизнь, длившаяся почти сутки, наконец-то завершилась благополучно, и плач младенца, похожий на кошачье мяуканье, звучал, как победный клич.

– Это мальчик? Правда мальчик?

Гвендилена приподнялась на постели. Измученная долгими родами, она хотела удостовериться, что все было не напрасно – и тяжелая беременность с постоянной тошнотой, изнуряющей рвотой, отеками и головокружениями, и только что перенесенные страдания...

– Да! – улыбнулась Гила. – Вот, посмотри сама!

Она поднесла ребенка ближе, так, чтобы Гвендилена сама смогла рассмотреть очевидные признаки принадлежности новорожденного к мужскому полу.

– Хорошо...

Гвендилена откинулась на постели и тут же потребовала:

– Дай его мне!

Плач ребенка звучал небесной музыкой в ее ушах, и крошечное, сморщенное существо, извивающееся в руках Гилы, казалось невыразимо прекрасным, вызывая почти молитвенный восторг. В этом ребенке для нее было сосредоточено все – и любовь, и счастье, и все надежды на будущее. Хотелось прижать его к груди, ощутить биение крохотного сердечка, покрыть поцелуями личико...

Чуть поколебавшись, целительница положила ребенка ей на живот. Малыш миготом перестал плакать, неожиданно крепко уперся ладошками в ее тело, потом затих ненадолго... И, найдя сосок, зачмокал крошечными губками.

– Какой он сильный! – Гвендилена счастливо улыбнулась. – Он вырастет и станет королем, непременно станет...

– Ну до этого пройдет немало времени, – сухо отозвалась Гила, – к тому же у него есть старшие братья!

– Я знаю, – отозвалась Гвендилена, – знаю... Но мечтать об этом мне никто не запретит!

И, улыбнувшись мечтательной, почти блаженной улыбкой, добавила:

– Все еще может измениться.

Глава 4

В тот год лето выдалось особенно жарким. Люди и животные изнывали от палящего зноя, множество рек и ручьев обмелело так, что даже курица могла бы перейти их вброд, не намочив перьев, и посевы горели на корню.

Напрасно во всех храмах священники возносили молитвы о дожде, напрасно крестьяне устраивали шествия, неся в руках ветки дерева *велс*, что почиталось как священное древо милосердного и доброго бога Реодана, подателя счастья и благополучия... А по глухим отдаленным деревням люди тайно творили запретные обряды с жертвоприношениями Подземным богам, известные еще со времен Темной древности.

Призрак грядущего голода встал во весь рост, протягивая свои костлявые руки. Отчаявшимся жителям оставалось только молиться, уповая на волю богов... И надеяться на милосердие короля, на то, что он позаботится о подданных.

Но и во дворец пришла беда.

* * *

Дневная жара сменилась вечерней прохладой, с моря подул легкий ветерок, но это не принесло облегчения. Раскаленные за день камни остывали медленно, отдавая тепло, но не потому во дворце как будто стало нечем дышать.

Уже несколько дней здесь царит мрачная и тревожная атмосфера. Не слышно музыки, приспущены знамена, зеркала завешены кисеей... Все придворные и слуги одеты в темно-серые одежды без каких-либо украшений, дамам запрещено пользоваться духами, красить губы, подводить глаза и делать прически. Люди скользят по дворцовым коридорам, словно тени, ходят, не поднимая глаз, говорят тихо, словно боясь спугнуть или разбудить кого-то.

Все знают – король тяжело болен, он при смерти... Всего лишь стакан воды со льдом, выпитый в жаркий полдень, – и вот теперь его

сжигает лихорадка, грудь вздымается с тяжелыми, мучительными хрипами, и каждый вздох может стать последним.

Поначалу Хильдегард даже не обратил внимания на свое недомогание – говорил, что он просто устал и ему надо выспаться хорошенько. Однако уже на следующий день он не смог встать с постели, жаловался на жестокий озноб – и это в жару посреди лета! – требовал затопить камин и подать ему горячего вина. Придворный лекарь Седрах приготовил микстуру и пустил королю кровь, но это не помогло, жар лишь усилился и к заходу солнца король впал в беспамятство.

Сначала он бредил, метался, кричал и порывался куда-то бежать, но вскоре затих, и лишь тяжелое, хрипловатое дыхание говорило о том, что Хильдегард еще жив.

Сидя рядом с постелью, Гвендилена держала мужа за руку, ловя каждый вздох и отчаянно боясь, что именно он окажется последним. Рядом Ги́ла отсчитывала какие-то капли из пузырька темного стекла в склянку с водой... Гвендилена приказала прогнать лекаря и позвать ее, не считаясь с дворцовым этикетом, но, судя по лицу целительницы, по ее взгляду и плотно сжатым губам, дела у Хильдегарда были совсем плохи.

Ги́ла аккуратно закрыла пузырек, потом встряхнула склянку и, приоткрыв рот короля, ловко влила жидкость ему в горло. Хильдегард закашлялся – на миг показалось даже, что он вот-вот задохнется! – но скоро снова затих, дыхание его успокоилось и вроде бы даже стало более ровным и глубоким.

– Я сделала что могла, – устало сказала она, – будем надеяться, что он переживет эту ночь.

Ги́ла подошла к Гвендилене, положила ей руку на плечо.

– Иди поспи немного! – с неожиданной теплотой сказала целительница. – Тебе надо отдохнуть. Я останусь здесь, и, если... – голос ее чуть дрогнул, но она справилась с собой, – и, если будет нужно, я пошлю за тобой.

Гвендилена лишь упрямо покачала головой.

– Нет! Я не могу оставить мужа.

Но Ги́ла была непреклонна.

– Иди. Тебе надо отдохнуть... И покормить малыша.

Гвендилена вздрогнула, словно пробудившись от глубокого сна. Только сейчас она ощутила, как распирает груди от прибывшего молока... Даже платье мокрое. Гила права, нужно бежать, маленький Ригор, наверное, плачет!

* * *

Она быстро шла по коридору, и стук каблучков ее туфель отдавался гулким эхом в тишине. Мысль о том, что драгоценный и долгожданный сын страдает без нее, кричит на руках у няnek, а может быть, уже заснул голодным, жалила ее, как жалит овод корову в жаркий день на лугу, гнала вперед...

До ее покоев оставалось совсем немного, когда на пути Гвендилены словно из ниоткуда выросла высокая мужская фигура. В первый миг она даже испугалась, но тут же вздохнула с облегчением, узнав Альдерика.

– А, госпожа Гвендилена! – улыбнулся он. – Как поживает мой отец? Как его здоровье?

– Мы надеемся на лучшее, – сухо ответила Гвендилена, – и молимся за его выздоровление.

Она хотела идти дальше, но Альдерик и не думал посторониться.

– В самом деле? – осведомился он, насмешливо подняв бровь. – А я слышал, дело обстоит совершенно иначе! Вы прогнали от постели моего отца почтенного и опытного лекаря, чьи заслуги признаны даже в Академии всеобщего знания, а вместо него привели весьма сомнительную особу – рабыню, привезенную из диких мест, какую-то знахарку! Про нее говорят всякое – например, что она знает с темными силами... А еще, что умеет готовить яды. И если мой отец умрет, возникнут весьма обоснованные подозрения. Как вы думаете, долго ли сможет Гила отрицать свою вину на допросе? Или, может быть, захочет облегчить собственную участь чистосердечным признанием и откровенно расскажет о том, кто и зачем приказал ей убить короля?

Гвендилена застыла на месте, не в силах произнести ни слова. Неожиданное обвинение было слишком уж чудовищным... А главное – выглядело вполне правдоподобным.

Хотелось крикнуть: «Да как ты смеешь! Я пыталась спасти своего мужа!» Но Гвендилена молчала, глядя в холодные голубые глаза юнца, которого когда-то качала в колыбели.

Альдерик выдержал короткую паузу и произнес, чуть понизив голос, почти заговорщически:

– Но разумеется, этого можно избежать... Я ведь не забыл, что вы заботились обо мне и брате долгие годы. К тому же мне не хотелось бы порочить память отца и омрачать начало своего правления.

Гвендилена насторожилась. «Сейчас он скажет, что ему нужно от меня, – поняла она, – надо слушать и молчать, чтобы случайно не выдать своего горя и гнева, не сказать ничего, о чем я буду жалеть потом!»

Так и вышло. Сдвинув у переносья тонкие, как у девушки, брови, Альдерик говорил, отчеканивая каждое слово:

– Я не стану расследовать обстоятельства смерти отца, если вы покинете дворец – и Терегист тоже! – сразу после похорон. Например, вы можете отправиться в ваше родовое поместье... Кажется, Амслев? Я, правда, забыл, где оно находится, но это не важно!

О том, где расположено поместье, дарованное ей перед свадьбой, Гвендилена не имела ни малейшего понятия и не стремилась узнать. А вот теперь, похоже, придется!

Но Альдерiku и этого было мало.

– А может быть, вам стоило бы подумать о монастыре, как надлежит скорбящей вдове благородного происхождения? – осведомился он. – Провести остаток жизни в молитвах и благочестивых размышлениях после смерти горячо любимого супруга – разве это не достойный удел?

Гвендилена сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. «Ах ты, щенок! – думала она. – А ведь когда-то я меняла тебе пеленки... Надо было придушить тебя в колыбели или выбросить в окно!»

– Вы можете не тревожиться, я сумею достойно позаботиться о семье, – Альдерик заговорил мягко, словно и в самом деле хотел утешить ее, – своих сестер – обеих сестер! – подчеркнул он, – я выдам замуж и наделю приданым, старший брат уже выбрал свой путь, скоро он вступит в орден... Может быть, и младший через несколько лет захочет последовать его примеру, явив пример братской любви?

Пол закачался под ногами у Гвендилены. При мысли о том, что ее могут разлучить с крошечным сыном, она почувствовала себя так, словно у нее сердце вынимают из груди – еще живое, бьющееся, трепещущее сердце!

Словно уловив ее мысли, Альдерик продолжал:

– А о младенце – кажется, его зовут Ригор? – сумеет позаботиться моя мать, когда вернется во дворец. Она всегда была добра и милосердна...

Он чуть помедлил и повторил зачем-то:

– По-настоящему добра.

Гвендилена почувствовала, как ей застилает глаза багровая пелена гнева. Если бы ярость могла убивать, Альдерик уже лежал бы мертвый на полу!

– Мой муж еще жив! – крикнула Гвендилена. – Не смей хоронить его раньше времени!

Голос ее звонким эхом раскатился под дворцовыми сводами. Даже Альдерик замолчал, застыв от изумления. Одним движением руки Гвендилена отодвинула его с дороги и зашагала дальше.

Туда, где ждал ее сын.

Глава 5

– Госпожа королева, проснитесь!

– М-м... Что такое?

Гвендилена открыла глаза и обнаружила, что заснула одетая, с маленьким Ригором у груди. Солнце стояло уже высоко... Малыш безмятежно посапывал, чуть улыбаясь во сне, чмокал крошечными губками, и Гвендилена невольно залюбовалась им.

– Госпожа королева... – чья-то рука осторожно коснулась ее плеча, – простите, но король...

Вспомнив события вчерашней ночи, Гвендилена невольно вздрогнула. Она быстро застегнула платье на груди и села на ложе.

– Что с моим мужем? – спросила она. – Что с ним? Говори скорее!

Только сейчас она увидела, что все ее фрейлины, служанки и няньки маленького Ригора собрались вокруг. На лицах женщин сияли радостные улыбки... Но главное – все они были в обычной одежде, а не темно-сером «полутрауре»!

И Гвендилена поняла все.

– Его величество пришел в себя! – торжественно провозгласила Альдена, старшая из придворных дам. – Лекарь говорит, что это чудо, но он жив и будет жить. Его величество желает видеть вас, чтобы выразить свою любовь и признательность, госпожа королева!

Гвендилена чувствовала, как по щекам текут слезы, и не вытирала их. Все, что было с ней прошлой ночью, отступило куда-то далеко, рассеялось, как ночной кошмар, растаяло, как тает снег на весеннем солнце...

Но не совсем. Где-то далеко, в глубине сознания, осталась маленькая черная точка, напоминающая о пережитом страхе, беспомощности, гневе и отчаянии. Гвендилена чувствовала, что никогда, до самой смерти не сможет забыть об этом, и знала, что это было правильно.

– Да, конечно, – чуть слышно вымолвила она, – подайте мне платье – то, с золотыми кружевами... Я хочу, чтобы мой супруг увидел меня красивой.

Гвендилена бережно передала младенца на руки няньке. Удивительно, но маленький Ригор продолжал безмятежно спать! Служанки радостно захлопотали вокруг нее – принесли платье, помогли переодеться, затянули шнуровки на спине и рукавах, быстро и ловко уложили волосы в прическу с косами – ту, что Гвендилена особенно любила. Потом на маленьком столике они разложили несессер с духами, помадами и притираниями и принялись румянить ей щеки, подводить глаза и губы, подкрашивать брови специальной кисточкой...

Взяв в руки зеркало, Гвендилена осталась довольна собой. На лице не осталось и следа от тревоги последних дней – напротив, оно сияло свежестью! Конечно, большей частью это была заслуга умелых рук служанок и снадобий в маленьких баночках, но стоит ли об этом думать?

– Благодарю, – Гвендилена чуть улыбнулась, – вы хорошо поработали. А теперь пора – мой муж, мой господин и король ждет меня!

* * *

Прежде чем войти в покои Хильдегарда, Гвендилена отослала сопровождающих ее придворных дам... И чуть замешкалась на пороге. Король, лежащий в постели, чуть приподнялся навстречу ей. Он выглядел слабым, изможденным, но в его глазах сияла такая любовь и радость, что Гвендилена невольно почувствовала, что вот-вот заплачет.

– Ты прекрасна, дорогая! – вымолвил он. – Оставь нас, Седрах, я хочу побыть наедине с супругой.

Лекарь попытался было возразить, но один взгляд короля заставил его вжать голову в плечи и шмыгнуть за дверь.

Гвендилена подошла ближе, села на постель. Она взяла руку короля, поразившись про себя, какой худой, бледной и бессильной стала эта рука, и уткнулась лицом в ладонь. Неожиданно для себя самой, она расплакалась, нимало не заботясь о том, что с таким трудом и тщанием наложенная косметика растечется по лицу. Теперь это было совершенно не важно...

— Только ты и я, навсегда, — тихо вымолвил Хильдегард, поглаживая ее волосы, и, помолчав, словно для того, чтобы набраться сил, добавил: — Благодарю тебя.

Глава 6

Хильдегард вскоре выздоровел, но таким, как прежде, уже не стал. Казалось, после болезни что-то надломилось в нем... И надломилось необратимо.

Он стал осторожен и медлителен, словно старик, и, бывало, подолгу сидел у окна, устремив невидящий взгляд в пустоту. Если его неожиданно окликали, он вздрагивал всем телом, как человек, которого внезапно разбудили, и какое-то время испуганно озирался по сторонам, словно не вполне понимал, где находится.

Плечи его сгорбились, волосы висели тусклыми безжизненными прядями, возле губ залегли скорбные складки... Но главное – король совершенно утратил всякий интерес к жизни! Больше не слышно было во дворце музыки и песен, веселые пиры превратились в унылые трапезы, большей частью проходящие в молчании, а о том, чтобы сесть на коня или отправиться на охоту, он и вовсе уже не помышлял.

Теперь он все больше времени проводил в молитвах и размышлениях, даже начал читать книги – в основном, сочинения мудрецов древности, – чего раньше за ним никогда не водилось. Из своих роскошно убранных покоев он перебрался в небольшую комнату, больше напоминающую монашескую келью, где помещались только узкое и жесткое ложе, стол и книжный шкаф. Бывало, что король что-то писал по ночам, но никому не показывал свои записи.

Когда стало очевидно, что из-за засухи и неурожая страна оказалась на пороге голода, Хильдегард приказал растворить королевские амбары и раздать зерно нуждающимся. Для тех, кто совсем ослабел, он приказал открывать специальные приюты, где людей кормили бесплатно. Чиновники, ведающие этой благотворительностью, сказочно обогатились, но многим голодающим королевская милость спасла жизнь, и в народе Хильдегарда считали чуть ли не святым.

Однако он сам стал совершенно равнодушен и к почестям, и к народной любви. Лишь иногда Хильдегард немного оживлялся, прогуливаясь по берегу моря с принцем Людрихом, своим любимцем. Мальчик поначалу удивлялся изменениям в поведении отца, но

перечить не смел, а вскоре и сам полюбил эти неспешные прогулки и долгие беседы.

С Гвендиленой король был неизменно добр и внимателен, часто говорил о своей благодарности и любви... Но ложе с ней больше не разделял. По вечерам он иногда заходил в ее спальню, чтобы пожелать доброй ночи – видимо, ради соблюдения приличий! – но надолго не задерживался. Напрасно Гвендилена пускала в ход свои чары, напрасно подмешивала зелье Гилы мужу в питье. «У меня уже есть четверо сыновей!» – повторял он и с неизменной горечью прибавлял:

– Вполне достаточно, чтобы когда-нибудь развязать междоусобную войну.

В начале зимы, незадолго до праздника Йома, Хильдегард принял посла из королевства Корн-Селор и долго с ним о чем-то говорил за закрытыми дверями. А на празднике было объявлено о помолвке Амаласунты с молодым Претекаром, сыном и наследником короля Илотиса. Увидев портрет принца – а он был весьма хорош собой! – принцесса запрыгала и захлопала в ладоши, словно маленькая девочка, получившая желанный подарок. Отец поцеловал ее в лоб, потрепал по голове... И, позвонив в маленький серебряный колокольчик, приказал:

– Несите!

Видимо, это сюрпризы праздника еще не кончились... Гости и придворные замерли в ожидании. Четверо дюжих молодцов на большом подносе внесли нечто, накрытое тонким полотном, и поставили на стол перед королевской четой.

– Что это? – удивилась Гвендилена.

– Это мой подарок! – таинственно произнес Хильдегард и сделал знак слугам.

Они осторожно подняли полотно, и все собравшиеся ахнули от изумления. Перед ними был замок Кагель-Мар, с большим искусством сделанный из марципана, засахаренных фруктов, орехов, разноцветного желе и бог знает чего еще.

Хильдегард улыбнулся, видимо, довольный произведенным эффектом. Он выразительно посмотрел в сторону Артрасила – главного королевского делопроизводителя – и тот с поклоном передал Гвендилене пергаментный свиток, скрепленный красной сургучной печатью с гербом.

– Этот замок я дарю тебе, моя дорогая жена, в знак моей любви и признательности. Здесь мы впервые встретились и полюбили друг друга, здесь была наша свадьба, здесь родились наши дети, наши Луна и Солнце... Теперь он твой по праву!

«И мне не придется отправляться в поместье Амслев, где бы оно ни находилось, – с горечью подумала Гвендилена, – если только твой сын и наследник не сочтет нужным казнить меня, посадить в темницу или отправить в монастырь на следующий день после того, как тебя не станет!»

Но вслух она сказала совершенно другое:

– Благодарю тебя, мой супруг и король! Твой дар прекрасен, но твоя любовь для меня драгоценнее всего на свете...

Все присутствующие шумно зааплодировали, Хильдегард обнял и поцеловал ее – торжественно и церемонно, но губы его были холодны и тверды, а в теле не было и намека на жар и трепет мужчины, который прикасается к любимой женщине.

После праздника король сделал щедрое пожертвование ордену и наделил младших сыновей богатыми и плодородными землями. Альдерику это не особенно понравилось, он даже процедил сквозь зубы что-то о том, что, если и дальше так пойдет, его внукам придется править королевством размером с мышиную нору, но идти против воли отца, разумеется, не посмел – по крайней мере, пока.

Казалось, Хильдегард торопился поскорее покончить с земными делами, чтобы отправиться в Далекие поля с легким сердцем... А Гвендилена не находила себе места от тревоги и тоски. Напрасно она просила помощи у Гилы, молила ее дать королю какое-нибудь зелье, что сделало бы его прежним, возбудило волю к жизни, но Гила лишь покачала головой.

– Я не бог, – пожала плечами целительница, – тот, кто ступил под сень смертного древа, уже не принадлежит этому миру... По крайней мере, *не совсем* принадлежит. Никто не возвращается таким, как был, и не в моей власти исправить это.

Видеть, как Хильдегард тихо угасает день за днем, было мучительно, но будущее пугало Гвендилену еще больше. Остаться вдовой, когда королем станет Альдерику, было смертельно опасно и для нее, и для малыша Ригора! Амаласунта – другое дело, скоро она выйдет замуж, отправится в Корн-Селор, и для нее начнется новая

жизнь, судьба Людриха Гвендилену не особенно волновала, но при одной только мысли о том, что ее могут разлучить с младенцем или причинить ему вред, она чувствовала, как превращается в зверя – волчицу или медведицу, что готова разорвать кого угодно, защищая своего детеныша. Отец когда-то говорил – в лесу нет никого опаснее, и только теперь Гвендилена понимала почему!

Нужно было предпринять что-то как можно скорее, пока Хильдегард еще жив. Если бы королем стал принц Римеран, все было бы иначе – он-то по-прежнему любил и уважал ее, души не чаял в младшем брате, Людрихе, и сумел бы поставить Альдерика на место... Но Римеран дал обещание вступить в орден и не отступит от своего слова.

Конечно, все разрешилось бы само собой, если бы Альдерик умер... И желательно, чтобы его смерть выглядела естественной. Гвендилена часто вспоминала Гилу и кольцо с ядом. Как-то она даже завела речь на эту тему – осторожно, издалека... Но Гила лишь смирила ее ледяным взглядом и процедила сквозь зубы:

– Можешь считать, что я ничего не слышала, но больше не говори со мной об этом.

И, помолчав, добавила:

– А лучше – даже не думай.

Поначалу Гвендилена разгневалась, но, поразмыслив, поняла, что целительница, пожалуй, права. Если ее коснется лишь тень подозрения – все пропало! Что тогда будет с маленьким Ригором? И помолвка Амаласунты с принцем Претекаром неминуемо расстроится... Кто захочет взять в жены дочь отравительницы?

Гвендилена думала об этом почти постоянно, часто ворочалась с боку на бок ночами, прикидывая, что предпринять, и не находила ответа. Но, как это обычно бывает, все произошло совершенно неожиданно.

Глава 7

Стоял теплый весенний вечер. В небе над морем догорал закат, казалось, что солнце стремится слиться со своим отражением в воде... В воздухе пахло чем-то сладким и грешным, дразнящим и вкрадчивым, невероятно притягательным и лживым насквозь, словно обещание любви из уст красивого проходимца.

Но Гвендилене было не до любви. Отпустив служанок, она сидела перед большим зеркалом, собираясь отойти ко сну. С тех пор как малыша Ригора отлучили от груди и бдения у колыбели ушли в прошлое, Гвендилена полюбила одиночество... Несмотря на то что, в соответствии с дворцовым этикетом, служанки и фрейлины должны были находиться при ней неотлучно, чувствовать рядом чужое присутствие день и ночь ей стало просто невыносимо.

Выход нашел мастер Броквур – талантливейший механик и изобретатель. Долгое время он подвизался в Академии всеобщего знания, но отчего-то рассорился с ректором и согласился на щедрое предложение Хильдегарда стать «королевским придворным мастером». Благодаря ему во дворце появился и водопровод, так что теперь слугам не нужно было таскать воду из колодца, и лампы, не оставляющие копоти, от которых ночью было светло почти как днем, и еще много хитроумных диковинок.

В спальню Гвендилены он провел звонок – стоило лишь дернуть за шнурок у изголовья кровати, как в комнате прислуги звенел колокольчик и кто-нибудь из девушек являлся на зов, взяв ключи от королевских покоев в особом шкафчике. Гвендилена находила это изобретение очень остроумным и полезным – удобно, когда слуги находятся на расстоянии вытянутой руки и в то же время не обременяют своим присутствием!

Сидя перед зеркалом, Гвендилена придирчиво вглядывалась в свое отражение, но не находила печальных примет времени – кожа по-прежнему оставалась гладкой и нежной, глаза блестели, и в черных волосах не видно было седины.

«Ги́ла отлично знает свое дело, ее притирания обладают почти колдовской силой! Но что с того? – с грустью думала Гвендилена. – К

чему это, если моя красота цветет напрасно?»

Сегодня Хильдегард не придет даже затем, чтобы поцеловать ее в лоб и пожелать доброй ночи! После прогулки по морскому берегу с сыном Людрихом он почувствовал себя утомленным, не вышел к ужину и просил не беспокоить его до утра.

В последнее время он совсем ослабел и даже государственными делами почти перестал заниматься. Гвендилена порой с трудом узнавала мужа в этом преждевременно старом человеке! Он сильно исхудал, стал ниже ростом, глаза словно выцвели, из ярко-синих стали блекло-серыми, почти прозрачными. Видно было, что теперь каждый день для него – это всего лишь еще один шаг по дороге к смерти, в страну, откуда нет возврата...

И осталось идти не слишком далеко.

Гвендилена тряхнула головой, отгоняя печальные мысли. Если что-то нельзя исправить, остается это принять... Ну или по возможности использовать! В конце концов, все еще может измениться – ей ли не знать об этом?

Она старалась думать о чем-то хорошем. Например, о том, что малышу Ригору скоро исполнится год, и три дня назад он сделал свой первый шаг – робкий, неуверенный, но все же! Шагнул, не удержал равновесия, шлепнулся на толстенький задик, но не заплакал. Посидел немного, подумал, хлопая длинными черными ресницами, потом поднялся снова – и снова попытался сделать еще один шагочок!

Вспомнив лицо сына, его глаза – зеленые, как у нее самой! – Гвендилена невольно улыбнулась. Малыш Ригор стал для нее всем – и отрадой, и надеждой, и источником постоянных забот и тревог... Когда у него резались зубки и он плакал ночами напролет, она не отходила от него, не доверяя нянькам, и просто извела Гилу, требуя немедленно облегчить страдания младенца! Зато его улыбка, младенческий лепет, первое слово, первый шаг – все это приводит ее в состояние тихой радости, почти блаженства.

Думать о сыне было приятно. Гвендилена улыбнулась своему отражению, встала и уже направилась к кровати – широкому удобному ложу, застеленному простынями из тонкого льна, которое теперь ей не нужно было больше делить с супругом и засыпать под его храп... Так что, если вдуматься, во всем есть свои маленькие радости!

Проходя мимо окна, она заметила, что тяжелая бархатная портьера как-то странно торчит. Гвендилена хотела было поправить ее, но что-то мешало. Наконец, она отдернула занавесь резким движением и замерла, увидев перед собой молодого рыцаря в сером плаще *джедри-айр* с золотым крестом. Став королем, Хильдегард сохранил свою личную гвардию... Но как этот парень попал сюда? И почему сжимал в руке короткий и острый кинжал?

В первый момент Гвендилена растерялась. Наверное, нужно было бы закричать, но горло сжалось, и она застыла на месте, не в силах произнести ни звука.

«Молчи, – тревожно шепнул знакомый голос в голове, – он успеет убить тебя раньше, чем ты раскроешь рот!»

Это был странный совет, но Гвендилена сочла за лучшее последовать ему, тем более что голос в голове столько раз выручал ее раньше... И неожиданно почувствовала, как что-то сжало виски и лоб – совсем как тогда, давно, когда они с сестрой нашли волшебный венец на озере Трелоно. Казалось, будто венец каким-то чудом вновь оказался у нее на голове, облекая силой и властью иного мира.

Казалось, это продолжалось бесконечно долго... Гвендилена смотрела в лицо юноши не отрываясь, и он не выдержал ее взгляда! На его лице появилось странное выражение – восторга и ужаса одновременно. Он как-то стушевался, опустил голову, пальцы его разжались, и кинжал со звоном упал на каменный пол.

– Что... ты... здесь... делаешь? – выдохнула Гвендилена, с трудом шевеля непослушными губами.

– Простите меня, госпожа королева... Простите, – забормотал он, – я в вашей власти, я не причиню вам зла...

Теперь и в самом деле можно было бы позвать на помощь... Но почему-то Гвендилена этого не сделала. Она чувствовала себя совершенно обессиленной, так что не смогла бы и шагу ступить, но показать свою слабость незнакомцу, который, очевидно, явился с недобрыми намерениями, разумеется, было никак нельзя.

– Кто ты такой? – строго спросила она.

– Здесь меня знают как Отиса из Арн-Круса... – начал было юноша, но голос его звучал так неуверенно, словно он сам не верил своим словам.

– Кто ты на самом деле? Зачем ты пришел сюда? – перебила его Гвендилена.

Юноша вскинул голову. Последний луч заходящего солнца позолотил его кудри, и казалось, будто лицо окружено сиянием... В этот миг он был так красив, что Гвендилена невольно залюбовалась им.

– Я Теобальд, сын графа Ральхингера! Много лет назад мой отец был казнен по приказу короля Людриха. Но принц Хильдегард виновен в этом никак не меньше, а может быть, даже больше. Во время *таймери-гивез*, на пиру он оскорбил моего отца, тот ответил... Сочинил каламбур, в котором осмелился намекнуть, что принц Хильдегард был рожден бастардом. Это была удачная шутка, все смеялись! А на следующий день Хильдегард донес королю, что мой отец – изменник и готовит переворот.

Гвендилена вздрогнула и прикусила губу. Надо же случиться такому совпадению! Графского отпрыска она видела лишь один раз, издали... В праздник Жатвы отец по обычаю поднял его на руки и показал наследника своим поселянам, чтобы крепостные знали будущего хозяина. Румяный, в золотых кудряшках, наряженный в шелк и бархат, младенец был похож на ангелочка, сошедшего с фрески из церкви всех богов, только крылышек не хватало. Сейчас, конечно, он не мог бы вспомнить ее – худую, неуклюжую, застенчивую деревенскую девчонку, – но Гвендилена почему-то испугалась. Давно уже не осталось никого, кто помнил бы ее такой, кто мог бы узнать!

Но, к счастью, молодой человек не заметил этого. Он говорил, словно хотел выплеснуть все, что накипело на душе:

– Моей матери пришлось бежать, спасая меня и себя, бросить родовое поместье... Самые близкие отвернулись от нас, боясь королевского гнева. Перед нами закрылись все двери. Даже родной брат не пустил ее на порог своего замка, когда она явилась просить защиты и приюта! Она умерла, зачахла с горя и перед смертью просила меня лишь об одном – отомстить за нашу семью.

Гвендилена вспомнила разоренную деревню, горящий сарай с запертыми в нем стариками и детьми, соседей, закованных в цепи, – и содрогнулась. Дорого же обошлась им всем графская шутка на пиру!

И в первую очередь – ему самому.

– Чтобы попасть сюда, мне пришлось назваться чужим именем, – продолжал Теобальд, – я поступил в оруженосцы к одному рыцарю... Он был добр ко мне. Но даже ему я не осмелился открыть свою тайну! Быть безродным сиротой лучше, чем сыном изменника, это я понял крепко.

«Долго же ты шел сюда! – подумала Гвендилена. – И ты опоздал. Убивать человека, который и так одной ногой стоит в могиле, – глупая затея».

Но вслух она сказала совсем другое:

– Так ты хотел убить своего короля? Может быть, твой отец и был казнен безвинно («так же, как и сотни, тысячи других!» – прошелестел знакомый голос у нее в голове), но ты сам стал изменником!

Неожиданно молодой человек коротко рассмеялся, словно услышал нечто забавное.

– Вы совершенно правы, госпожа королева! И, прошу заметить, даже не смог довести задуманное до конца... Я в вашей власти, можете звать слуг и стражу. Или предпочитаете, чтобы я сам сдался начальнику караула?

Он говорил шутливо, но отчего-то Гвендилена была совершенно уверена, что стоит ей приказать сейчас – и он бестрепетно отдаст себя на муки и смерть. Неожиданно для себя самой она почувствовала жалость к этому юноше...

То, что произошло дальше, она еще долго вспоминала со странным, смешанным чувством стыда и наслаждения тайной запретной радостью. Неизвестно, что было тому виной – то ли весенний воздух, сладкий и лукавый, словно молодое вино, то ли то, что молодой Теобальд был красив, словно юный бог, а Гвендилена так долго не знала мужской ласки, то ли просто звезды так сошлись на небе в тот вечер, но случилось то, что случилось.

Юноша сделал шаг вперед – всего один шаг! Она уперлась ладонью ему в грудь... Но не слишком сильно. В этот миг силы оставили ее окончательно, колени подломились, и она, наверное, упала бы в обморок, но молодой человек оказался проворным и ловким. Он подхватил ее на руки и понес к кровати, осторожно держа перед собой, словно хрупкую и драгоценную ношу. Она чувствовала биение его сердца, его запах, слышала его дыхание и – вот странное дело! – не

испытывала к своему возможному убийце ни страха, ни гнева, напротив – лежать в его объятиях было весьма приятно!

Он бережно опустил ее на ложе, и в этот миг ее руки кольцом сплелись у него на шее. В глазах юноши мелькнула растерянность и страх.

– Простите, госпожа, кажется, я не вполне верно понял вас... – пролепетал он.

– Иди ко мне, – тихо сказала Гвендилена.

* * *

Утром ее разбудили первые лучи рассветного солнца. Та самая портьера так и осталась незадернутой... Открыв глаза, Гвендилена увидела рядом безмятежно спящего Теобальда и блаженно улыбнулась. Она уже и забыла, каким горячим и страстным может быть мужчина, забыла о том, что значит отдаваться своим желаниям и наслаждаться этим, а не ублажать стареющего венценосного мужа!

Эта ночь была прекрасна...

Однако она прошла, а значит, следовало позаботиться о делах насущных, иначе несдобровать ни ей, ни ему. Гвендилена потрясла Теобальда за плечо.

– Просыпайся! Вставай скорее!

– Моя госпожа...

Он сел на ложе и потянулся было, чтобы поцеловать ее, но Гвендилена отстранила его.

– Быстро одевайся и уходи отсюда!

– Да-да, конечно!

Пока Теобальд поспешно одевался, Гвендилена думала, что делать дальше. О том, чтобы выдать страже своего случайного любовника, конечно, и речи быть не могло... Но что, если он проболтается? Или повторит попытку убить короля?

«Тебе не стоит об этом беспокоиться! – послышался знакомый тихий голос в голове. – Лучше подумай, кого он тебе напоминает?»

Это был странный вопрос. Гвендилена задумалась... Наверное, сын должен быть похож на отца, но уловить фамильное сходство было невозможно. Высокий, стройный, широкоплечий молодой Теобальд

ничем не напоминал господина графа, которого Гвендилена запомнила пузатым и кривоногим! Может быть, графиня не блюла верность мужу, а может быть, юноша просто удался похожим на мать...

Но сейчас это уже не имело никакого значения.

Застегивая пряжку плаща *джедри-айр* на плече, Теобальд бросил на нее взгляд – долгий взгляд, восторженный и нежный. Так – ну или почти так! – смотрел когда-то на принцессу Эвину юный певец Лейр Сладкоголосый. Так вот кого напомнил ей несостоявшийся убийца! Красавчик Лейр, что умел сочинять песни, трогающие сердца, и умер в пыточном подвале, так и не предав свою любовь...

«Умер по твоей вине, не забывай об этом!» – напомнил знакомый голос в голове, но Гвендилена лишь отмахнулась от него. Что прошло, то прошло, это было так давно!

– А теперь уходи, – вымолвила она, – да осторожнее, постарайся, чтобы тебя не заметили. И подбери свой кинжал с пола, мне не нужны чужие вещи!

Глава 8

В жаркий полдень в середине лета улицы Терегиста безлюдны. Жители скрываются в своих домах, торговцы закрывают лавки, и даже бродячие собаки лежат в тени, высунув языки и тяжело дыша. Пока не ослабеет зной, город кажется пустым, словно вымершим...

А в королевском дворце, несмотря на жару, жизнь идет своим чередом.

* * *

В малом обеденном зале стояла живительная прохлада. В небольшом фонтане – еще одном вдохновенном творении мастера Броквура – журчала вода, создавая приятную атмосферу, и солнечный свет, отражаясь в цветных витражах, рассыпал причудливые блики по стенам и потолку.

Королевская семья собралась за столом. Юная Амаласунта, прелестная и немного отрешенная – в последнее время она вся ушла в хлопоты по приготовлению приданого и мысли о скором отъезде к жениху, – принц Римеран в грубой холщовой рубаше, словно простой пехотинец, Альдерик, с бледным и строгим лицом, несмотря на жару, затянутый в черный суконный камзол... Ну и конечно, сам Хильдегард – осунувшийся, с седыми волосами и потухшим взглядом, восседающий во главе стола.

Король произнес короткую молитву (с некоторых пор он стал очень набожен!) и дал знак приступить к еде. К столу по случаю жары подавали холодный суп *мервилон*, мясо в кисло-сладком соусе, жареных цыплят, тушеные овощи... Сам Хильдегард, впрочем, довольствовался простой ячневой кашей и отваром из трав вместо доброго вина. «Умеренность во всем – вот что должно отличать истинно благородного мужа! – любил повторять он в последнее время. – Умение смирять свои телесные страсти угодно богам».

«Еще бы, легко смирять то, чего нет! Совсем старик, – рассеянно подумала Гвендилена, кинув быстрый взгляд на мужа из-под

опущенных ресниц, – а я ведь любила его когда-то! Даже странно».

Она осторожно зевнула, прикрыв рот ладонью.

– Ты выглядишь утомленной, любовь моя, – заметил Хильдегард, – наш малыш снова не давал тебе спать этой ночью?

– Да, он такой беспокойный...

Гвендилена действительно не выспалась, но, по правде говоря, младенец был совершенно ни при чем. Молодой Теобальд снова ушел из ее спальни под утро, и ночь пролетела как одно мгновение! Страсть молодого любовника, конечно, приятна, но дело не только в этом. Его восхищение и любовь, почти молитвенный восторг – вот что радовало ее по-настоящему, грело душу, заставляло сердце приятно трепетать... Недаром он напомнил ей Лейра Сладкоголосого! Что-то общее у них определенно было.

«Однако все-таки стоит быть осторожнее, – решила Гвендилена, – мой муж, конечно, постарел и ослаб, но из ума еще не выжил. И Альдерика не стоит списывать со счетов – уж он-то не упустит возможности насолить мне!»

– Тебе надо больше отдыхать и беречь себя, – наставительно сказал Хильдегард, – хотя, конечно, быть заботливой матерью – высшее предназначение женщины!

«Да уж... Эвина была куда как заботлива, ей ничего не нужно было, кроме как сидеть в тихом углу и квохтать над своим выводком, словно наседка... Но разве это ей помогло?»

Некстати вспомнив о бывлой сопернице, Гвендилена неожиданно почувствовала, как остро и болезненно сжалось сердце. Столько лет прошло, но вдруг это старое дело всплывает снова, как распухший и обезображенный труп утопленника? Что, если кто-то – например, Альдерик! – догадается о той роли, что она сыграла когда-то в том, что Хильдегард сослал бывшую супругу в отдаленное поместье?

Или уже догадался.

Гвендилена украдкой посмотрела на пасынка, но тот с невозмутимым видом разделявал тушку жареного цыпленка. Альдерик всегда ел очень аккуратно, словно брезгуя испачкать руки, пользовался за столом специальной двузубой вилкой и разделял мясо небольшим, но острым ножом с рукояткой из лазурита, отделанной золотом. Этот нож он всегда носил с собой и очень дорожил им.

Хильдегард отодвинул тарелку. То ли каша сегодня не удалась, то ли ему просто не хотелось есть, но большая часть осталась нетронутой... Он промокнул губы салфеткой и уже собирался было удалиться, пожелав домочадцам приятной трапезы, как делал нередко, но вдруг обвел глазами собравшихся и недовольно нахмурился.

– А где Людрих? – спросил он.

– Упражняется в стрельбе из лука с мастером Алларием! – отозвался Римеран, с энтузиазмом обгладывая куриную ножку. Он-то никогда не утруждал себя тонкостями этикета за столом! – Наверное, слишком увлекся... Если позволишь, отец, я пойду и приведу его!

Он уже отодвинул тяжелый дубовый стул, чтобы встать, но этого не понадобилось. Дверь распахнулась, словно от сильного порыва ветра. Раскрасневшийся, загорелый Людрих, растрепанный и счастливый, вбежал в обеденный зал, торопливо поклонился отцу и занял свое место за столом. Хильдегард вовсе не выглядел рассерженным или недовольным, напротив – смотрел на своего любимца с легкой улыбкой.

– Чем ты занимался сегодня? – спросил он.

– Мы с братом фехтовали на деревянных мечях, и я почти победил! – ответил Людрих, уплетая мясо с овощами за обе щеки. – Правда, Римеран?

Тот кивнул.

– Так и было! Почти, – очень серьезно подтвердил он, и лишь в глубине глаз притаилась легкая усмешка, – счастье еще, что скоро я стану *арвераном*, а то бы мне несдобровать!

Амаласунта фыркнула в кулачок, но Людриха уже было не остановить.

– А потом я стрелял из лука... И попал в кольцо семь раз из семи! – похвастался он. – Наставник Алларий говорит, что скоро я смогу участвовать в турнире! В следующем году он обязательно разрешит.

– Я горжусь тобой, сын мой, – Хильдегард потрепал мальчика по голове, – и верю, что ты непременно победишь!

Скрежет ножа по тарелке заставил Хильдегарда досадливо поморщиться. Альдерик с каменным лицом все кромсал тушку цыпленка, не замечая, что вот-вот прорежет тарелку!

– В чем дело, сын мой? Чем ты недоволен? Людрих твой брат и такой же мой сын, как и ты.

На щеках юноши вспыхнули красные пятна.

– Да! Но позволь напомнить, что моя мать была – и остается! – женщиной королевской крови, а не бывшей служанкой. К тому же я рожден после брачного обряда...

Этого король вынести не смог.

– Вон! – взревел Хильдегард. Лицо его побагровело, на лбу вздулись жилы, но в этот миг он как будто помолодел и стал похож на прежнего себя. – Вон отсюда, я не желаю тебя видеть!

Альдерик вскочил с места и выбежал прочь. Хильдегард побледнел и обмяк на стуле, словно вспышка гнева окончательно лишила его сил, юная Амаласунта расплакалась, закрыв лицо руками, Римеран сидел, опустив голову и уронив на стол пудовые кулаки...

Только Гвендилена осталась спокойна. Она смотрела не отрываясь на маленький нож с лазуритовой рукояткой, что Альдерик в спешке забыл прямо в тарелке с недоеденным цыпленком. Почему-то эта красивая вещица привлекла ее внимание больше, чем все происходящее! «Вещи нельзя разбрасывать где попало, – шепнул на ухо знакомый тихий голос, – ты ведь помнишь об этом, не правда ли?»

«Да, пожалуй, если эта вещица окажется не в том месте, от этого многое может измениться, – решила Гвендилена, – но для начала ее нужно заполучить...»

Она встала, подошла к Хильдегарду, нежно обняла его и поцеловала в висок.

– Прошу тебя, муж мой, не гневайся на сына! Он еще так молод...

Хильдегард накрыл ее руку своей.

– Благодарю тебя. Ты всегда была добра к моим детям. Может быть, даже слишком добра, но я не могу порицать тебя за это, – устало ответил он и, чуть помедлив, добавил: – Поистине, только боги могут наградить человека столь прекрасной и добродетельной женой! Жаль, что в придачу они не дали мне почтительного сына.

Гвендилена скромно опустила ресницы.

– Я хотела бы удалиться сейчас. Наш малыш ждет меня! Ты позволишь?

– Да-да, конечно...

Проходя мимо того места, где только что сидел Альдерик, Гвендилена вдруг покачнулась и схватилась за стол. Как будто случайно она задела тарелку широким рукавом и смахнула ее на пол. Осколки тонкого фарфора со звоном разлетелись по каменным плитам вперемешку с недоеденными остатками цыпленка.

– О, я такая неловкая! – Гвендилена беспомощно улыбнулась. – Просто голова закружилась. Наверное, это из-за бессонной ночи.

– Я же говорил, что тебе нужно больше беречь себя! – король выглядел встревоженным. – Сейчас же прикажу служанкам проводить тебя в спальню!

– Нет-нет, благодарю тебя, любовь моя, – отозвалась Гвендилена, стараясь поудобнее припрятать в рукаве маленький ножик с лазуритовой рукояткой, – все хорошо, не волнуйся за меня!

Глава 9

Долгий жаркий день подходил к концу. Сидя у окна в своей спальне, Гвендилена рассеянно вертела в руках маленький ножичек. Заполучить эту вещицу было непросто, но еще труднее – придумать, что делать с ней дальше!

Снова и снова Гвендилена вспоминала давешнюю ссору за обедом.

«Альдерик ненавидит меня, но это давно уже не новость, – рассуждала она, – к счастью, он еще молод и не умеет держать себя в руках, потому и рассердил отца сегодня. Хильдегард с радостью сделал бы наследником Людриха, своего любимца... Но есть закон, что предписывает передавать трон старшему сыну, к тому же Людрих еще несовершеннолетний! Ссора за столом – слишком уж мелкий повод для того, чтобы пойти против вековых традиций».

«А что, если повод будет более значительным? – шепнул на ухо знакомый тихий голос. – Что, если у короля отнять то, чем он больше всего дорожит?»

Гвендилена задумалась. В последнее время Хильдегард совсем отошел от земных дел и отрешился от всех привязанностей...

Кроме одной.

«Людрих. Ну конечно! Если уж есть в этом мире кто-то, кого Хильдегард любит по-настоящему, то это он – сын ничтожной прачки, который когда-то помог мне стать королевой... Поэтому Альдерик так злится и ревнует. Он с радостью отправил бы сводного брата в монастырь или сделал *арвераном*, но на убийство он не пойдет!»

«То, что не сделает один человек, всегда может сделать другой, – наставительно произнес голос в голове, – а если рядом с телом найдут любимый нож Альдерика...»

Гвендилена с трудом сглотнула вязкую слюну. Горло сжалось, перехватило дыхание... Пусть она и не испытывала к пасынку особой любви и привязанности, даже досадовала порой, что вынуждена была столько лет притворяться и лгать, называя его сыном, но сама мысль о том, чтобы убить его – веселого и добродушного мальчугана, который в жизни не сделал никому зла, – была ужасна, даже чудовищна!

Но голос был неумолим, и заставить его замолчать было не так-то просто.

«Что ж, как хочешь, – продолжал он, – можешь оставить все как есть. Возможно, когда Хильдегард умрет, Альдерик позволит тебе удалиться в замок Кастель-Мар, чтобы доживать там свой век... А может быть, и нет. Как ты думаешь, долго ли проживет твой сын без тебя?»

Он помолчал недолго и уточнил:

«Твой *настоящий* сын, которого ты так ждала, вымаливала у богов...»

Голос в голове звучал проникновенно, почти сочувственно:

«Наверное, тяжело будет провести оставшиеся годы в монастыре или темнице и знать, что ты могла предотвратить это, но не стала! Зато совесть твоя будет чиста... Не совсем, конечно, но все же».

Гвендилена вспомнила сестру Айю, маленького Римерана, певца Лейра Сладкоголосого, короля Людриха... «Да уж, праведницей меня не назовешь! – с горькой усмешкой подумала она. – Иначе я давным-давно сгинула бы от тяжелого труда, от голода, от любой прихоти сильных мира сего... И уж точно не стала бы королевой!»

«Верно, – согласился голос в голове, – а потому прекрати тратить время напрасно и попусту терзаться сомнениями!»

Гвендилена упрямо замотала головой.

«Нет, нет, я все равно не смогу убить своего названного сына! К тому же Людрих вырос крепким и ловким подростком...»

Зловредный голос в голове ехидно хихикнул.

«Глупая женщина! – снисходительно произнес он. – Разве все и всегда нужно делать самой? Ты столько лет была королевой и не знаешь этого?»

Гвендилена задумалась. Конечно, сделать все чужими руками было бы гораздо проще и легче... Но кто пойдет на такое?

«Хороший вопрос, – согласился голос в голове, – такое дело нельзя доверять кому попало! Подумай, кто предан тебе душой и телом? Кто не мыслит жизни без тебя? Кто ради тебя предпочел забыть о мести, которую лелеял много лет?»

Перед глазами Гвендилены на миг предстало лицо Теобальда, его взгляд – покорный, молящий и нежный. «Для меня он пойдет на все, – подумала она, – недаром он так напоминает покойного Лейра! Жаль,

что потом придется избавиться и от него – он красив и к тому же прекрасный любовник... Но с другой стороны – при дворе немало других молодых людей, наделенных многими достоинствами. Зато малыш Ригор унаследует трон своего отца и станет королем, когда подрастет. А что до Людриха... Что ж, он и так прожил гораздо дольше, чем мог бы, учитывая все обстоятельства! Его жизнь была счастливой, не омраченной ничем, а смерть будет быстрой и безболезненной».

Гвендилена отложила в сторону нож с лазуритовой рукояткой. Теперь, когда решение было найдено, она чувствовала значительное облегчение, как человек, который долго блуждал по лесу и наконец вышел на проторенную тропу. Пусть впереди еще долгий путь, но если знаешь, куда идти, преодолеть его становится намного проще!

«Теперь все будет хорошо, – думала она, – как известно, все еще может измениться!»

Глава 10

В небе взошла полная луна, но в эту ночь ее серебристый диск казался багровым, будто запятнанным кровью. Кровавая луна издавна считалась недобрым предзнаменованием в Терегисте, и потому жители плотно закрывали ставни, задерживали шторы, чтобы лучи не проникали внутрь, не приносили в дома зло и раздоры...

После сигнала к тушению огней королевский дворец погрузился в темноту и тишину. Лишь в покоях Гвендилены горел маленький светильник, и пламя озаряло комнату колеблющимся неверным светом.

«Неужели он не придет? Не придет именно сегодня?» – тревожно думала она, вслушиваясь в малейший шорох. Может быть, впервые Гвендилена с таким нетерпением ждала своего любовника!

Наконец в коридоре послышались быстрые легкие шаги, потом кто-то тихо поскребся в дверь, словно загулявший кот, что возвращается домой на рассвете. Гвендилена знала, что у Теобальда есть чудо-ключ, изготовленный мастером Броквуром и подходящий ко всем замкам во дворце. Старый мошенник не смог устоять перед крупным бриллиантом – последним остатком достояния покойного графа Ральхингера! Камень понадобился ему для того, чтобы изготовить какую-то особую линзу для одного из будущих изобретений, а Теобальд получил возможность проходить куда пожелает. С помощью этого ключа он проник в ее спальню, когда у них все случилось в первый раз... Правда, с того дня он уже не смел им пользоваться и смиренно ждал, пока она впустит его.

Гвендилена метнулась к двери, осторожно открыла, стараясь, чтобы не закрипела створка, не щелкнул замок. Теобальд стоял на пороге. Его глаза сияли ей навстречу такой искренней радостью, что Гвендилена невольно смутилась и на мгновение отвела взгляд.

– Входи быстрее...

Теобальд потянулся было, чтобы поцеловать ее, но Гвендилена легко отстранила его.

– Постой, – она покачала головой, – не сейчас! Мне нужно поговорить с тобой. Это очень важно!

Гвендилена указала Теобальду на мягкое кресло, но сама осталась стоять, скрестив руки на груди. Вид у юноши был немного удивленный – еще бы, от этой встречи он ожидал совершенно другого! – но он покорно ждал, что она скажет, не выказывая нетерпения.

– Послушай, Теобальд, – медленно, взвешивая каждое слово, начала она, – помнишь ли ты, зачем пришел сюда впервые?

Теобальд покраснел и опустил голову. А Гвендилена безжалостно продолжала:

– Ты хотел ведь убить моего мужа, так?

Он хотел было что-то сказать, но Гвендилена остановила его движением вытянутой руки.

– Молчи, не говори ничего! Я знаю, у тебя были на то причины – Хильдегард погубил твоего отца, ты поклялся отомстить... Ты хотел причинить ему боль? Заставить его страдать?

Юноша решился вставить слово:

– Это было раньше... До того, как я узнал вас, госпожа королева!

Он чуть замялся и с легкой мечтательной улыбкой добавил:

– Моя госпожа...

– Молчи и слушай, – прервала его Гвендилена, – убить человека – не самое страшное, что можно сделать с ним!

– Да... Я только сейчас это понял, – признался Теобальд, – потерять любовь гораздо страшнее!

– Верно, – согласилась Гвендилена, – если ты хочешь заставить его терзаться до конца дней, не зная покоя ни днем, ни ночью, ты должен убить не его.

– А кого же? – Теобальд уставился на нее непонимающим взглядом.

Гвендилена выпрямилась во весь рост, скрестила руки на груди и ответила спокойно и твердо:

– Ты пойдешь и умертвишь Людриха, его сына.

– Вашего сына, госпожа? – в глазах юноши мелькнул подлинный ужас.

Гвендилена покачала головой.

– Он не мой сын. Не спрашивай ни о чем, так уж вышло... Слушай и не перебивай! Ты возьмешь этот нож, проникнешь в его спальню – ты же знаешь, как это делается, не так ли? – дождешься,

пока он заснет, и убьешь его. Нож оставишь на месте, это очень важно, не забудь!

– Но зачем? – тихо спросил Теобальд. Лицо его выражало смещение и страх, видно было, что сейчас он охотно сбежал бы куда глаза глядят...

Если бы только мог.

– Я же сказала – не спрашивай ни о чем! – повторила Гвендилена. Она подошла к любовнику и, обняв его, зашептала в ухо горячо и страстно:

– Если ты сделаешь все как нужно, ты станешь моим тайным королем, мы всегда будем вместе, и никто не помешает нам... Понимаешь?

Она слегка отстранила его и сказала уже другим тоном, сухо и холодно:

– А если нет – ты никогда не увидишь меня снова.

Теобальд опустил голову.

– Да, госпожа! Я все сделаю ради вас.

Голос его звучал глухо и как-то механически, безо всякого выражения. Он встал и направился к двери, но почему-то даже походка у него изменилась! Он двигался тяжело и неуклюже, словно враз постарел на много лет.

На миг Гвендилена почувствовала, как в груди словно что-то перевернулось. Она вспомнила, как когда-то давно крошечный Людрих засыпал у нее груди, как Хильдеград – тогда еще молодой и сильный! – впервые поднял его на руки при всех, впервые назвал ее своей королевой...

– Постой!

– Да, госпожа? – Теобальд обернулся, и в глазах на миг появилась надежда, что Гвендилена передумала и ему не придется исполнять ее ужасный приказ.

– Постарайся, чтобы он... не проснулся.

Глава 11

Гвендилена не думала, что сможет заснуть этой ночью хотя бы на мгновение, но, против ожиданий, провалилась в сон, едва прилегла на ложе. Разбудил ее шум в коридоре – топот чьих-то ног, приглушенные голоса... «Ну вот... Значит, *это* уже произошло!» – мелькнуло у нее в голове. Сердце стукнуло больно и глухо, а потом словно провалилось куда-то вниз.

Дверь распахнулась, и в комнату вбежала старшая фрейлина Альдена. Растрепанная, в плаще с капюшоном, наспех накинутом поверх ночной рубашки, сейчас она выглядела не знатной дамой, а обычной, насмерть перепуганной женщиной.

– Кто там? Что случилось? – протянула Гвендилена, чуть приподнявшись на ложе.

– Госпожа... – лицо фрейлины было перекошено, из глаз текли слезы, она запыхалась так, что с трудом могла говорить, – госпожа, ваш сын Людрих...

– Что с моим сыном? – быстро спросила Гвендилена. – Что с моим сыном, говори скорее, не молчи!

– Он... на него напали! Кто-то пытался убить его, – выпалила Альдена.

– Пытался убить? Кто? – Гвендилена чувствовала, как ее голос срывается на крик.

Паника захлестнула ее мутной холодной волной, подкатилась под горло... Гвендилена прикусила губу так, что кровь потекла по подбородку. «Пытался? Значит, Людрих жив, все было напрасно... И что будет теперь? Если Теобальд выдаст меня, это конец!» – думала она, тщетно пытаясь понять, что произошло и как вести себя дальше.

К счастью, фрейлина поняла ее по-своему.

– Успокойтесь, госпожа королева, – Альдена кинулась утешать ее, – ваш сын жив. Принц Римеран сумел защитить его! Он убил нападавшего – это был один из *джедри-айр*, – но сам... сам...

Она расплакалась. Римерана многие любили во дворце! Непонятно было, как он вообще оказался в комнате Людриха. Но если Теобальд убит, значит, не сможет выдать ее, а это в сложившихся

обстоятельствах уже хорошая новость. «Не все потеряно, – решила Гвендилена, – надо разобратся, оглядеться на месте...»

– Я должна быть там! – строго сказал она. – Прямо сейчас, немедленно! Альдена, подай мне платье, да поскорее. Да не это, другое... Черное с красным подойдет.

* * *

Путь до комнаты принца Гвендилена преодолела почти бегом. Альдена едва поспевала за ней.

У дверей столпились слуги. Солдаты *джедри-айр* охраняли вход и время от времени приказывали любопытствующим разойтись, но их никто не слушал, а разгонять приказа, видимо, не поступало.

Когда Гвендилена подошла ближе, из комнаты принца ей навстречу вышел Анграив – бессменный командир *джедри-айр*. За прошедшие годы он почти не изменился, только поседел немного, да прибавилось морщин на грубом, словно топором вырубленном, лице.

– Простите, госпожа, но вам туда нельзя, – Анграив старался говорить учтиво, хотя получалось у него не то чтобы очень, – женщине не годится видеть такое.

Гвендилена гордо вскинула голову.

– Я не только женщина, я – твоя королева! – отчеканила она. – И пока это так, мои слуги не будут указывать мне, что делать.

И, зло сощурив глаза, добавила:

– Особенно те, кто не сумел разглядеть измену под самым носом.

Анграив не выдержал ее взгляда – смутился и даже как будто стал меньше ростом. Много лет спустя, уже покинув королевскую службу и поселившись в маленьком приморском городке, он будет коротать свои дни, распивая вино в дешевом кабаке... и просыпаться по ночам в холодном поту, вспоминая этот взгляд. «Я видел самый ад», – говорил он случайным собутыльникам, и те понимающе кивали, особенно если Анграив платил за выпивку.

Гвендилена легко отстранила его, вошла... Да так и ахнула, застыв у порога. Слуги успели принести несколько фонарей, и было светло почти как днем, но в чем-то начальник стражи был прав – такого лучше бы не видеть никому!

В комнате царил полный разгром. Кровавая луна смотрела в окно, и на фоне произошедшего лик ее выглядел особенно зловещим. Видно, что здесь была настоящая схватка! Мебель опрокинута, вдребезги разбиты вазы из цветного стекла и лампа на высокой ножке, белая медвежья шкура на полу, что особенно нравилась Людриху, скомкана и обильно запачкана кровью. Казалось, несчастного зверя только что убили еще раз...

Однако на самом деле погиб совсем не он. Мертвый Теобальд лежал на полу, раскинув руки, а из груди у него торчал кинжал, с которым Римеран никогда не расставался. Сам Римеран, раненый в грудь коротким, обоюдоострым мечом – оружием *джедри-айр*, – был без сознания, но еще жив. Он судорожно хватал воздух, и на губах его при каждом выдохе вздувались алые пузыри.

Людрих лежал на ложе, бледный как полотно. Вокруг него хлопотал лекарь, перевязывая рану на шее.

Увидев Гвендилену, мальчик приподнялся ей навстречу.

– Матушка... – вымолвил он. Его лицо как-то жалко искривилось, по щекам потекли слезы... Видно было, что он долго крепился и старался быть храбрым, но теперь не выдержал и снова стал тем, кем, собственно, и был на самом деле – перепуганным мальчишкой, который хочет уткнуться лицом в подол материнской юбки.

В этот миг Гвендилена готова была провалиться сквозь землю от стыда. Однако роль скорбящей и напуганной матери нужно было играть до конца любой ценой! Присев на край ложа, она принялась гладить Людриха по волосам, приговаривая:

– Да, да, я здесь, я с тобой, все будет хорошо...

Людрих прижался щекой к ее руке – доверчиво, совсем как в детстве, когда он засыпал у ее груди. Вспомнив об этом, Гвендилена совсем расчувствовалась. Сейчас она была даже рада, что пасынок остался жив. Хотелось обнять его, прижать к себе, поцеловать...

А главное – поскорее забыть о том, что она сама подослала к нему убийцу.

Гвендилена склонилась к мальчику, и тут на полу рядом с кроватью она увидела нечто такое, что заставило ее сердце забиться часто-часто. Нож! Тот самый маленький ножик с лазуритовой рукояткой. Лезвие было обильно запачкано кровью. «Бедный Теобальд, ему и тут не повезло!» – рассеянно подумала Гвендилена.

Она поцеловала Людриха в лоб и строго спросила лекаря:

– Что с моим сыном? Его рана опасна?

Лекарь покачал головой.

– Нет, ваше величество! Он скоро поправится.

– А что с Римераном?

Лицо лекаря стало скорбным.

– Ему уже не помочь. Если боги будут милостивы к нему, он умрет, не приходя в сознание.

Однако, словно услышав свое имя, принц Римеран пришел в себя, застонал и открыл глаза. Гвендилена кинулась к нему, опустилась на колени рядом, отерла кровь с лица...

– Людрих жив? – с трудом произнес он.

– Да-да, все хорошо, его рана не опасна! Ты спас ему жизнь.

Улыбка тронула его губы. На изуродованном лице она выглядела странно, даже нелепо, как маска рыночного клоуна, но в этот миг Гвендилена увидела юношу таким, каким он должен был стать, если бы не упал в очаг, – прекрасным, по-настоящему прекрасным!

– Я говорил... что всегда буду защищать его! – вымолвил Римеран. При каждом слове на его губах пузырилась кровь, видно было, что он умирает, но он силился сказать еще что-то.

Гвендилена вспомнила, как много лет назад маленький Римеран осторожно прикоснулся к ее беременному животу... Своим дурацким поступком он нарушил ее планы, но сейчас, держа его голову на коленях, баюкая его, словно ребенка, она плакала, не пряча слез.

– Не надо, молчи, тебе нельзя говорить, все будет хорошо, тебе помогут, ш-ш-ш, успокойся...

Наконец Римеран затих. Его глаза остекленели, и на лице застыло строгое и торжественное выражение, словно теперь, после смерти, он приобщился к чему-то важному, о чем не дано знать живущим.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату вошел сам Хильдегард в сопровождении слуг и солдат *джедри-айр*. Он выглядел как человек, находящийся между сном и явью, который не может до конца поверить в происходящее...

И скорее всего, так и было на самом деле.

– Что здесь происходит? – спросил он. Хильдегард старался держаться с достоинством, но голос его заметно дрожал.

Гвендилена поднялась с колен, отерла слезы.

– Твой сын Римеран только что умер, – ответила она, – он погиб, защищая младшего брата от убийц! К счастью, Людрих вне опасности...

Хильдегард подошел к постели сына, провел рукой по его лицу и голове, словно желая убедиться, что мальчик действительно жив.

– Что случилось, сын мой? – тихо спросил он.

– Мы с братом играли в *тавл-рут* вечером, после сигнала к тушению огней, – неохотно признался Людрих, – он принес вина... И мне налил – немного, совсем немного! Я выпил... Было вкусно, только голова закружилась. А он сам выпил почти целую флягу и заснул. Я не стал его будить.

Хильдегард нахмурился. Казалось, даже сейчас он был недоволен, что младший сын тайком выпил вина...

– А что потом? – строго спросил он.

– Я тоже заснул. Услышал шорох, проснулся, потом кто-то полоснул меня ножом по шее.

– Этим ножом? – Гвендилена подняла с пола окровавленный нож с лазуритовой рукояткой – осторожно, двумя пальцами, словно он был змеей или ядовитым насекомым.

– Да-да, наверное... – Людрих покосился на нож с опаской, – я закричал, стал вырываться, проснулся брат, они дрались, и вот...

– Он был один? – спросила Гвендилена. – Тот, кто напал на тебя?

Людрих выглядел удивленным и озадаченным. Видно было, что он старается припомнить все события до мельчайших деталей, но не может. «Правду говорил Альдерик, что вино притупляет ум! – подумала Гвендилена. – Хотя, похоже, теперь ему это уже не поможет».

– Я... я не знаю! Я ничего не видел! – выпалил Людрих. Казалось, он готов расплакаться – на этот раз от собственной беспомощности. – Было темно... Все случилось так быстро! Я не помню!

– Ничего, дорогой, все уже кончилось! – Гвендилена легко прикоснулась к его голове и заговорила успокаивающе и ласково: – Тебе нужно отдохнуть... Все будет хорошо, вот увидишь!

И приказала слугам:

– Перенесите принца в другую комнату! Пусть лекарь останется с ним до утра.

Мальчика унесли – он хотел идти сам, но лекарь не позволил, опасаясь, что рана может открыться.

Обернувшись к Хильдегарду, совершенно растерянному, раздавленному произошедшим, Гвендилена произнесла совсем другим тоном – холодно и даже резко:

– Скажи мне, муж мой, ты ведь знаешь, чей это нож? Ты видел его раньше?

Хильдегард близоруко прищурился... И вдруг побледнел так, словно вся кровь отхлынула от лица.

– Да, видел... – вымолвил он тихим, шелестящим, каким-то неживым голосом, – это нож Альдерика! Он говорил, что мать подарила его ему...

Король без сил опустился в кресло.

– Приведите его сюда! Я хочу видеть моего сына Альдерика сейчас, немедленно, – устало вымолвил он и, накрыв ладонью руку Гвендилены, попросил: – Останься со мной, прошу тебя. Мне... Мне нужна будет твоя поддержка.

– Да, разумеется, – она скромно опустила ресницы, – как скажешь, мой супруг...

«По крайней мере, не придется подкупать слуг, чтобы узнать, о чем вы говорили», – подумала она.

Ожидание тянулось бесконечно долго. Находиться рядом с мертвыми телами было просто невыносимо, но Хильдегард не позволил слугам вынести их.

– Потом, после! – отмахнулся он. – Сначала я хочу поговорить с моим сыном. Здесь и сейчас!

Гвендилена старалась не смотреть в сторону Теобальда. Даже мертвый, он был так красив! Мучительно было вспоминать о том, что эти губы целовали ее совсем недавно, эти руки обнимали так нежно и сильно... А теперь он убит, и только она сама в этом виновата.

«Лучше подумай, что делать дальше, – тревожно шепнул тихий голос в голове, – что случилось, то случилось, его уже не изменить...»

Наконец в дверь постучали.

– Кто там, входите! – нетерпеливо крикнул Хильдегард.

На пороге появился солдат *джедри-айр* – совсем еще молодой, рыжий, вихрастый, весь в веснушках. Лицо его выражало крайнюю растерянность и недоумение.

– Простите, ваше величество, но принц Альдерик... Его нет в его комнате!

И, взъерошив пятерней и так растрепанную шевелюру, добавил:

– И во дворце, похоже, тоже нет.

Хильдегард закрыл лицо руками. Из груди его вырывались какие-то странные звуки – не то стоны, не то рыдания.

– Значит, это правда... – повторял он, – это правда... О боги, боги, за что вы так наказываете меня!

Глава 12

Альдерика арестовали на рассвете, когда он шел, озираясь, по безлюдной узкой улочке, прикрыв лицо капюшоном грубого суконного плаща, из тех, что носят простолюдины. Потом говорили, что он собирался бежать и потому направлялся в сторону городских ворот, но сам Альдерик клялся всеми богами, что всего лишь возвращался во дворец после того, как тайком провел ночь в «веселом доме» мамыши Серидоны, что нож он потерял накануне, но не помнит, где именно, что не собирался убивать младшего брата и не подбивал на это черное дело Отиса из Арн-Круса... Он твердил это снова и снова – по крайней мере, пока еще мог говорить осмысленно и внятно.

Принцу не повезло вдвойне. Если бы *джедри-айр* застали его в своей постели, у него еще оставался бы хоть крошечный шанс оправдаться перед отцом, а если бы выбрал другой бордель, могли бы найтись свидетели, готовые подтвердить его невиновность в покушении на брата. Однако в заведении Серидоны, известном во всем Терегисте самыми красивыми девушками и хорошими винами, богатым гостям, если они пожелают, разрешалось приходить в маске и не снимать ее даже во время любовных утех. Почтенные и уважаемые отцы семейств особенно ценили эту услугу, и у мамыши Серидоны просто отбоя не было от клиентов!

Альдерик упорствовал и все отрицал, однако обвинение было столь тяжким, а улики столь очевидными, что Байрюс, главный королевский обвинитель, приказал применить допрос с пристрастием, чтобы обвиняемый мог признаться и очистить свою душу. Конечно, пытать принца и наследника трона было делом неслыханным, однако, когда Байрюс обратился за санкцией к королю, Хильдегард только махнул рукой и сказал:

– Поступайте с ним по закону! Так же, как поступили бы с любым другим.

Римерана похоронили на следующий день с почестями, как хоронят погибших в бою героев. На церемонию собралось полгорода... Присутствовал и магистр ордена Золотого Щита. Ни

слова не говоря, он подошел к гробу, накинул сверху плащ *арверана* и так же молча удалился.

После случившегося Хильдегард слег в постель, перестал принимать пищу и почти не разговаривал. Он словно хотел умереть поскорее, чтобы не видеть происходящего и тем более не принимать в нем участия. Напрасно лекари суеились вокруг со своими склянками, напрасно плакала Гвендилена, умоляя мужа проявить волю к жизни – хотя бы ради нее, ради оставшихся детей, особенно Людриха, который только что пережил смерть любимого брата и все время спрашивает, почему отец не приходит к нему...

Она и впрямь беспокоилась – если Хильдегард умрет, не оставив завещания, Королевскому совету придется решать, кто станет регентом при малолетнем наследнике. Это означает настоящую схватку между представителями старой знати Терегиста, которые по привычке считают его вольным городом, и новой аристократии из приближенных Хильдегарда. Гвендилена была уверена, что у нее в этой схватке победить почти нет шансов.

Однако Хильдегард лишь качал головой и вежливо, но твердо просил оставить его одного. Гвендилене пришлось отступить и просто ждать, чем все закончится. Она утешала Людриха, который больше переживал из-за смерти брата, чем из-за своей раны, возилась с маленьким Ригором, словно хотела возместить ему время и внимание, что недодала в те дни, когда предавалась любовным утехам с Теобальдом, но все равно не находила себе места от постоянной тревоги.

На третий день Хильдегард поднялся с постели и даже приказал созвать Королевский совет. О чем говорилось на нем – Гвендилена очень хотела бы узнать... Целый день она пребывала в мучительном неведении. Вечером, сразу после захода солнца, в ее покои явился Яспер. Когда-то он был доверенным слугой Хильдегарда еще в Кастель-Маре... С ним король не пожелал расстаться, даже придумал для него должность «главного королевского постельничего».

А сейчас Яспер снова стоял перед ней. «Совсем как в те времена, когда он сопровождал меня на тайные свидания к принцу!» – подумала Гвендилена. Фрейлины, окружающие ее, выглядели немного растерянными – они не знали, как вести себя с человеком, который, с одной стороны, является слугой, а с другой – близок к королю, как

никто. Они переглядывались между собой, пытаясь сообразить, присесть ли перед ним в реверансе или, пожалуй, не стоит?

Со стороны это выглядело довольно потешно, но Ясперу, казалось, было все равно.

– Ваше величество, король желает видеть вас, – произнес он, отчеканивая каждое слово, потом подумал немного и добавил: – И немедленно.

«Не хватает только плаща *джедри-айр*, под которым когда-то Яспер проводил меня в замке Кастель-Мар! – подумала Гвендилена. – Хотя сейчас нам точно будет не до утех...»

– О да, разумеется! – она окинула взглядом фрейлин и служанок, но решила, что сегодня стоит обойтись без свиты. – Идем, я готова.

* * *

Хильдегард полусидел на ложе, обложенный подушками. Он тяжело дышал, цвет лица был землисто-серым, а в глазах застыло выражение тоски и обреченности. Видно было, что он уже смирился со своей участью, и лишь необходимость устроить земные дела еще держала его на этом свете.

– Здравствуй, любовь моя, – Гвендилена хотела было подойти, чтобы обнять и поцеловать мужа, но он остановил ее одним движением вытянутой ладони.

– Не сейчас. Послушай меня, Гвендилена! Это важно.

Гвендилена послушно опустилась на стул возле кровати, сложив руки на коленях, словно маленькая девочка, ожидая, что скажет супруг.

Хильдегард мучительно закашлялся, потом долго старался отдышаться и, наконец, заговорил:

– Я составил завещание. Оно надлежащим образом засвидетельствовано и доведено до сведения Королевского совета. Наследником станет Людрих, ты будешь регентшей до его совершеннолетия...

Гвендилена постаралась ничем не выдать своей радости. Конечно, она бы хотела, чтобы наследником стал младенец Ригор, но, как говаривал покойный отчим когда-то, «нельзя иметь все и сразу». К тому же, как известно, все еще может измениться... Во всяком случае,

тюрьма, монастырь или ссылка в ближайшее время ей точно не угрожают!

– А что станет с Альдериком? – решила спросить она.

Лицо Хильдегарда стало жестким и одновременно скорбным.

– Изменник не может наследовать! – с горечью вымолвил он. – Мой сын признался... Признался во всем – в попытке убить младшего брата, в заговоре против меня, в том, что пошел на это по наущению матери и сестры, назвал сообщников – нескольких юношей из благородных семейств... Он признался даже в хищении денег из казны и оскорблении святынь! Вот уж никогда бы не подумал.

Хильдегард сокрушенно покачал головой. «Видимо, палач был в ударе! – решила Гвендилена. – Еще немного – и несчастный Альдерик покалялся бы в том, что вызвал засуху, нашествие саранчи и войну с тойренами двести лет назад!»

– Но несмотря на это, – Хильдегард заговорил вдруг спокойно и твердо, тоном, не терпящим возражений, – несмотря на это, я не смогу казнить моего сына. Он отправится в монастырь и проведет там всю оставшуюся жизнь. Это решение будет справедливым и милосердным!

Гвендилена почувствовала легкое беспокойство. Пока Альдерик жив, он опасен для нее, это она знала точно. Тем более что монастырь – не тюрьма, вряд ли кто-то будет охранять его там постоянно, и, если Альдерик вознамерится бежать, это будет совсем не так уж сложно. А что будет дальше? У принца, отлученного от трона, всегда найдутся сторонники, которые постараются помочь ему вернуть себе власть, – разумеется, в чаянии будущих милостей нового правителя.

– Ты решил простить ему измену и покушение на Людриха? – спросила Гвендилена.

Но Хильдегард упрямо покачал головой.

– Мой сын безумен, – вымолвил он, и в голосе звучала такая печаль, что Гвендилене стало жаль его, – сегодня я видел его, посетил в темнице... Думаю, на преступление он пошел, находясь в помрачении рассудка. Признаюсь, это немного утешает меня! Безумных нельзя карать за их поступки, они не отвечают за себя. Он то мычит, как животное, то плачет, то смеется диким смехом, а если говорит, то так сбивчиво и невнятно, что его просто невозможно понять.

«Палач, однако, понял! – отметила про себя Гвендилена. – Хотя, конечно, у него большой опыт в истолковании признаний. Тут и говорить-то не обязательно, достаточно лишь кивнуть...»

А Хильдегард тем временем продолжал:

– Например, сегодня, увидев меня, он очень обрадовался, бросился навстречу так, что чуть не выдернул из стены цепь, которой был прикован... Он бредил и все время бормотал о каких-то подвязках с монограммой, повторял, что подвязки и нож – суть одно и то же! Ну разве это не безумие?

Гвендилена похолодела. «Значит, он все-таки догадался! – поняла она. – Он или его мать... Да, впрочем, не важно. Альдерик всегда был неглуп и книги свои читал не напрасно! А тут еще Эвина, тихая смиренница, подлила масла в огонь – может быть, даже не намеренно. Важно одно – он *знает!*»

Гвендилена прикусила губу и до боли стиснула пальцы, но Хильдегард, казалось, не замечал этого.

– Завтра же я объявлю, что суда над моим сыном не будет. Его заберут из темницы, отвезут в монастырь святого Аргилара в горах, монахи будут заботиться о нем... Может быть, его душа успокоится и безумие пройдет.

«Только этого еще не хватало!» – Гвендилена испугалась еще больше. В самом деле, что, если в монастыре Альдерик придет в себя и сумеет изложить эту историю более связно? Мало ли кто услышит ее...

А главное – поверит.

Хильдегард улыбнулся, легко погладил Гвендилену по руке.

– Наверное, это последнее, что мне осталось сделать в этой жизни. Я скоро умру... Нет, не надо, не плачь! Я верю в тебя, дорогая. Ты сможешь достойно распорядиться тем, что я оставляю тебе, будешь наставлять Людриха, пока он не достигнет совершеннолетия, а потом – помогать ему в делах. Живи долго, а я буду ждать тебя там, в Далеких полях, и мы встретимся, непременно встретимся! Помнишь, как я сказал тебе на нашей свадьбе? «Только ты и я, навсегда». И это правда...

Его речь постепенно стала невнятной, переходя в сонное бормотание. Лицо разгладилось, на губах появилась легкая улыбка,

дыхание выровнялось. Король спал и выглядел таким счастливым и умиротворенным!

Гвендилена долго смотрела на него. Она вспоминала мужа молодым и сильным, вспоминала те дни, когда любила его всем сердцем и ее тело трепетало от одного лишь его прикосновения... А теперь он лежит, такой беспомощный и жалкий, дни его сочтены, и с этим ничего уже не поделаешь.

«Зато помиловать Альдерика он вполне успеет! – шепнул знакомый голос в голове. – Ты и правда думаешь, что остаток дней он тихо проведет в монастыре, ничем не потревожив тебя?»

Гвендилена вздохнула. Она смахнула слезу, осторожно убрала седую прядь, упавшую на лоб Хильдегарда, потом взяла в руки маленькую вышитую подушку.

– Только ты и я, навсегда! – повторила она... И, положив подушку ему на лицо, навалилась сверху.

Глава 13

За окнами занимался рассвет. Восковая свеча горела на столике у кровати. Слуги уже накрыли тело короля вышитым покрывалом с гербами и унесли, чтобы подготовить к погребению. Гвендилена стояла, сложив руки на груди и глядя прямо перед собой сухими, покрасневшими глазами.

– Госпожа королева, – Яспер чуть тронул ее за плечо, – госпожа королева, вам нужно отдохнуть! Позвольте, я провожу вас в ваши покои? Или, может быть, позвать целительницу – кажется, ее зовут Ги́ла? Думаю, она сможет помочь вам сейчас...

В голосе его звучала непривычная мягкость. Гвендилена никогда не думала, что этот человек способен сочувствовать ей!

– Нет, – она упрямо покачала головой, – позже, не теперь. Позови Анграйва, начальника *джедри-айр*! Я должна поговорить с ним немедленно... И наедине.

– Слушаюсь, – Яспер почтительно склонился перед ней. Впервые в жизни Гвендилена почувствовала себя настоящей королевой – не женой короля, но персоной, облеченной отныне собственной властью.

– Ступай... И приведи его поскорее!

Гвендилена без сил опустилась в кресло, закрыла глаза... Она устала, очень хотелось заснуть хотя бы ненадолго, но нельзя – впереди было еще одно важное дело, и выполнить его нужно было как можно скорее. «Я только отдохну немного, – пообещала она себе, проваливаясь в дремоту, – совсем чуть-чуть...»

Ее разбудил звук тяжелых шагов по каменному полу.

– Ваше величество, вы желали видеть меня? – Анграйв стоял на пороге.

– Да, входите! – Гвендилена пригладила волосы и постаралась придать лицу приличествующее случаю скорбное выражение. – Я хочу поговорить с вами о весьма деликатном деле.

– Слушаю вас, госпожа королева, – голос Анграйва звучал совершенно бесстрастно. Гвендилена даже забеспокоилась – неизвестно, чего можно ожидать от человека, если он ведет себя, словно каменное изваяние!

– Как вам известно, мой муж и ваш король только что скончался, – осторожно начала она.

– О да, это огромная утрата, и, поверьте, я скорблю вместе с вами, госпожа королева. Люди смертны, тут уж ничего не поделаешь, – отозвался он тем же лишенным выражения голосом.

Гвендилена досадливо поморщилась. Только таких соболезнований ей не хватало!

– Перед смертью он рассказал мне о завещании, – продолжала она.

– Да, госпожа, – Анграйв кивнул, – я прочел этот документ. Король разослал копии доверенным лицам – и мне в том числе.

Это было очень странно – Гвендилена и представить себе не могла, что такой человек, как Анграйв, вообще умеет читать и писать! Все во дворце знали, что начальник *джедри-айр* незнатного рода, к тому же издалека, с севера. Про жителей тех мест говорили всякое... Болтали, что они живут в чащобах, не строят домов и не сеют хлеба, только охотятся, ловят рыбу да собирают только им ведомые коренья, а еще – что они не молятся богам, зато знают с темными духами, а некоторые даже могут становиться *верратами*, оборотнями, что превращаются в зверей в полнолуние.

Впрочем, сейчас это не имело никакого значения.

– Король ясно высказал свою последнюю волю, и потому я готов принести присягу верности принцу Людриху и вам, – твердо и веско произнес Анграйв. Его лицо по-прежнему ничего не выражало, но Гвендилена почувствовала, как отлегло от сердца. Иметь такого врага ей точно не хотелось бы!

– А сразу после похорон, – так же невозмутимо продолжал Анграйв, – я буду покорнейше просить вас об отставке.

«Вот это новость!» – Гвендилена посмотрела на него с искренним изумлением. Она еще не знала, как отнестись к тому, что начальник *джедри-айр* собирается покинуть королевскую службу, и лихорадочно пыталась сообразить, кроется ли за этим какой-то хитрый замысел? Или он хочет остаться верным королю и не желает оставаться при дворе после его смерти? Чувствует свою вину за то, что не сумел разглядеть изменника среди своих подчиненных? А может быть, просто постарел и устал?

Как назло, мысли путались, голова кружилась, хотелось спать... Думать было тяжелее, чем когда-то ворочать котлы и сковородки на кухне!

— К вашим услугам, госпожа королева, — Анграив коротко поклонился.

Видимо, на этом он счел аудиенцию оконченной и красноречиво поглядывал на дверь, ожидая, когда Гвендилена позволит ему удалиться, но она все медлила, не зная, как приступить к самому важному и щекотливому вопросу — и стоит ли вообще это делать. Наконец, поняв, что молчание слишком уж затянулось, она решилась:

— Пойдите, Анграив... Полагаю, вам также известно, что принц Альдерик признался в государственной измене, заговоре против короля и попытке убийства младшего брата.

Анграив помрачнел еще больше. Видимо, и в самом деле не забыл про Отиса из Арн-Круса... «Хорошо еще, он не знает истинного положения дел, а то, пожалуй, сошел бы с ума», — подумала Гвендилена.

— Его ждет суд... И приговор, без сомнения, будет суровым, — продолжала она.

— За государственную измену в Терегисте приговаривают к публичному сожжению на костре, — сказал Анграив и, чуть помолчав, добавил: — На медленном огне.

Гвендилена невольно передернулась всем телом. Такой жуткой смерти Альдерiku она точно не желала! К тому же мало ли что он успеет крикнуть, сгорая заживо? Мало ли какие слухи потом поползут по городу?

— Именно об этом я и хотела поговорить с вами, Анграив, — она чуть понизила голос, словно подчеркивая, что речь пойдет о деле весьма деликатном, почти интимном, — отрадно видеть, что вы чтите волю своего короля... Поэтому я рада, что могу вам довериться.

— Слушаю вас, госпожа королева, — повторил Анграив тем же механическим голосом. Гвендилена посмотрела на него почти с ненавистью — ну что за истукан! Даже интересно, есть ли у него хоть какие-нибудь обычные человеческие чувства, слабости, пристрастия?

— Перед смертью король был сильно удручен участью своего сына Альдерика. Он не хотел бы предавать его суду и казни!

Это была чистая правда, и говорить ее было легко, но дальше Гвендилена замялась, стараясь подобрать подходящие слова.

– Как вы справедливо заметили, люди смертны, – наконец вымолвила она, – и порой это случается неожиданно. Если бы принц умер в тюрьме, мучимый угрызениями совести, суда удалось бы избежать. Все сложилось бы весьма удачно – в том числе и для него самого! Второй главный виновник – тот, из *джедри-айр*! – сам погиб на месте преступления, и теперь его ждет иной, высший суд, сообщникам принца мы объявим высочайшее помилование...

Гвендилена чувствовала, как горло перехватывает от волнения, но она справилась с собой и добавила уже другим тоном – сухо и деловито:

– Вы получите почетную отставку, достойное вознаграждение за годы, проведенные на королевской службе, а также позволение жить там, где вы пожелаете.

Зато Анграйва, кажется, было ничем не пронять.

– Я понял вас, госпожа королева, – так же бесстрастно произнес он, – ваше пожелание будет выполнено.

Он поклонился и направился к двери.

Гвендилена чувствовала себя так, будто вот-вот упадет в обморок от усталости. Но нельзя, нельзя! У нее осталось еще одно дело – последнее на сегодня. Она позвонила в колокольчик – и Яспер явился немедленно, словно вырос из-под земли.

– Что вы желаете, госпожа королева?

Гвендилена чуть помедлила. В памяти всплыло давнее – всадники в черном на деревенской улице, горящий сарай, крики обреченных... Она провела рукой по лбу, словно пытаясь отогнать воспоминание, и сказала:

– Позовите сюда начальника *шеди-аваль*, карательного отряда! Кстати, как его зовут?

– Олев, госпожа! Сию минуту, он уже здесь, во дворце... Как и остальные важные господа.

«Какой, однако, сообразительный! – отметила про себя Гвендилена. – Даже удивительно, как быстро распространяются новости в Терегисте».

Олев – широкоплечий и чернобородый мужчина лет сорока – и в самом деле явился быстро. Сразу было заметно, что он в глаза не

видел королевских особ, разве что в дни больших праздников на площади, и потому явно чувствовал себя неловко – смотрел куда-то вбок и не знал, куда деть руки.

– Ваше величество, госпожа королева... Я бы хотел, это... высказать вам соболезнования! И желаю заверить в своей преданности вам и наследнику. Чтобы, значит, всегда и со всем нашим усердием...

Говорил он сбивчиво, с натугой, стараясь подобрать подходящие случаю слова. Очевидно, начальник *шеди-аваль* беспокоился за свое будущее... И, надо признать, беспокоился не напрасно. У карательного отряда было немного дел в последние годы, так что Хильдегард порой задумывался о том, чтобы вовсе расформировать его, но все же решил оставить все как есть – так, на всякий случай.

А сейчас как раз такой случай и представился.

– Благодарю, – Гвендилена чуть наклонила голову, – у меня есть поручение для вас, Олев! Вероятно, вам уже известно, что принц Альдерик признался в заговоре против отца и попытке убийства младшего брата Людриха?

– Да, госпожа, – Олев кивнул. Когда речь зашла о деле, он сразу стал совсем другим – собранным и немногословным.

– Принц также признался в том, что на измену он пошел в том числе из-за подстрекательства матери и сестры, – продолжала Гвендилена, – поэтому приказываю вам с вашим отрядом отправиться в поместье Верлинг! Эти женщины должны быть наказаны.

– Осмелюсь напомнить, что речь идет об особах королевской крови, – осторожно заметил Олев.

Кровь прилила к щекам Гвендилены. Каждый раз даже косвенное напоминание о том, что первая жена Хильдегарда была принцессой, не в пример ей самой, больно ранило ее.

– Я знаю, – сухо ответила она, – именно поэтому им сохраняют жизнь... Разумеется, если они не посмеют сопротивляться или бежать.

Она выразительно посмотрела на Олева и, коротко усмехнувшись, добавила:

– Может быть, вам известно, что когда-то причиной ссылки принцессы Эвины в отдаленное поместье было обвинение в измене мужу. Тогда от заключения в тюрьме Хеатрог ее спасло милосердие Хильдегарда. Пусть же теперь она отправится туда и пребывает в заключении до самой смерти.

– А с дочерью как быть? – деловито спросил Олев.

Гвендилена задумалась. Майвин она в последний раз видела совсем крошкой в колыбели...

– Пусть ее отправят в монастырь, – решила она, – разумеется, если девушка согласится отречься от своего имени, принять обет и навсегда уйти от мира.

И, сощутив глаза, добавила жестко, почти зло:

– Изменник – всегда изменник, не важно, мужчина это или женщина! Кроме милосердия, есть еще и справедливость.

Глава 14

В камере, предназначенной для особо опасных преступников – точнее каменном мешке без окон, расположенном в подвале городской тюрьмы Терегиста, – было темно и тихо. Ни один лучик света не проникал сюда, ни одно дуновение ветра не колебало спертый, застоявшийся, зловонный воздух.

Узник, скорчившийся в углу на соломе, спал. Но этот сон, больше похожий на тяжелое забытие, не приносил ему отдыха и успокоения – время от времени лицо его кривилось, словно от боли, из груди вырывались стоны, а дыхание становилось хриплым и прерывистым.

Лязгнул замок, заскрипела тяжелая дверь. На пороге появился тюремщик – кряжистый широкоплечий рыжебородый детина – с фонарем в руках. Узник мигом проснулся и беспокойно заметался, гремя заржавленной цепью, которой был прикован к стене. Лицо его выражало беспредельный ужас, из остекленевших глаз лились слезы, он пытался закрыть лицо руками, спрятаться, вжаться в стену...

Сейчас он был готов на что угодно, лишь бы не оказаться снова в той проклятой комнате с низкими сводчатыми потолками, где пахнет кровью и раскаленным металлом, в камине жарко горит огонь и палач в кожаном фартуке перебирает отвратительного вида инструменты! Кажется, он нарочно делает это долго, со вкусом, словно примеряясь, прежде чем пустить их в ход, как хороший художник выбирает кисть, скульптор – резец, а домовитая хозяйка – подходящую кастрюлю или сковородку, прежде чем сварить обед на большую семью.

– Я признаюсь... Признаюсь... Признаюсь! – снова и снова повторял несчастный.

Получалось плохо, распухший язык с трудом ворочался во рту, и любая попытка сказать хоть что-нибудь причиняла невыносимую боль, но узник очень старался. Он знал, что это слово помогает избавиться от новых мучений, хотя бы на время, но совершенно не представлял себе, что оно означает – впрочем, как и многие другие слова. После того как палач засунул его голову в особые тиски и несколько раз повернул винт, в голове словно взорвался фейерверк вроде тех, что когда-то запускали в дворцовом парке, а потом там стало пусто, темно

и тихо, как в пыльном чулане. Лишь иногда в памяти всплывали какие-то отрывочные образы, звуки и слова... Он забыл свое имя, забыл прошлую жизнь, разум его был мертв, и только тело, проклятое тело, сохранило способность страдать!

Из-за спины тюремщика показалась другая фигура, и низкий грубый голос произнес:

– Уходи и оставь меня с арестованным. Да оставь фонарь, болван!

Тюремщик поклонился и поспешно вышел прочь – видимо, тот, другой, был действительно важной персоной! Поняв, что в пыточную его не уведут – по крайней мере, прямо сейчас! – узник немного успокоился и затих.

– Принц Альдерик... Прошу вас, поверьте мне, я не причиню вам зла.

Голос звучал мягко, успокаивающе... Узник убрал руки от лица и посмотрел на своего визитера. Кажется, он и в самом деле знал этого человека когда-то давно, в другой жизни...

– Это я, Анграив. Вы узнаете меня?

Альдерик радостно закивал, даже заулыбался, демонстрируя кровоточащие десны и обломки зубов, но в глазах его не появилось даже проблеска мысли.

Анграив брезгливо отвел взгляд. За время службы во дворце он, конечно, насмотрелся всякого... После испытания «венцом правды» во всем признавались даже самые закоренелые преступники, но, кажется, на этот раз палач перестарался.

– Я пришел, чтобы помочь вам, – сказал Анграив, нащупывая в кармане плаща тонкий шелковый шнур.

Из глаз узника полились слезы. Казалось, он понял, что сейчас его мучения окончатся. Он опустился на колени и протянул руки к Анграиву, насколько позволяла цепь.

– Забери... Забери меня отсюда, – с трудом вымолвил Альдерик, – забери, умоляю! Я... я больше не могу...

Говорил он невнятно, словно рот был забит вязкой горячей кашей, но Анграив понял.

– Да, конечно, – отозвался он, – разумеется, ваше высочество!

Он подошел ближе, поставил фонарь на осклизлый пол.

– Вы больше не будете страдать, обещаю, – вымолвил он почти ласково и, ловко накинув шелковый шнур на шею узника, затянул его.

Глава 15

Утро в поместье Верлинг начиналось как обычно – принцесса Эвина накрывала на стол. За прошедшие годы она сильно изменилась – в волосах мелькала седина, у глаз появились морщины, и руки уже не были так белы и нежны, как прежде... В простом льняном платье, в клетчатом переднике и белой косынке на голове она напоминала скорее жену фермера, чем знатную даму.

Расставляя грубые глиняные тарелки на столе, покрытом вышитой скатертью, Эвина наставляла свою дочь, юную Майвин:

– Лиловые ирисы символизируют долголетие и мудрость. Их расставляют в вазах из прозрачного стекла во время обеда, когда к столу приглашены особы королевской крови старшего возраста.

Шестнадцатилетняя Майвин – миловидная девушка, тонкая и высокая, с большими голубыми, как у матери, глазами и русыми волосами – хихикнула, прикрыв рот ладонью.

– О чем ты, матушка? Откуда в нашей деревне возьмутся особы королевской крови?

Но Эвину смутить было не так-то просто.

– Когда придет твое время и ты станешь королевой, тебе многое нужно будет знать... Так что лучше запоминай сейчас, – наставительно произнесла она, – подай кувшин для молока! Нет, тот, большой...

Девушка достала с полки кувшин и поставила на стол, но, судя по отрешенному выражению лица, мысли ее витали где-то далеко.

– А я правда стану королевой, матушка? – спросила она.

– Да, милая, – отозвалась мать, – иначе и быть не может! Твой отец – король, и рано или поздно он непременно поймет, как он ошибался...

– Ты всегда говорила об этом, – вздохнула Майвин, – но почему-то он до сих пор так и не понял!

– Поймет, – упрямо повторила Эвина, – я твердо в это верю! И ты должна верить, слышишь?

– А если нет? Если он так и не одумается до самой смерти?

– Что ж, – пожала плечами Эвина, – тогда твой брат станет королем, он вернет нас ко двору и найдет тебе достойного мужа. Ты

станешь королевой, моя девочка, непременно станешь!

– Даже не знаю, хочу ли я этого, – призналась Майвин, – я хотела бы остаться здесь, с тобой... Ну, может быть, выйти замуж когда-нибудь потом. Вчера старший сын нашего соседа Эрдлиха улыбнулся мне, когда проезжал верхом мимо нашего дома, а я стояла у калитки. Он красивый!

– И думать не смей, девочка! – старая Калеа вошла с ведерком парного молока. – Ты достойна только принца или короля! Твой брат позаботится об этом, вот увидишь.

Она поставила ведро, с трудом разогнула спину и с нежностью провела рукой по гладко причесанным волосам девушки.

– Моя красавица, моя голубка... Ты достойна только лучшего, запомни это!

И, переведя взгляд на Эвину, добавила:

– Так же, как и твоя мать. Увы, даже боги не всегда бывают справедливы! А уж люди – тем более.

За воротами послышался топот копыт, конское ржание, чьи-то голоса...

– Открывайте! Открывайте! Именем короля!

– Матушка! Кто там? – Майвин метнулась к окну. – Отец все-таки прислал за нами, да?

Хромой Готлиб – единственный слуга в поместье Верлинг, что был и за садовника, и за привратника, зимой пилил дрова, а летом ездил на базар, запрягая в телегу рыжую шуструю кобылку Арву – направился было к воротам, но оказался слишком уж медлительным. Люди в черном деловито, сноровисто выбили задвижку, которая, впрочем, и так держалась на честном слове, растворили ворота, спешили и принялись привязывать коней. Не ведут себя так добрые гости или посланники с хорошими вестями, ох, не ведут!

– Кто вы такие будете? – Готлиб постарался напустить на себя грозный и строгий вид, но тут же отлетел в сторону от удара в челюсть.

– Отойди в сторону, болван! Может быть, останешься жить... Перед тобой *шеди-аваль*, королевский карательный отряд!

Рыцари в черном уверенно, по-хозяйски, поднялись на крыльцо, вошли в дом... Принцесса Эвина заметно побледнела, но даже в этот

миг нельзя было не залюбоваться ее величественной, поистине королевской осанкой!

– Что вам нужно, господа? – спросила она. – Я Эвина, первая жена короля Хильдегарда и мать Альдерика, его сына и наследника трона!

– Мы знаем об этом, – произнес старший из рыцарей – широкоплечий и чернобородый. – Король Хильдегард скончался.

Эвина побледнела еще больше.

– Это весьма прискорбно, – вымолвила она, и ее голос заметно дрогнул, – я и моя дочь облачимся в траур и будем оплакивать его.

– Король умер, и этому предшествовали еще более прискорбные обстоятельства, – продолжал чернобородый, – ослепленный завистью, принц Альдерик пытался убить своего младшего брата, Людриха. Принц Римеран погиб, защищая брата. Альдерик пытался бежать, но был арестован. Он признался в покушении, а также в государственной измене и заговоре против отца, и умер в тюрьме.

Из глаз Эвины покатались слезы. Она словно сломалась и постарела вмиг на много лет. Ее глаза глубоко запали и словно выцвели, у рта обозначились горестные складки, и даже седина в волосах почему-то стала более заметна...

– Этого не может быть, никак не может... – беспомощно повторяла она, – мои мальчики... Этого не может быть!

– Кроме того, – продолжал чернобородый, безжалостно отчеканивая каждое слово, – кроме того, принц Альдерик признался в том, что пошел на убийство и стал изменником по вашему наущению. Поскольку подстрекательство также является тяжким преступлением, вы будете лишены всех прав, титула и имущества и заключены в тюрьме Хеатрог до конца своих дней.

Оглушенная свалившимся на нее несчастьем, Эвина беспомощно оглядывалась по сторонам.

– Но... Как же так? Я ни в чем не виновата – так же, как и мой сын! Это какая-то ошибка... Я все объясню Хильдегарду, он должен меня понять. Дайте мне поговорить с ним, умоляю!

– Король Хильдегард скончался, – терпеливо повторил чернобородый. – Вы должны проследовать с нами.

– А что будет с моей дочерью? – спохватилась Эвина. – Не трогайте ее, не причиняйте ей вреда!

– Ваша дочь также виновна в подстрекательстве к измене, – ответил чернобородый, бросив быстрый взгляд на девушку, – однако, ввиду ее юного возраста, заключение в тюрьме для нее может быть заменено отправкой в монастырь, если она добровольно пожелает стать монахиней.

– Да, да, лучше монастырь... – быстро заговорила Эвина, – отвезите ее в обитель милостивой богини Анрабены, там настоятельница – добрая женщина! Прощай, моя крошка, моя радость, мое сокровище... Не грусти, не плачь, я люблю тебя! Прости меня...

Она обняла дочь, и даже кое-кто из рыцарей в черном отвел глаза – таким трогательным, разрывающим душу было их прощание.

– Все, довольно... Следуйте за мной! – чернобородый попытался было взять Эвину за локоть, но старая Калеа, о которой все забыли, вдруг словно обезумела. С отчаянным диким воплем она бросилась на чернобородого и оттолкнула его.

– Не смейте их трогать, вы, цепные псы! – кричала она. – Бегите, госпожа! Бегите скорее! Я задержу их, сколько смогу!

В первый момент рыцари даже растерялись – никто не ожидал такой прыти от старухи! – но вскоре опомнились. Сверкнула на солнце отточенная сталь, и Калеа упала, обливаясь кровью. Эвина кинулась к ней, опустилась на колени рядом, не замечая, что ее руки, передник и платье заливают кровь, фонтаном хлещущая из раны на шее старухи. Совсем скоро Калеа затихла, ее глаза остекленели, а лицо приняло суровое, нездешнее выражение. Эвина подняла голову, обвела взглядом *шеди-аваль*, столпившихся вокруг, и произнесла неожиданно спокойно, отчеканивая каждое слово:

– Вы все – убийцы. Будьте вы прокляты! Пусть прокляты будут ваши дни и ночи, хлеб и вода. Пусть ваши жены и дети отвернутся от вас с отвращением, пусть земля не примет вас, пусть ваши души не найдут покоя...

В этот миг Эвина выглядела как пророчица или святая. Голос ее креп, звенел, и в словах звучала такая сила и убежденность, что даже *шеди-аваль* не смели подойти близко, да что там – просто пошевелиться!

Все, кроме одного. Только чернобородый сумел сохранить присутствие духа. Он вытащил из ножен свой меч, и в следующий миг

отрубленная голова Эвины покатила по полу, а тело осталось лежать рядом с мертвой Калеа.

– Эта женщина угрожала нам, рыцарям на королевской службе, а, как известно, любое сопротивление *шеди-аваль* карается смертью, – объяснил он, обратившись к подчиненным, и с нехорошей, кривой усмешкой добавил: – Я слышал, что наша милостивая королева Гвендилена ничуть не опечалится, узнав, что матери принца Альдерика больше нет в живых.

Рыцари в черном молчали. Некоторые отводили глаза, и у всех на лицах было странное выражение – то ли стыда, то ли страха... Самый младший – совсем еще юнец со следами угрей на щеках – выбежал прочь, зажимая рот руками.

Чернобородому это совсем не понравилось.

– Эй вы, что приуныли? Вы – королевский карательный отряд, а не сборище старых баб, – проворчал он, – присылают сосунков прямо из-под мамкиной юбки, и возись с ними потом!

Его взгляд остановился на юной Майвин, что стояла ни жива ни мертва, бледная, с остановившимся взглядом.

– Да, чуть не забыл, – спохватился он, – у нас осталось еще дело – доставить эту крошку в монастырь! Но прежде, – чернобородый лукаво прищурился, – прежде стоило бы дать ей вкусить земных радостей, которых она будет лишена на всю оставшуюся жизнь! Ну что, поможем ей, братья мои?

Рыцари в черном мигом повеселели.

– Поможем! – радостно загалдели они. – Богам все равно, пусть достанется нам!

Старший одним движением разорвал на Майвин платье, и ее тонкий, слабый, какой-то заячий крик утонул в гогочущем хоре.

Глава 16

По дороге, мощенной серым булыжником, грохотали колеса. У обители богини Анрабены – милостивой покровительницы всех страждущих и скорбящих – остановилась крытая повозка. Совсем недавно Готлиб ездил в ней на ярмарку за покупками, но теперь на козлах сидел уже не он... Лежа дома в постели со сломанной челюстью, он стонал от боли и возносил благодарственные молитвы всем богам за то, что остался жив после встречи с *шеди-аваль*.

Возница в черном натянул поводья, спешил и постучал в ворота тяжелым кнутовищем.

– Эй вы, святые сестры! Принимайте юную грешницу! Она славно повеселила нас всех, теперь наставьте ее на путь истинный, и пускай отмаливает свои прегрешения.

Девушку бесцеремонно выбросили из повозки. Она попыталась подняться, но не смогла – так и осталась лежать, скорчившись в дорожной пыли. Возница хлестнул коней, и повозка умчалась прочь, грохоча по булыжникам.

Дверь приоткрылась. В щель опасливо выглянула женщина, одетая в простое темное платье с черно-белой повязкой на голове. Увидев девушку, она всплеснула руками, что-то крикнула своим... Монахини, похожие друг на друга, как сестры, в своих одинаковых одеяниях, подняли ее на руки и поспешно внесли внутрь.

* * *

За окнами вечерело. Жаркий летний день отгорел, и в маленькой комнатке с белеными стенами, где помещалась только узкая деревянная кровать, резной столик, да низкий стул, на котором сидела, клюя носом, пожилая полная монахиня, царила приятная прохлада. Девушка, лежащая на кровати, застеленной свежими льняными простынями, казалась совсем юной и беззащитной. На лице, покрытом синяками и ссадинами, застыло выражение ужаса и отчаяния.

Она смутно помнила, как монахини снимали с нее разорванную и перепачканную одежду, потом мыли ее в большой лохани с горячей водой... Она была так слаба, что не могла даже идти сама, и ее на руках отнесли в постель. Одна из сестер принесла горячее сладкое питье, пахнущее медом и какими-то травами. Майвин выпила его и вскоре заснула. Последняя мысль была о том, что если боги будут милостивы к ней, то она уже не проснется.

Но все же пришлось. Когда Майвин открыла глаза, она сначала удивилась, что оказалась в незнакомой комнате... Сознание возвращалось не сразу, но, вспомнив о том, что случилось с ней, девушка тихо, безутешно заплакала.

Монахиня, сидевшая рядом, встрепелась и, не говоря ни слова, вышла прочь. Оставшись в одиночестве, девушка зарыдала в голос, отчаянно и безнадежно. Сегодня рухнул ее мир... И как жить после этого?

Скрипнула дверь, и на пороге появилась высокая, величественная женщина, облаченная в белоснежные одежды, ниспадающие складками до самого пола. Ее сопровождала другая монахиня – в обычном темном платье, с черно-белой повязкой на голове. Лицо ее скрывало легкое шелковое покрывало, повязанное так, что видны были только глаза. Большие, сверкающие, опущенные длинными ресницами, они сияли глубокой синевой и нездешним покоем... Майвин еще удивилась – зачем такой красивой и, очевидно, молодой женщине понадобилось прятать лицо? Чудные же порядки в этом монастыре!

– Где я? – тихо спросила она, с трудом двигая разбитыми и распухшими губами. Говорить было больно – так же, как смотреть на свет, шевелиться... И вообще жить.

– В обители богини Анрабены, – высокая монахиня в белом чуть улыбнулась тонкими сухими губами, и от этой улыбки ее лицо осветилось и даже помолодело, – здесь тебя никто не обидит, дитя! Я – мать Альдерада, настоятельница обители, а это – сестра Нанна. Как тебя зовут?

Девушка с трудом разлепила разбитые губы.

– Меня зовут Майвин, – вымолвила она, – я дочь короля Хильдегарда и принцессы Эвины. В наш дом ворвались *шеди-аваль* и сказали, что мой отец умер, а мой брат – изменник... Они убили мою матушку и старую Калеа, а меня... все...

Пожилая монахиня сокрушенно покачала головой, но особого удивления не выказала, словно в ее монастырь каждый день попадали избитые и изнасилованные королевские дочери.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

Майвин ответила не сразу. Как объяснить, что чувствуешь, когда душа и тело искалечены, смяты, опозорены?

– У меня болит голова... и руки... и ноги... А еще – там... – смущенно покраснев, она опустила глаза.

Мать Альдерада понимающе кивнула.

– Все пройдет, дитя, не тревожься. Наши сестры-целительницы позаботятся о тебе. Я нарочно попросила прийти со мной сестру Нанну, чтобы она смогла облегчить твою боль.

Она обернулась к своей спутнице.

– Прошу тебя, помоги!

Монахиня слегка поклонилась ей, потом подошла ближе и протянула руки над лежащей девушкой. Закрыв глаза, она слегка раскачивалась из стороны в сторону, и от ее ладоней исходило легкое золотистое сияние. Майвин почувствовала, как ее тело подхватила теплая волна. Больше не было ни боли, ни страха, ни воспоминаний, разрывающих сердце... Все ее существо словно растворилось в безбрежном океане, и это было прекрасно! Такого блаженного, счастливого состояния ей никогда не доводилось испытывать, и хотелось, чтобы оно длилось вечно.

Когда девушка снова открыла глаза, она чувствовала себя так, будто пробудилась от долгого и глубокого сна, однако, судя по тому, что за окном еще не совсем стемнело, времени прошло немного. Обе монахини – пожилая и молодая – так же стояли у ее постели.

– Тебе лучше? – спросила мать Альдерада.

Майвин кивнула.

– Да... Уже почти не болит.

– Так что же мучает тебя теперь?

Мать Альдерада говорила тепло, сочувственно, так что ей хотелось рассказать самое сокровенное, что было на душе.

– Я чувствую себя... – девушка замялась, подыскивая подходящее слово, – такой грязной! Они сделали со мной... Это... Все по очереди! Они смеялись и говорили, что я теперь стала шлюхой и всегда ей останусь!

Мать Альдерада присела рядом с ней на ложе, погладила по голове. Ее ладонь была легкой и прохладной...

– Не терзай себя, – мягко сказала она, – в том, что сделали с тобой против воли, ты неповинна. Сейчас твоя душа страдает, но со временем пройдет и это.

Майвин упрямо покачала головой.

– Не пройдет! Я никогда этого не забуду. И... я не хочу больше жить.

– Не говори так, дитя, – мать Альдерада слегка нахмурилась, – жизнь – бесценный дар!

– Как можно жить после того, что случилось со мной? – тихо вымолвила Майвин.

Мать-настоятельница сделала знак другой монахине подойти ближе.

– Нанна, прошу тебя, покажи свое лицо, – попросила она.

Монахиня чуть наклонила голову и сняла повязку. Она откинула назад пышные, чуть выющиеся каштановые волосы, и стало заметно, что в них кое-где уже блестит седина...

Но не поэтому Майвин испуганно ахнула и забилась в угол кровати, прижав ладонь ко рту, словно пытаясь удержать рвущийся наружу крик. Вместо носа на лице Нанны зияла отвратительная дыра, ушей у нее тоже не было, а губы, превращенные кем-то в бесформенные рубцы, казалось, навсегда застыли в зловещей улыбке.

– Благодарю тебя, Нанна, – сказала мать Альдерада, – ступай.

Монахиня поклонилась, прикрыла лицо и вышла. Майвин приподнялась на подушке. Потрясенная увиденным, она даже как-то позабыла о собственных страданиях!

– Что с ней случилось? – спросила она.

Альдерада вздохнула.

– Нанна не всегда была монахиней – впрочем, как и все мы. Раньше ее звали Реона... Она – дочь барона Дертвальда из королевства Агеларан. Мать ее умерла при родах, но у девочки с самого детства был дар целительства. Руками она умела снимать боль, заживлять раны, унимать лихорадку и жар. Слава о ее даре скоро разнеслась далеко за границами владений барона. Бывало, окрестные жители толпились у ворот замка, умоляя помочь им... Девушка была добра и участлива, она никому не отказывала в помощи.

Однажды королева Каэтана отправилась на богомолье в обитель и пожелала остановиться на ночлег в имении барона. Разумеется, столь высокородную особу приняли со всеми подобающими почестями! Отец Нанны устроил пир в ее честь, но королева была не в духе. У нее как раз случился приступ головной боли... Барон видел страдание на ее лице и был весьма удручен тем, что не сумел угодить гостье. Только Нанна сразу поняла, в чем дело. Она тихонько подошла, стала за ее креслом и провела руками над головой королевы, и вскоре та почувствовала себя значительно лучше.

На следующий день королева чувствовала себя прекрасно и выглядела цветущей, как юная девушка. Уезжая, она сердечно поблагодарила барона за гостеприимство и пожелала забрать с собой Нанну в качестве дамы-компаньонки. Разумеется, он с радостью согласился, и девушка отправилась во дворец.

Поначалу она была счастлива. Ее величество весьма благоволила к ней... До того дня, когда погостить к ней приехал младший брат, принц Вендал. Молодой человек был изрядным повесой и шалопаем, он не привык отказывать себе ни в чем. Еще бы, если с самого рождения любая прихоть молодого принца всегда исполнялась беспрекословно!

Тонкие губы монахини искривились в горькой усмешке.

– О, эти нравы при дворе! Королева решила помочь брату. Он притворился занемогшим, а любящая сестра отправилась навестить страдальца – разумеется, в сопровождении дамы-компаньонки. Она пожелала, чтобы с ней пошла именно Нанна, и девушка с готовностью согласилась. Она всегда готова была помочь страждущим!

Майвин слушала, затаив дыхание. Сейчас она как-то позабыла о собственной участи...

– Правда, ее дар оказался совершенно ни к чему, – с той же горькой усмешкой продолжала мать Альдерада, – принца привлекали совсем другие достоинства Нанны. Она была молода, красива... И невинна, а это он особенно ценил. Ни мольбы, ни слезы девушки не могли его остановить. Принц удовлетворил свое желание и спокойно удалился, оставив ее обесчещенной, плачущей, в разорванном платье...

– А что было дальше? – спросила девочка.

– Принц вернулся домой, в Теуридан, ко двору своего отца, короля Анталины. Там его ждали юная жена и маленький сынишка. Нанна же слегла в горячке. Едва она оправилась настолько, что смогла встать с постели, королева отослала ее домой. Она не хотела больше видеть ее!

Отец сразу понял, что случилось нечто из ряда вон выходящее. Он не мог поверить, что его дочь чем-то прогневала королеву, и долго донимал ее расспросами. Нанна только плакала и отмалчивалась... А когда ее платье перестало сходиться в поясе, отец понял все. Нанна не выдержала и призналась в своем позоре. Вскоре она родила мальчика – слабенького, недоношенного... Но живого.

– И что сделал барон? – спросила Майвин.

Мать Альдерада чуть пожала плечами.

– Говорят, он сразу постарел на много лет... Он приказал дочери с новорожденным младенцем уехать в поместье барона Драутена, своего дальнего родственника. Сам он отправился во дворец королевы Каэтаны, убил двух стражей, прошел в пиршественный зал... А потом назвал королеву подлой сводней и бросился на нее с кинжалом. Никто не успел опомниться, так что барон даже успел ранить ее, отрезал два пальца и рассек щеку, так что шрам ей пришлось носить до конца своих дней. Правда, другие подоспевшие стражники зарубили его на месте. Говорят, королева потом очень сожалела об этом – она предала бы его жестокой смерти, но было поздно. Его тело привязали к упряжке коней и трижды протащили вокруг дворца, но мертвым ведь все равно!

Майвин тихонько вздохнула. Барона было жаль... «Наверное, он был хорошим человеком и любил свою дочь, – решила она, – а мой отец так и не захотел меня видеть!»

– Зато его дочери пришлось куда тяжелее, – продолжала мать Альдерада, – ее вскоре нашли. Королева в гневе отправила отряд карателей в поместье барона. Слуг пытали, и один из них не выдержал и рассказал, где она. Каратели – свои *шеди-аваль* есть у всех королей, можешь не сомневаться! – осадили замок, и родственники ничем не смогли помочь бедняжке.

– Они выдали ее? – спросила Майвин, и голос ее заметно задрожал.

Мать Альдерада покачала головой.

– Нет. Увидев, что силы неравны, Нанна с младенцем сама вышла за ворота. Впрочем, барона это не спасло – в ту же ночь он покончил с собой, не вынеся такого позора. По приказу королевы Каэтаны, Нанну вместе с младенцем привезли во дворец в железной клетке, словно зверя. И уже на следующее утро расправились с ними!

– С ребенком тоже? Он же маленький, ни в чем не виноват...

– Дитя утопили в сточной канаве у нее на глазах, и улюлюкающая чернь кидала камнями в несчастного младенца, который боролся за жизнь, барахтаясь, как щенок, – мать Альдерада говорила вроде бы спокойно, но в глазах ее была такая печаль, словно она сама находилась там и видела происходящее, – самой же Нанне оставили жизнь, но теперь она должна улыбаться до конца своих дней! Ее искалечили и в таком виде возили по улицам на потеху черни. А потом, когда забава наскучила, ее просто прогнали прочь, как собаку.

Она скиталась, просила подаяния, пока однажды не нашелся добрый человек, который сжалился над ней и привел ее в нашу обитель. Нам пришлось потратить немало времени, чтобы исцелить ее тело и душу! А теперь она помогает исцелять других. Ее дар служит страждущим, и многие приезжают в нашу обитель с последней надеждой.

Майвин откинулась на подушки. История Нанны потрясла ее...

– Мир жесток, – задумчиво сказала мать Альдерада, – мы можем только пытаться сделать его хоть немного лучше! У тебя теперь будет время, чтобы понять это... И многому научиться.

В приоткрытую дверь прошмыгнул пушистый белый кролик и застыл посреди комнаты, удивленно оглядываясь по сторонам.

– Ах ты проказник... Все-таки увязался за мной! – улыбнулась мать Альдерада, и ее лицо как-то вдруг перестало быть строгим.

– Зачем здесь кролики? Их едят? – спросила Майвин.

– Нет, – покачала головой мать Альдерада, – здесь, в монастыре, мы не причиняем вреда живым существам! В мире и так слишком много горя и страданий. Наша пища – овощи, плоды и злаки. А кролики... У них чудный пух. Наши сестры прядут его, а потом вяжут шали. Благочестивые паломницы охотно их покупают.

– У моей матушки тоже была такая! – улыбнулась Майвин. – Белая, легкая, как большая снежинка.

Вспомнив о матери, она снова расплакалась. Кролик потянул воздух розовым носом, словно принюхиваясь, и вдруг одним ловким движением запрыгнул на кровать и ткнулся мордочкой в руку девушки, словно хотел утешить ее. Она вскрикнула от неожиданности, но уже в следующий миг потянулась погладить пушистую шерстку. Совсем скоро Майвин успокоилась и почувствовала, как тяжелеют веки, по телу разливается истома, мысли путаются...

— Спи, дитя! — ласково сказала мать Альдерада. — Завтра тоже будет день! И он будет лучше, поверь мне.

— А можно кролик останется со мной? — попросила Майвин.

— Да, конечно, — улыбнулась настоятельница, — это добрые зверьки, мы называем их утешителями.

Она легко прикоснулась ко лбу девочки тонкими сухими губами и вышла.

Глава 17

Солнце стояло в зените и палило немилосердно. Главная площадь Терегиста не смогла вместить толпу горожан, желающих проводить короля в последний путь. После голода, что случился в прошлом году, и той помощи, что Хильдегард приказал оказывать неимущим, он стал любим и почитаем в народе, как мало кто из королей. Люди страдали от зноя, обливались потом, некоторые даже теряли сознание... Их уносили, но их места тут же занимали другие, и расходиться никто не думал.

«По крайней мере, тебя не назовут Зловонным, как твоего отца!» – думала Гвендилена, глядя в мертвое, чужое лицо человека, который столько лет был ее мужем.

Она стояла возле гроба под полотняным навесом рядом с Людрихом и Амаласунтой. Дочь плакала, прижимая к глазам кружевной платочек, мальчик был бледен, но держался молодцом. Он сам настоял на том, что непременно будет присутствовать на похоронах отца, несмотря на опасения лекаря, и теперь изо всех сил старался сохранить достоинство и присутствие духа.

Мимо длинной чередой проходили те, кто удостоился чести лично проститься с королем, – члены Королевского совета, представители городской знати Терегиста, окрестные землевладельцы... Все они кланялись, выражали соболезнования по случаю безвременной кончины короля и клялись в верности наследнику и Гвендилене, которую теперь полагалось именовать «вдовствующей королевой-матерью».

Гвендилена кивала, протягивала руку для поцелуя, произносила какие-то приличествующие случаю слова... Но делала это она чисто механически, как заводная кукла, и собственный голос звучал для нее словно издалека. С самого утра сегодня Гвендилена чувствовала себя очень странно – кружилась голова, тошнило, и за завтраком она не смогла проглотить ни кусочка. Конечно, в этом не было ничего странного, учитывая, как много ей пришлось пережить за последние дни, но сердце уже знало, что ее состоянию есть совсем другая причина.

«Не хватало еще родить бастарда, – с досадой думала Гвендилена, – конечно, этого следовало ожидать – покойный Теобальд был таким молодым и пылким! – но почему такое должно было случиться именно сейчас? Я двенадцать лет ждала сына, почти потеряла надежду, а теперь вот так, сразу... И что делать дальше?»

Умом она понимала, что, если ее опасения оправдаются, единственно правильным выходом было бы выпить настойку *арим-вед*, что до сих пор стоит на полке у Гилы, и постараться поскорее забыть о том, что произошло. Но душа и тело всеми силами противились этому решению, цепляясь за эту новую, слабую, едва зародившуюся жизнь. «Я не хочу его убивать, не хочу!»

Представив себе своего крошечного, еще не родившегося ребенка, что спокойно спит у нее во чреве, не подозревая о нависшей над ним опасности, Гвендилена невольно всхлипнула. Хорошо еще, что плачем на похоронах никого не удивишь!

«Не думай об этом, – шепнул знакомый тихий голос в голове, – сейчас тебе надо вытерпеть до конца эту церемонию и не упасть в обморок от жары и дурноты. А потом будет видно... Ты же знаешь, все еще может измениться!»

Часть VI. Вдова

Глава 1

Летний вечер опустился на город, словно накрывая его темно-синим шелковым покрывалом. Во дворце зажгли огни, скоро настанет время отхода ко сну... Сидя в удобном кресле, обитом бархатом, Гвендилена вышивала на пальцах, время от времени поглядывая на детей, играющих у ее ног на ковре.

– Мама, мама! Я опять обыграл Ригора в лошадки! – малыш Гердвин вскинул голову, и от его взгляда, от улыбки, открывающей чуть косой передний зубик, у Гвендилены сладко и нежно защемило сердце. Хотелось взять ребенка на руки, прижать к себе, расцеловать...

Но нельзя, иначе старший почувствовал бы себя обделенным. Малыш Гердвин и так уже почти догнал брата в росте, даром что был почти на два года младше, а в ловкости и сообразительности уж точно не уступал ему.

– Поиграйте во что-нибудь другое, – сказала Гвендилена, – например, постройте замок из кубиков!

– Хорошо, – покладисто согласился Гердвин и принялся вытряхивать кубики из коробки.

Гвендилена чуть прикрыла глаза. Подумать только, уже пять лет прошло с тех пор, как умер Хильдегард, а она сама стала правительницей Терегиста! Удивительно, как быстро летит время – и с каждым годом все быстрее и быстрее.

«Однако мне-то грех жаловаться», – думала Гвендилена. В последнее время она чувствовала себя счастливой и умиротворенной, как никогда раньше. Странно, конечно, что для этого ей понадобилось стать вдовой, но так уж сложилось.

Малыш Гердвин (Гвендилена всерьез подумывала о том, чтобы назвать его Теобальдом, но не решилась) явился на свет в самом конце зимы, перед праздником Соловин, ровно через восемь месяцев после смерти короля. Узнав о ее беременности, Гила только руками всплеснула.

– Похоже, мы скоро увидим чудо, подобное рождению святого Реодана от святого духа! – с усмешкой сказала она.

– Чему ты удивляешься? Мой муж умер совсем недавно! – Гвендилена смотрела на целительницу почти с ненавистью. Тяжело терпеть рядом человека, который видит тебя насквозь, но что поделаешь?

Но и Гилу смутить было нелегко.

– Обманывай кого хочешь, но не меня, – процедила она сквозь зубы, – отцом твоего ребенка может быть кто угодно, только не он.

– Какое тебе дело до этого? – спросила Гвендилена, чувствуя, как в душе закипает злость.

– Никакого, – пожала плечами целительница, – надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

– Знаю, – огрызнулась Гвендилена, – а ты не говори лишнего!

Впрочем, она сама была в этом совершенно не уверена. Одно лишь сомнение в законнорожденности будущего младенца могло бы сильно повредить ей. Нет, конечно, регентство отменить было бы слишком сложно – для этого нужны были бы очень веские доказательства! – но слухи, разговоры неизбежно поползли бы по дворцу, а потом и по городу.

Впрочем, ее опасения оказались напрасны. Когда беременность стала заметной, во дворце все восприняли эту новость как радостный знак, а священники в церквях и монастырях служили заупокойные службы по королю Хильдегарду с особенным рвением. В проповедях они рассказывали прихожанам, что покойный король за свою доброту и благочестие удостоился посмертного благословения богов – ребенка, который будет жить вместо него...

Гвендилена была счастлива. К тому же беременность почти не доставляла ей неудобств, наоборот – она даже расцвела и чувствовала себя прекрасно. Иногда ей даже казалось, что ребенок у нее во чреве любит ее так же самозабвенно, как его покойный отец. Роды тоже прошли на удивление легко. Приняв младенца, Гиля улыбнулась:

– Это мальчик! И красавчик же, скажу я тебе...

Уже на следующий день навестить Гвендилену явился Аризантий – председатель Королевского совета. Он передал ей послание, скрепленное большой сургучной печатью, и молча удалился. Снимая эту печать, Гвендилена даже ноготь сломала – так дрожали пальцы от волнения! Но, прочитав письмо, она облегченно рассмеялась. Оно оказалось всего лишь поздравлением по случаю рождения ребенка с

обычными в таких случаях пожеланиями здоровья и долгих лет, высказанными в самых витиеватых и высокопарных выражениях. Важными Гвендилене показались лишь последние несколько строчек:

«Помня о той любви и сердечной привязанности, что питал к вам покойный король Хильдегард, мы возносим хвалу богам за их милости и признаем младенца, рожденного вами, посмертным ребенком короля, его законным сыном и наследником».

Гвендилена отложила письмо и тихо рассмеялась. В этот миг она порадовалась от души, что король навещал ее спальню хотя бы для того, чтобы пожелать спокойной ночи и поцеловать в лоб!

Когда ребенку исполнился год, в Терегист приехал Сигриберт, старший брат Хильдегарда. Гвендилена немного опасалась его – ведь он-то знал, кем она была до того, как стать королевой! Однако Сигриберт предпочел не подавать виду и вел себя вполне любезно, хотя и сдержанно. Как ближайший родственник покойного отца, он прилюдно взял на руки малыша Гердвина в праздник Жатвы и, подтвердив таким образом его законнорожденность и принадлежность к королевской семье, отбыл обратно в Орну.

Когда Гердвина отняли от груди, Гвендилена стала все больше вникать в государственные дела. Хильдегард и раньше советовался с ней, но это было наедине, за закрытыми дверями, а теперь она принимала участие в заседаниях Королевского совета! Поначалу Гвендилена думала, что все это ненадолго, ведь через несколько лет Людрих достигнет совершеннолетия и будет коронован, но, к ее удивлению, все вышло иначе. Приемный сын не проявлял никакого интереса к управлению страной, зато упорно совершенствовался в боевых искусствах и все чаще исчезал куда-то из дворца. Гвендилену это беспокоило не на шутку, она не раз приступала к нему с расспросами, но Людрих отмалчивался, и она чувствовала, что это неспроста.

Время шло, и чем ближе становился день совершеннолетия Людриха, тем более мрачным и замкнутым он становился. Наконец, перед своим днем рождения, в канун осеннего праздника Самайн, Людрих пришел в покои Гвендилены и объявил, что желает уйти в *арвераны*, чтобы занять место погибшего брата. Магистр ордена даже решил сделать для него исключение и принять раньше срока!

Зима в тот год пришла раньше обычного, и ветер бросал в окна колючую снежную крупу. В камине горел огонь, и в отблесках пламени лицо Людриха казалось особенно мужественным и красивым. Он опустил на одно колено и, склонив голову, произнес:

– Прости, мать... Я не могу иначе. У тебя останутся еще другие сыновья!

Гвендилена даже прослезилась – таким торжественным и трогательным получился этот момент! И надо признать, сын ничтожной прачки оказался куда благороднее многих аристократов по рождению.

– Благословляю тебя, сын мой, – вымолвила она, – благословляю и горжусь!

Уже на следующий день ворота обители закрылись за ним навсегда... В общем, с Людрихом все сложилось необыкновенно удачно, Гвендилена и мечтать о таком не могла.

Зато судьба дочери, Амаласунты, доставляла немалое беспокойство.

После смерти Хильдегарда ее свадьбу с молодым Претекаром пришлось отложить до истечения годовичного траура, но совсем скоро отец нашел юноше другую невесту. Амаласунта плакала, сокрушаясь об измене жениха, хотя никогда в жизни его не видела. Напрасно Гвендилена пыталась успокоить ее, напрасно увещевала, что она еще очень молода и у нее еще все впереди... Амаласунта была безутешна.

Через год она сбежала с учителем танцев, красавчиком Вианом. Гвендилена была просто вне себя от ярости! Послав вдогонку отряд *шеди-аваль*, она приказала поймать беглецов, доставить их во дворец живыми и невредимыми, но непременно ночью, тайно. Далеко они не ушли, их схватили раньше, чем село солнце, хотя Амаласунта отбивалась как дикая кошка... Зато ее любовник униженно просил прощения, клялся, что ни в чем не виноват, и даже утверждал, что это Амаласунта сама его соблазнила.

Поначалу Гвендилена хотела было казнить наглеца, но потом передумала и даже обещала денег на безбедную жизнь где-нибудь подальше от Терегиста, если Виан сам отречется от своей возлюбленной и распрощается с ней навсегда. Глупый мальчишка с готовностью согласился. Для Амаласунты это было настоящим

ударом! Даже жаль ее стало, хотя Гвендилена и гневалась на дочь. Что может быть хуже, чем отдать свою любовь недостойному?

Красавчик и в самом деле думал, что заключил выгодную сделку. Он потребовал три тысячи золотых и пожелал отправиться в Орну – видимо, там надеялся сделать хорошую карьеру при дворе. Гвендилена приказала выдать ему денег из казны, выделила охрану, чтобы Виан мог беспрепятственно добраться к новому месту жительства, не опасаясь разбойников по пути... А сама приказала сопровождающим потихоньку удавить его, как только отъедут подальше от города, и прикопать где-нибудь в овраге, чтобы незадачливому любовнику больше никогда не пришлось в голову вернуться в Терегист.

Подумав о дочери, Гвендилена с грустью вздохнула. Жаль, конечно, что ее побег не удалось удержать в тайне... Люди – сплетники, с этим ничего не поделаешь! По городу поползли слухи. Когда уличные музыканты начали распевать душещипательные баллады о запретной любви королевской дочери к человеку низкого рода, Гвендилена приказала укоротить языки особенно голосистым, но скоро поняла, что бороться со сплетнями – все равно что ловить шапкой солнечный зайчик.

Хуже было другое – все попытки Гвендилены устроить брак дочери словно натыкались на незримую, но прочную стену. При малейшем намеке на возможность заключения брачного союза с кем-то из представителей королевских семей сопредельных королевств послы словно становились слепыми и глухими, и Гвендилена всерьез опасалась, что бедняжка Амаласунта так и останется незамужней до конца своих дней.

К тому же и характер у нее заметно испортился. В последнее время Амаласунта почти перестала разговаривать с матерью, стала капризной и замкнутой... Не помогали ни увещевания, ни подарки, ни праздники, что Гвендилена устраивала в ее честь. Конечно, она понимала, какое горе причинила девочке, но что было делать? Допустить ее брак с каким-то танцором она никак не могла! Оставалось лишь надеяться, что Амаласунта когда-нибудь забудет его... Или хотя бы поймет, каким он был подлецом. Ведь, как известно, все еще может измениться, а она еще так молода и по-прежнему прекрасна!

– Мама, мама, посмотри, что мы построили! – голос сына вырвал Гвендилену из задумчивости. Башня, окруженная стеной, и в самом деле напоминала замок.

– Какие вы оба молодцы! – искренне восхитилась она.

– Мы сделаем еще лучше! С настоящим садом. Мама, вели принести цветов из оранжереи!

Малыш Гердвин покраснелся, глазенки сверкали, словно прямо сейчас он готов был построить еще дюжину замков, а вот Ригор был какой-то бледненький, вялый.

– Мама, я устал, – тихо сказал он.

– Конечно, устал, – улыбнулась Гвендилена, – время позднее, пора спать... Завтра будет новый день!

Глава 2

Свеча горела на маленьком столике у детской кровати, и ее маленькое, слабое пламя дрожало и чадило, грозя вот-вот погаснуть. В глухую полночь, когда нечистая сила имеет власть над миром, это считается недобрый знаком.

Гвендилена торопливо достала другую свечку, зажгла и поставила рядом, но случайно задела рукавом первую и загасила ее. Если не спать почти двое суток, все вокруг теряет четкие очертания, становится расплывчатым и зыбким, а движения делаются такими неуклюжими...

Для нее сбылся наяву самый страшный кошмар любой матери, когда еще вчера ребенок был здоровым и веселым, а теперь мечется в жару, стонет, бредит, и каждый его вздох превращается в мучительный хрип. Сразу оба малыша слегли с лихорадкой *арайя* – страшной болезнью, при которой в горле появляются сероватые пленки, которые не дают сначала глотать, а потом и дышать.

Гвендилена знала, что от этой хвори нет лекарства, что из заболевших ребятишек умирают почти все, но все равно с безумной надеждой смотрела на Гилу, ожидая, что та придумает что-нибудь, спасет, в очередной раз обманет смерть – ну хотя бы как тогда, с Хильдегардом!

Ги́ла капала в чашку темную жидкость из маленького пузырька и сосредоточенно считала капли, шевеля губами. Закончив, она раскрыла рот маленького Ригора, заглянула в горло, озабоченно покачала головой и влила микстуру. Потом то же проделала с малышом Гердвином – впрочем, безрезультатно. Ребенок закашлялся, и темная жидкость тут же оказалась на подушке.

– Ты спасешь моих сыновей? – спросила Гвендилена.

Ги́ла устало откинула седую прядь, упавшую на лоб, и тут же спрятала ее под повязкой.

– Я делаю что могу, – ответила она, – но я не всесильна. Помочь твоим сыновьям может только чудо!

– Так сотвори его! – Гвендилена в гневе топнула ногой. – Чего ты ждешь?

Но Гила лишь поджала губы.

— Если ты не поняла до сих пор, я целительница, а не чародейка! — сухо ответила она. — На такое способны лишь монахини из обители богини Анрабены... и то не всегда.

— Так что же ты молчала? Я пошлю за ними немедленно!

Но Гила покачала головой.

— Даже не знаю, стоит ли тебе это делать, — осторожно сказала она, — мать Альдерада, настоятельница обители, скончалась в прошлом году, и теперь ее место заняла сестра Герентруда. Она еще молода, но уже прославилась тем, что отличается редкой прозорливостью, знает все, что скрыто от других, и даже умеет предвидеть будущее...

— И что с того? — Гвендилена вскинула бровь. — Монахини и так на одно лицо, так не все ли равно?

Гила посмотрела на нее с сомнением, будто раздумывая — говорить или нет?

— Раньше ее звали Майвин, — наконец тихо вымолвила она, — думаю, ты помнишь ее.

Гвендилена осеклась... Но лишь на мгновение. Конечно, она знала о том, что произошло в поместье Верлинг пять лет назад, но не собиралась отступать. Сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, она повторила:

— Я пошлю за ней немедленно! Чтобы спасти моих детей, я пойду на все...

Гила лишь пожала плечами. Гвендилена позвонила в колокольчик. На зов явился Яспер. Теперь он служил ей так же усердно и преданно, как когда-то Хильдегарду...

— Езжай в обитель Анрабены, — приказала Гвендилена, — и передай, что я прошу прислать сюда, во дворец, лучших целительниц, чтобы они спасли моих сыновей.

Она задумалась на мгновение и добавила:

— И мать-настоятельница пусть приедет с ними! Делай что хочешь, но привези ее сюда.

На лице Яспера отразилось некоторое недоумение... Но лишь на миг. Уже в следующий момент он снова стал сам собой — слугой, который ничему не удивляется и готов выполнить любое поручение.

— Как прикажете, госпожа королева, — он поклонился и вышел.

Глава 3

Три дня Гвендилена не находила себе места. Время тянулось бесконечно... Слугам было строго-настрого приказано проводить монахинь к королеве, как только они прибудут во дворец, но Гвендилена то и дело выглядывала в окно, надеясь увидеть их первой.

К исходу третьего дня малышу Ригору как будто стало лучше – жар немного спал, он пришел в себя ненадолго, посмотрел на Гвендилену вполне осмысленным взглядом, даже сказал «мама», улыбнулся – и тут же заснул. Она обрадовалась и сама задремала ненадолго, сидя в кресле рядом с постелью малыша и держа в своей руке его маленькую ладошку...

Когда она проснулась, уже стемнело, а рука ребенка была холодна и тверда. Напрасно Гвендилена пыталась тормошить его, напрасно покрывала поцелуями его личико – мальчик не реагировал на прикосновения, и его тело стало безвольным и податливым, словно тряпичная кукла.

Ги́ла подошла, опустила руку ей на плечо.

– Прости... Он умер. Ничего больше нельзя было сделать.

Стараясь сдержать крик, Гвендилена кинулась к кроватке малыша Гердвина. Ребенок еще дышал – хрипло, с трудом, но дышал, боролся за жизнь!

Слуги накрыли тело Ригора белым покрывалом и вынесли прочь. Оглушенная своим горем, Гвендилена сидела у постели Гердвина, не сводя с него глаз, ловя каждое дыхание... Ей казалось, что только так она сможет удержать его, спасти, не дать ему умереть. Напрасно Ги́ла уговаривала ее отдохнуть хоть немного. Гвендилена лишь качала головой, глядя перед собой сухими, воспаленными, покрасневшими глазами.

Эта ночь была для нее долгой, бесконечно долгой... Время словно остановилось. Когда начало светать, в комнату заглянула служанка.

– Госпожа... Герентруда, настоятельница обители богини Анрабены, прибыла и ждет встречи с вами!

– Веди ее сюда! – приказала Гвендилена, – да скорее, не медли! И... подай мне зеркало.

Служанка выполнила ее приказ, но как-то неохотно, и лицо у нее стало испуганное, жалкое. Взглянув на себя, Гвендилена поняла почему. Из зеркала на нее смотрела почти старуха – осунувшаяся, растрепанная, с безумным взглядом! Она попыталась кое-как пригладить волосы, а главное, придать лицу подобающее выражение, чтобы монахини увидели перед собой королеву, а не просто женщину, потерявшую разум от горя.

Дверь отворилась, и на пороге появилась женщина в белой одежде. За ней шли еще три монахини в простых темных платьях с черно-белыми повязками на головах. У одной из них почему-то лицо было скрыто легкой шелковой тканью до самых глаз...

Но Гвендилена смотрела только на Герентруду. В первый момент она чуть не вскрикнула от изумления. Ей показалось, что время повернулось вспять и перед собой она снова видит принцессу Эвину – такой, какой она была много лет назад!

Впрочем, наваждение скоро прошло. В лице Майвин (точнее, настоятельницы Герентруды) не было и следа живости ее матери. Оно было спокойным и отрешенным, словно у мраморной статуи в храме, и легкая улыбка, что играла у нее на губах, выглядела загадочной и неземной.

– Приветствую вас, госпожа королева, – Герентруда склонилась в поклоне, – пусть милость Анрабены почиет над вами и всеми, кто вам дорог.

Губы Гвендилены тронула горькая усмешка.

– Мой сын умер! Твоя богиня была не очень-то милостива к нему. Герентруда опустила глаза.

– Мне жаль, госпожа королева. Пути богов неисповедимы для смертных...

Гвендилена сжала губы. Унижаться перед дочерью бывшей соперницы, так похожей на нее, просить ее о чем-то было невыносимо, но ведь это единственная возможность сохранить жизнь малышу Гердвину!

– У меня остался только один сын! Спаси его, и я сделаю все, что ты хочешь! – выпалила она.

Монахиня взглянула на нее с интересом. Впервые у нее на лице мелькнуло живое, человеческое выражение.

– В самом деле? – спросила она. – Боюсь, госпожа королева, это не в ваших силах...

Зеленые глаза Гвендилены сверкнули злым огнем. О смирении она как-то позабыла... «Не проси меня вернуть жизнь твоей матери и твою невинность, – думала она, – и помни, что, хотя я не могу этого сделать, зато могу стереть с лица земли твой монастырь и отдать всех сестер моим солдатам на забаву».

Она была готова поручиться, что Герентруда и в самом деле могла читать мысли – ее лицо дрогнуло на миг, и Гвендилена с некоторым злорадством увидела перед собой испуганную девочку, а не каменно-спокойную мать-настоятельницу. Впрочем, монахиня быстро сумела овладеть собой. Миг – и в лице ее не было ни страха, ни смущения, лишь умиротворенная безмятежность.

– Я не держу зла на вас, – тихо сказала она, – разумеется, я и мои сестры помолимся за ваших сыновей – и живого, и мертвого. Таков наш долг.

– Помолитесь! И помолитесь хорошенько. Не забывайте – от этого многое зависит, – процедила сквозь зубы Гвендилена.

– Мы сделаем все что сможем, остальное – в руках богини, – отозвалась монахиня.

«А ты – в моих руках! Не забывай об этом», – думала Гвендилена, с ненавистью глядя ей в лицо, но Герентруда словно не заметила этого. Она подошла к кроватке малыша Гердвина, поднесла свечку поближе и долго, пристально вглядывалась в детское личико. Потом положила руку ему на лоб и, прикрыв глаза, принялась читать молитву. Гвендилена не смогла разобрать слов, но почему-то ей стало страшно. Казалось, молодая монахиня не просто молится, но в самом деле призывает богиню! И та слышит и видит ее...

А главное – может откликнуться.

Закончив, Герентруда кивнула другой монахине – той, с закрытым лицом.

– Сестра Нанна, подойди... Помоги этому ребенку!

Та простерла руки над малышом, и Гвендилена готова была поклясться, что видела, как от ее ладоней исходит легкое золотистое сияние, окутывает ребенка, словно кокон, скрывая от взглядов всех присутствующих... И что происходит с ним там, внутри – не дано ведать людям.

На миг у Гвендилены появилось абсурдное, но отчетливое ощущение, что маленький Гердвин может исчезнуть, раствориться в этом легком, чуть мерцающем свете и, возможно, чудесным образом возродиться где-то в ином мире... Она так испугалась, что хотела было оттолкнуть монахиню, прогнать ее прочь, но не посмела даже двинуться с места или произнести хоть слово.

Постепенно золотое сияние стало слабеть и гаснуть. Монахиня с закрытым лицом опустила руки (точнее, уронила, словно они вдруг стали невероятно тяжелыми). Две другие монахини подхватили ее под локти и отвели в сторону, что-то тихо приговаривая. Видно было, что несчастная совершенно обессилела и с трудом держится на ногах.

Герентруда еще раз взглянула на малыша Гердвина (теперь он безмятежно спал), поправила одеяло, чуть улыбнулась... И, обратившись к Гвендилене, сказала:

– Мы сделали все, что могли, госпожа королева. Теперь вашему сыну поможет только время... А мы с сестрами хотели бы поскорее вернуться к себе в монастырь.

Гвендилена чуть приподняла бровь.

– Разумеется, вы уедете, – ответила она, – уедете сразу после того, как мой сын поправится! А пока... – она улыбнулась, но сама чувствовала, насколько неискренней вышла эта улыбка, – пока будьте моими гостями!

«Будьте гостями, чтобы не пришлось стать пленницами», – добавила она про себя и потянулась за колокольчиком.

– Отведи святых сестер в лучшие покои для гостей! – чуть понизив голос, приказала она служанке и, помедлив, добавила: – И позови ко мне Яспера.

Яспер, как всегда, явился очень быстро. Порой Гвендилена начинала подозревать, что он не человек вовсе, а дух, способный возникать ниоткуда...

– Святые сестры из монастыря Анрабены пробудут у нас какое-то время. Проследи, чтобы им доставляли все, что они пожелают, – приказала она, – и распорядись поставить у дверей стражу из *джедри-айр*.

Глава 4

Малыш Гердвин спал крепко и долго – весь день и всю ночь, до следующего утра. Гвендилена сидела рядом, боясь оставить его хоть ненадолго. Время от времени она ненадолго проваливалась в дремоту, а просыпаясь, видела, как меняется состояние ребенка – сначала его дыхание стало ровным, спокойным и глубоким, потом щеки стали постепенно розоветь, губы тронула легкая улыбка, словно ему снилось что-то хорошее.

Когда наступило утро и солнце уже стояло высоко, Гердвин открыл глаза, потянулся, потом сел в постели и сказал:

– Мама, я хочу есть! Пусть принесут хлеба с молоком... А где Ригор? Мы будем сегодня играть в лошадки?

Смеясь и плача одновременно, Гвендилена обняла ребенка и принялась целовать его лицо, руки, плечи...

– Мой малыш, мой любимый... Ты здесь, ты со мной! – бессвязно повторяла она. Гердвин поначалу очень удивился такому бурному проявлению чувств, потом обнял Гвендилену за шею и крепко прижался к ней.

– Матушка, мне приснился страшный сон, – шепнул он ей на ухо, – как будто Ригора унесла большая черная туча! А мне сначала было плохо, а потом стало очень хорошо...

– Это только сон, – Гвендилена смахнула слезу, – только сон.

Услышав их голоса, из-за ширмы вышла Ги́ла – заспанная, бледная, безмерно усталая. Видно было, что напряжение последних дней и ей далось нелегко! Взглянув на малыша Гердвина, целительница только руками всплеснула, потом пощупала лобик ребенка, заглянула ему в рот...

– Это чудо, – спокойно и просто сказала она, – монахини и вправду сумели его сотворить!

Из осторожности Гвендилена решила выждать еще три дня, но малыш Гердвин чувствовал себя прекрасно – ел, пил, играл, крепко спал по ночам... Единственное, что печалило его – это исчезновение Ригора, который был рядом с ним с самого рождения. Гвендилена не знала, как сказать ребенку о смерти брата, но лгать ему не хотела.

– Его взяли к себе боги, – объяснила она.

Малыш задумался. Изображения богов он видел в храме, куда Гвендилена иногда водила его. На фресках они все выглядели красивыми и молодыми, с добрыми глазами и улыбками на устах...

– Теперь он будет с ними играть? – очень серьезно спросил он.

– Непременно будет! – пообещала Гвендилена. Сама она не очень-то верила в это, но не огорчать же сына! Он и так настрадался.

* * *

На четвертый день она приказала позвать к себе мать-настоятельницу. Майвин снова стояла перед ней, скромно опустив глаза долу. Гвендилена была рада, что рядом с ней хотя бы не было странной спутницы с закрытым лицом.

– Что ж... – медленно и веско вымолвила она, – мой сын жив и будет жить. Благодарю тебя. Ты можешь просить о любой награде!

«Только не проси повернуть время вспять», – подумала она, но, к счастью, Герентруда не сказала ничего подобного.

– Меня не за что благодарить, госпожа королева, – улыбнулась она, – я сделала что могла, но... – монахиня замялась, словно не могла подобрать подходящие слова.

– Но – что? – быстро спросила Гвендилена.

– Мальчик все равно бы поправился, – призналась Герентруда, – наши целительницы помогли ему, но от болезни умереть он не может. У него особенная судьба.

– Ты знаешь будущее моего сына? Говори! – приказала Гвендилена. – Если тебе дорога твоя жизнь и твоя обитель, говори все, что знаешь. И не смей лгать!

– Кто вручил свою жизнь богам, всегда говорит правду, – кротко ответила монахиня, – мне неизвестно, какая жизнь суждена вашему сыну, я знаю лишь, откуда придет его смерть.

Гвендилена вся дрожала от возбуждения и гнева. Как ей хотелось сейчас отдать монахиню в руки палачей и отправить в пыточный подвал! Там-то уж она наверняка рассказала бы всю правду...

– Так что угрожает ему? Яд? Оружие? Огонь? Вода? Или он проживет долгую жизнь и спокойно умрет от старости?

– Нет, – покачала головой Герентруда.

Она вскинула голову, посмотрела Гвендилене прямо в глаза, и под этим взглядом та почувствовала себя так, словно стояла обнаженная на холодном ветру.

– Свою смерть он может принять только из ваших рук! – твердо ответила монахиня. – Другой ему не дано.

Гвендилена почувствовала себя совершенно обескураженной. Слова Герентруды обожгли ей сердце... «Нет, нет, этого не может быть! – думала она. – Эта дерзкая девчонка, возмнившая себя провидицей, просто лжет мне, стараясь отомстить за прошлые обиды. А может быть, она помешалась от своих молитв и уединенной монастырской жизни? Вполне вероятно, да, впрочем, какая разница! Пусть убирается отсюда поскорее, чтобы я никогда в жизни ее больше не видела!»

– Хочешь сказать, что мой сын будет жить вечно? – она усмехнулась, но усмешка вышла кривая, жалкая. К тому же горло почему-то сжалось, и голос звучал тихо, даже робко... Гвендилена и сама это чувствовала.

– В этом мире ничто не длится вечно, госпожа королева, – ответила монахиня. – Прощайте. Я и мои сестры хотели бы поскорее вернуться в свою обитель.

– Ваше желание будет исполнено, – сухо отозвалась Гвендилена и позвонила в колокольчик.

Яспер, как всегда, явился почти мгновенно.

– Мать настоятельница Герентруда и святые сестры сегодня покидают нас! – объявила Гвендилена. – Прикажи дать им лучших лошадей, припасов на дорогу и все, что они пожелают. А от себя я жертвую обители Анрабены пять тысяч золотых!

– Благодарю за щедрость, госпожа королева, – Герентруда низко поклонилась, – я и мои сестры будем молиться за вас.

Глава 5

Через год, когда истек срок траура по малышу Ригору, Гвендилена решила торжественно отметить во дворце праздник Жатвы. Горе от потери ребенка немного притупилось, и, хотя Гвендилена все еще плакала порой ночами, вспоминая умершего сынишку, малыш Гердвин был для нее лучшим утешением. Мальчик рос таким умным, красивым и ласковым, что просто сердце радовалось, и Гвендилена не забывала возносить благодарственные молитвы богам за то, что он остался жив.

Про слова Герентруды о том, что свою смерть маленький Гердвин может принять только из ее рук, Гвендилена старалась не вспоминать. И у нее это получалось – ну почти всегда.

Год выдался удачный, урожайный, и погода стояла хорошая – солнечная, тихая и теплая. К празднику готовились заблаговременно – во дворец привезли много фруктов и овощей, слуги под руководством майордома трудились над украшением пиршественного зала, и для простого народа тоже готовилось обильное угощение, чтобы даже нищие были счастливы и довольны в этот день.

Певцы, танцоры и музыканты под руководством барда Перегрина подготовили целое представление – историю о том, как злобный подземный бог Хаттаг похитил Мерву, дочь богини плодородия Алиены, и та блуждала в поисках своего ребенка, оглашая землю плачем и стенаниями. Наступил голод, люди и животные страдали, но все закончилось хорошо – маленькая птичка принесла слезы богини-матери к престолу Всевышнего – главного бога, чье имя нельзя называть вслух, и тот приказал Хаттагу освободить пленницу. Перегрин написал длинную пьесу в стихах на этот сюжет с пением и танцами, актеры репетировали без передышки, и придворные художники рисовали декорации на льняных полотнищах...

В общем, работа во дворце кипела. Все ждали праздника с каким-то особенным нетерпением, похожим на лихорадочное возбуждение, словно надеясь, что в этот день произойдет что-то необыкновенное и важное.

И вот праздник наконец наступил. С самого утра Гвендилена велела убрать подальше опостылевший траур и с помощью служанок облачилась в шелковое зеленое платье, богато украшенное золотой вышивкой и кружевами. Пока девушки причесывали ее, подкрашивали глаза и губы, помогали надеть украшения, она сидела перед зеркалом и, придирчиво разглядывая свое отражение, с долей радостного изумления видела, что, несмотря на все испытания, увядание почти не коснулось ее!

«Я молода и буду молода еще долгие годы, – думала она, – не все ли равно, сколько лет я прожила, если на лице они не отразились? И это хорошо, ведь впереди еще так много всего – я увижу, как растет мой сын, буду наставлять его и помогать стать королем, найду ему хорошую невесту, порадуюсь внукам...»

Мысли ее прервал скрип двери.

– Мама, ты самая красивая! – малыш Гердвин, по случаю праздника наряженный в лиловый бархатный костюмчик и рубашку с кружевами, подбежал к ней, обнял, ткнулся головой в плечо.

За ним вошла Амаласунта. Желтое атласное платье особенно удачно подчеркивало цвет ее глаз и чуть смугловатую кожу, окрашенную легким румянцем... Она тоже выглядела радостной в предвкушении праздника, от привычной недовольной гримасы на лице не осталось и следа.

– Доброе утро, матушка, – кротко сказала она.

– Ты прекрасна, дорогая! – с чувством произнесла Гвендилена, поправляя дочери чуть растрепавшийся локон. – Идем, нам пора... Нужно предстать перед народом!

Взяв за руки сына и дочь, Гвендилена шла по длинным дворцовым коридорам в сопровождении слуг и придворных, и на миг ей показалось, что она не идет – летит, словно за спиной выросли крылья! Миновав длинные дворцовые коридоры, они поднялись по лестнице и оказались на балконе, выходящем на городскую площадь. Хильдегард нарочно приказал перестроить дворец таким образом. «Когда я хочу говорить с народом, мне не хочется идти слишком далеко!» – ухмыляясь, говаривал он, и Гвендилена готова была с ним согласиться.

Оглядевшись, она с удовлетворением отметила, что площадь заполнена людьми и все взгляды устремлены на нее. Набрав побольше

воздуха в грудь, она подняла руку и провозгласила:

– Приветствую вас, мои добрые подданные! Благословенна жатва!

– Благословенна жатва! – нестройно, но дружно раздалось в ответ.

Ободренная такой поддержкой, Гвендилена произнесла короткую прочувствованную речь – поздравила подданных с праздником Жатвы, посоветовала воздать хвалу богам за хороший урожай и выразила надежду, что и следующий год будет таким же удачным. В конце она предложила всем хорошо отпраздновать этот день, пользуясь королевской щедростью, и по ее сигналу слуги начали выносить мясо, фрукты, хлеб и вино, предназначенные для угощения простого народа.

Толпа восторженно загудела. Тут и там раздавались крики «Слава королеве!», «Да живет она!», «Слава наследнику!», «Слава династии!»...

Довольная произведенным эффектом, Гвендилена помахала рукой и удалилась вместе со свитой. Даже краткое общение с народом показалось ей довольно утомительным...

– Теперь идемте праздновать, – весело сказала она детям, – нас ждет пир!

– А разноцветное желе будет? – задумчиво спросил малыш Гердвин.

– Будет непременно, – пообещала Гвендилена. Повар Глан хоть и состарился за эти годы, но мастерства не утратил.

Шурша шелковым платьем, в сопровождении детей и придворных, она вошла в большой пиршественный зал. Слуги постарались на славу, украшая его разноцветными лентами, снопами колосьев и гирляндами из последних осенних цветов. Повсюду были разложены большие подносы с румяными яблоками, истекающими соком грушами, персиками, спелым виноградом и прочими дарами доброй и щедрой земли.

В честь праздника сегодня здесь собралось множество приглашенных из числа членов Королевского совета, городской знати и окрестных землевладельцев. Гости чинно переговаривались, расхаживая по залу, но при ее появлении стихли разговоры, все присутствующие мужчины стали кланяться в знак приветствия, дамы приседали в реверансах... Идя к столу, Гвендилена милостиво кивала и улыбалась. Она заняла место во главе и пригласила всех присутствующих отдать должное еде и напиткам.

– Благословенна жатва! Прошу вас, мои друзья и ближние...

Обед был длинный, с переменной двенадцати блюд. Звучали длинные и цветистые тосты, присутствующих развлекали музыканты, певцы и жонглеры, но Гвендилена почему-то не смогла съесть ни кусочка – к горлу подступила тошнота, перед глазами мелькали темные мушки. Больше всего ей хотелось бежать отсюда без оглядки, а главное – увести прочь малыша Гердвина. Но нельзя, нельзя... Зал полон гостей, многие из них – богатые и влиятельные люди, опора ее власти, а потому надо соблюдать приличия.

Наконец слуги убрали со стола тарелки, оставив только вино и фрукты. Впереди было еще представление! Заиграла музыка, раздвинулись занавеси, и перед присутствующими появились боги, герои, волшебные существа на фоне нарисованных декораций... Они пели, танцевали, изъяснялись стихами, и все, происходящее на сцене, казалось волшебством, словно хитроумному Перегрину удалось каким-то чудом воссоздать древние легенды из небытия.

Богиня Алиена наставляла свою дочь быть осторожной и не приближаться к пещере, откуда открывается путь в подземное царство. Как это всегда бывает, девушка отнеслась к ее предостережению легкомысленно и отправилась собирать цветы на лужайке. «Видимо, у богов и людей дела обстоят примерно одинаково! – со вздохом подумала Гвендилена, покосившись на Амаласунту. – Никто не хочет слушать матерей...»

В этот момент она почувствовала, как кто-то слегка потянул ее за рукав. Обернувшись, она увидела, как малыш Гердвин пытается достать большое красное яблоко из вазы с фруктами и не может дотянуться до него.

– Мама, дай, – тихо попросил он.

– На, возьми, милый! – Гвендилена взяла яблоко и протянула малышу. Гердвин схватил его и счастливо улыбнулся, показывая чуть косой передний зубик.

Музыка грянула громче. Наступил самый волнующий момент – злобный Хаттаг схватил юную Мерву и, перекинув через плечо, скрылся в пещере, нарисованной на холсте. Богиня-мать, заломив руки, произнесла длинный монолог в стихах и, разорвав свои роскошные одежды, накинула черное покрывало и отправилась скитаться в поисках дочери.

Зрители следили за происходящим, затаив дыхание. Но Гвендилена вдруг услышала рядом какой-то странный звук... И помертвела от ужаса. Малыш Гердвин как-то странно запрокинул голову и судорожно хватал воздух широко раскрытым ртом. Едва надкусанное яблоко выпало у него из рук, и Гвендилена вмиг поняла, что произошло – ребенок подавился и не может дышать.

– Гилу! Позовите сюда Гилу, немедленно! – крикнула она. – Мой сын умирает! Уйдите все, прошу... Позовите Гилу!

Действо на сцене остановилось. Перепуганные актеры разбежались кто куда. Гости поднимались из-за стола и спешно покидали пиршественный зал, словно там начался пожар. Кто-то из слуг ринулся к двери – надо думать, затем, чтобы позвать целительницу.

А малыш Гердвин хрипел и задыхался. Смертельная бледность разлилась по его личику, потом он начал синеть... Напрасно Гвендилена трясла его и колотила по спине – ничего не помогало, проклятый кусок яблока застрял в горле крепко. Сжимая ребенка в объятиях, она чувствовала, как гаснет дыхание и жизнь постепенно покидает маленькое тельце...

Гила вошла быстрым шагом, как всегда, собранная и деловая. Оценив ситуацию, она повернула малыша Гендвина спиной к себе, положила на колено, сцепив пальцы, нажала на грудь ребенка... Кусок яблока выпал на пол. Гвендилена вздохнула было с облегчением, но, как оказалось, радоваться было рано – мальчик уже не дышал. Напрасно Гила, расстегнув рубашку ребенка, нажимала ему на грудь, напрасно она снова и снова прижимала губами ко рту, словно пытаясь вдохнуть в него жизнь... Наконец, оставив бесплодные попытки, она обернулась к Гвендилене.

– Ничего не поделаешь. Мне очень жаль. Он умер.

– Нет! Этого не может быть! – крикнула она, кинулась к ребенку, прижала к себе... И тут же убедилась, что целительница права. Голова малыша Гердвина бессильно моталась на шее, тело стало странно податливым, словно восковая кукла, глаза были широко раскрыты, но свет в них уже погас.

Она положила тело ребенка на стол – осторожно, словно боялась причинить ему боль. Потом обвела опустевший зал невидящим, остекленевшим взглядом и тихо вымолвила:

– Он взял это яблоко из моих рук.

– О чем это ты? – Гила озабоченно посмотрела на нее, подошла ближе, заглянула в глаза, коснулась ладонью лба, но Гвендилена досадливо отбросила ее руку.

– Я сама дала ему это яблоко! – закричала она. – Тогда, год назад... Эта монахиня... Она сказала, что мой сын примет смерть из моих рук! И теперь это сбылось!

– Прекрати, – строго сказала Гила, – успокойся и води себя как подобает. Или ты хочешь прослыть безумной?

– Мне все равно! – огрызнулась Гвендилена. – Мои сыновья мертвы! Оба! Она сделала это нарочно, я уверена... Столько лет ждала своего часа, чтобы отомстить, и дождалась! Будь она проклята вместе со своей богиней! Камня на камне не останется от ее монастыря, а всех сестер, этих лицемерных шлюх, возомнивших себя святыми, я велю продать в публичный дом в Терегисте!

– Перестань, – Гила старалась говорить спокойно, но голос ее дрогнул – пожалуй, впервые за долгие годы, – если ты поступишь так, то очень пожалеешь!

Но Гвендилену уже было не остановить.

– Кто ты такая, чтобы указывать мне? Я сравняю с землей это гадючье гнездо! Сегодня же пошлю туда отряд *шеди-аваль*... И никто не помешает мне сделать это! Слышишь ты, никто!

Гила повернулась и молча вышла.

Оставшись в одиночестве, Гвендилена схватила серебряный колокольчик и отчаянно затрясла им. Яспер явился на зов, как всегда, хотя вид у него был испуганный и подавленный. Таким он не был даже после смерти Хильдегарда... Туда, где лежало тело малыша Гердвина, он старался не смотреть.

– Иди и позови сюда Олева, командира *шеди-аваль*! – распорядилась Гвендилена. – У меня есть срочное поручение для него.

Глава 6

Наутро Гвендилена проснулась рано. Солнечный луч щекотал ресницы, и его прикосновение было таким нежным и теплым...

Она открыла глаза и улыбнулась, такое красивое и ясное выдалось утро. Легкий ветерок чуть трепал тонкую полупрозрачную белую занавеску, море вдалеке сверкало и переливалось на солнце всеми оттенками бирюзы. «Хороший день сегодня... – подумала Гвендилена, потягиваясь и протирая глаза, – наверное, малыш Гердвин захочет погулять в парке!»

Она еще улыбалась, пока не проснулась окончательно. Воспоминание о случившемся вчера обрушилось на нее, словно каменная глыба. Только сейчас, осознав, что Гердвина больше нет и никогда не будет, Гвендилена поняла с отчетливой и жестокой ясностью, что теперь ни этот день, ни любой другой не будет для нее по-настоящему хорошим.

Мир словно подернулся серой пеленой. Море уже не казалось таким ярким и красивым, солнце стало тусклым, и все вокруг стало ненужным, лишним, раздражающим...

Гвендилена с некоторой досадой вспомнила о том, что вчера отправила отряд *шеди-аваль* в обитель Анрабены. Они могут скрыть до основания этот монастырь, замучить монахинь, но ей не станет легче! И малыша Гердвина это уже не вернет.

Голову пронзила острая боль. «Надо позвать Гилу, – решила Гвендилена, – у нее наверняка найдется какое-нибудь снадобье на такой случай!»

Она потянулась за колокольчиком. На звонок явилась служанка – совсем юная, рыжая и веснушчатая. Раньше Гвендилена не видела ее... Девушка напомнила ей веселую хохотушку Летту – и это тоже почему-то раздражало.

– Позови ко мне Гилу! Да поскорее, – приказала она.

Перепуганная девушка опустила голову, уставившись на свои башмаки.

– Ну, что ты стоишь? Иди! – прикрикнула на нее Гвендилена.

Она отвернулась к стене. Смотреть на мир, видеть солнце, море, а особенно людей было просто невыносимо! Как они смеют жить, если малыша Гердвина больше нет?

Девушка явилась совсем скоро, но почему-то одна.

– Где Гила? – резко спросила Гвендилена.

– Простите, госпожа, она не может прийти, – пролепетала служанка.

– Не может? Это почему же? – Гвендилена чувствовала, как все внутри закипает от еле сдерживаемой ярости. – У нее есть более важные дела?

– Нет... Просто она умерла! – выпалила девушка.

– Как умерла? Этого не может быть!

Гвендилена вскочила с постели, забыв про головную боль. То, что Гила могла умереть, оставив ее одну в такой момент, просто в голове не укладывалось! Этого не могло быть, если только...

– Подай мне платье, – приказала она, – да не то, черное.

И дрогнувшим голосом добавила:

– Мой сын вчера умер.

* * *

Войдя в комнату Гилы, Гвендилена замерла на пороге. В нос ударил тяжелый пряный запах, уже знакомый ей. Так пахло от маленького пузырька с темной жидкостью, которой когда-то Гила поила ее, чтобы заглушить боль от ожогов. «Значит, она сделала это сама, – поняла Гвендилена, – значит, больше не захотела жить!»

Целительница лежала на ложе, застеленном белым покрывалом, в платье с вышитыми цветами и звездами. Это платье Гвендилена уже видела на ней – давно, еще в Кастель-Маре, когда умер Людрих... Лицо Гилы было очень бледным и спокойным, руки сложены на груди, а пальцы крепко сжимали небольшой свиток пергамента, скрепленный алой сургучной печатью, похожей на кровавое пятно.

– Она оставила для вас послание, госпожа, – голос служанки доносился откуда-то издалека.

– Да, я вижу, – собственный голос показался ей далеким и глухим, – уйдите все, уйдите прочь...

Она долго смотрела на мертвое лицо женщины, которая была рядом с ней столько лет. Не то чтобы Гвендилена так уж любила Гилу – порой та была просто невыносима! – но привыкла ощущать ее рядом, доверять ей и знать, что она никогда ее не предаст и не покинет.

Зато теперь покинула навсегда.

– Зачем ты это сделала, Гила? – тихо спросила Гвендилена. – Зачем ты оставила меня одну? Да еще в такой момент...

Гвендилена осторожно наклонилась и прикоснулась губами к холодному лбу мертвой целительницы. Она осторожно разжала мертвые пальцы и взяла письмо.

– Похороните ее как подобает! – коротко сказала она слугам, выходя из комнаты.

Лишь уединившись в своих покоях, Гвендилена решилась распечатать послание. Буквы прыгали перед глазами, строчки извивались, словно змеи под корягой... Лишь усилием воли взяв себя в руки, Гвендилена сумела сосредоточиться.

«Когда ты прочтешь это послание, меня уже не будет в живых. Знай – я, Гиллиам ап Кеаллах, ухожу, потому что сама так решила, и сожалею лишь о том, что не сделала этого раньше. Много лет я жила ради того, чтобы отомстить за тех, кого любила, но только теперь поняла, что месть – это путь в никуда, в пустоту. Со мной случилось худшее из того, что может произойти, – я позволила злу завладеть моей душой. Ради своей мести я помогала тебе и позволила сотворить много дурных дел. Я глубоко раскаиваюсь в этом, но не в силах исправить то зло, что ты причинила с моей помощью, а потому не хочу и не могу больше жить.

Мне жаль тебя. Прощай».

Слуги во дворце потом долго со страхом шептались о том, как из покоев королевы раздался то ли крик, то ли вой – не человеческий, скорее звериный. Потом стало тихо...

Никто не осмеливался войти туда, пока тихонько не звякнул серебряный колокольчик, которым Гвендилена обыкновенно вызывала слуг. Перепуганная горничная застала свою госпожу ничком лежащей на ложе. Не поднимая головы, она тихо вымолвила:

– Позови Яспера.

Яспер, по обыкновению, явился на зов немедленно и скромно встал у порога. Чуть приподняв голову от подушки, Гвендилена

произнесла каким-то тусклым, неживым, словно задушенным голосом:

– Пошли гонца за отрядом *шеди-аваль*. Я приказываю им возвращаться.

Глава 7

Дни становились короче, а ночи – длиннее, с деревьев облетела листва, и теплые ясные дни перешли в то сырое, слякотное время, что в Терегисте называли *предзимьем*. После похорон малыша Гердвина дворец, по настоянию Гвендилены, погрузился в глубокий траур, и сама она жила в каком-то странном оцепенении, в полусне.

Казалось, незримая стена отделяет ее от других людей – совсем как когда-то давно, еще в юности, после смерти сестры Аيي. Порой Гвендилена замечала, что слуги и придворные сторонятся ее – не смотрят в глаза, стараются не коснуться случайно, замолкают, стоит ей войти в комнату... Не то чтобы Гвендилену это как-то особенно волновало, но она понимала, что ее положение после смерти наследника стало шатким и ненадежным, и, если она хочет сохранить свою власть и положение, необходимо что-то предпринять.

Однако стоило ей стряхнуть оцепенение хоть ненадолго – например, попытаться задуматься о будущем и строить какие-то планы, – душу начинала терзать такая боль, что выдержать ее было просто невозможно. К тому же рядом больше не было Гилы с ее снадобьями... Без нее Гвендилена чувствовала себя особенно одинокой!

В конце концов она решила просто дать себе время, чтобы хоть немного успокоиться и прийти в себя. «Пусть сначала пройдет срок траура, а потом я подумаю о насущных делах, – решила она, – ведь все еще может измениться!»

Впрочем, она сама в это не верила.

Теперь Гвендилена проводила целые дни, занимаясь рукоделием, которое прежде не любила, или просто бесцельно глядя в окно. Порой она забывала вовремя поесть или засыпала, сидя в кресле... Пожалуй, это было лучшее из всего, что происходило с ней в эти дни. Там, во сне, все было хорошо, и порой Гвендилена задумывалась о том, что хорошо было бы и вовсе не просыпаться, чтобы ничего не делать, ни о чем не думать, ни о чем не вспоминать...

Но все же пришлось – и гораздо раньше, чем она рассчитывала. Когда в воздухе закружились первые снежинки, во дворец явился

гонiec из Орны. Толстый невысокий человечек с большими пышными усами вел себя очень уверенно, если не сказать – высокомерно. Явившись в покои Гвендилены, он коротко поклонился и произнес:

– Мой господин, король Сигриберт, приносит вам свои соболезнования по случаю кончины вашего сына Гердвина и желает посетить вас, чтобы обсудить государственные дела!

Меньше всего на свете Гвендилена хотела бы принимать гостей, но отказать Сигриберту было невозможно, это она понимала.

– Да, разумеется, я буду рада видеть у себя короля Сигриберта и ценю его участие, – произнесла она тихим, лишенным выражения голосом.

Посол еще раз поклонился и вышел.

Сигриберт приехал в Терегист незадолго до праздника Йома. «Видно, очень спешил! – отметила про себя Гвендилена. – Значит, хочет поговорить о чем-то действительно важном...»

Она решила встретить высокого гостя не в тронном зале, а в кабинете Хильдегарда, и таким образом принять его не как короля и правителя сопредельной державы, а как члена семьи, можно сказать, даже родственника. Обычно в кабинете покойного мужа Гвендилена бывать избегала – эта небольшая, но богато отделанная комната с резными панелями из темного дуба на стенах казалась ей какой-то мрачной и к тому же навевала неприятные воспоминания, но сейчас решила сделать исключение.

«По крайней мере, обстановка соответствует духу траура», – думала она, сидя перед зеркалом и придирчиво оглядывая свое отражение. Конечно, скорбящей женщине не пристало украшать себя, но она все же приказала служанкам подвести ей глаза и напудрить лицо – совсем немного, чуть-чуть. Результатом Гвендилена осталась довольна. Лицо выглядело бледным, страдальческим, но прекрасным и одухотворенным, как изображение святой Раванны – покровительницы всех матерей, горюющих об умерших детях, – в главном храме Терегиста.

Впрочем, ее старания были напрасны, это она поняла сразу. Сигриберт даже не взглянул на нее.

– Госпожа королева, я хотел бы поговорить с вами наедине, – произнес он.

Гвендилена сделала знак слугам удалиться. Сигриберт молчал какое-то время, собираясь с мыслями. Лицо его было мрачным и сосредоточенным, и Гвендилена сразу поняла, что вряд ли то, что он собирается сказать, обрадует ее.

– Госпожа королева, я знаю о постигшем вас горе, – наконец начал он, – и приношу вам свои глубочайшие соболезнования.

«Но не за этим ты приехал, – думала Гвендилена, пристально глядя ему в лицо, – в прошлом году, когда умер Ригор, любящий дядюшка ограничился лишь официальным письмом... А сейчас – совсем другое дело, тебе что-то нужно от меня!»

– Однако я хотел бы поговорить о делах, – продолжал Сигриберт. Видно было, что этот разговор ему крайне неприятен, но отступать он не намерен. – Я уважаю волю моего отца, который много лет назад пожелал разделить страну между мной и братом. За эти годы я ни разу не посягал на его владения и не нарушал договор мира и родства, заключенный между нами... Но теперь, после смерти принца Гердвина, род моего брата по мужской линии пресекается, трон остался без наследника, и Терегист ожидает смута – сейчас или через некоторое время.

Гвендилена молчала, стараясь ничем не выдать своих мыслей. Ей казалось невероятно важным не упустить ничего из того, что скажет Сигриберт, но еще важнее – понять, что на самом деле скрывается за его словами.

«Ты хочешь сказать – когда я умру? Или раньше, если городская знать и местные землевладельцы откажутся подчиняться женщине не королевской крови, а проще говоря – простолюдинке?»

– Чтобы этого избежать, я хочу снова объединить королевство, а потому предлагаю вам добровольно сложить с себя королевский титул, отречься от престола в мою пользу и вместе с дочерью удалиться в одно из поместий, принадлежащих вам.

«Так вот что тебе было нужно на самом деле! Что ж, этого следовало ожидать... И время ты выбрал подходящее, когда Терегист может упасть в руки сам, словно спелое яблоко. То самое яблоко, что погубило моего сына, будь оно проклято!»

– Вам будет выделено щедрое содержание в размере двадцати тысяч золотых ежегодно, и, кроме того, я обещаю вам защиту и

покровительство. Со временем, когда срок траура закончится, я найду для вашей дочери достойного мужа и обеспечу ее приданым.

«Достойного – значит, верного тебе? Чтобы мои внуки точно не смогли стать королями и стояли у твоего трона? Что ж, ты неплохо все рассчитал... Но радоваться рано! Я еще жива, а значит – все может измениться».

Сигриберт закончил говорить. В воздухе повисла неловкая пауза, но Гвендилена не спешила нарушить молчание. Наконец она веско, с достоинством произнесла:

– Дорогой Сигриберт... полагаю, как вдова вашего брата, я имею право так вас называть? Я благодарна вам за искреннее сочувствие по поводу смерти моего сына и вашего племянника, а также за то, что вы так озабочены спокойствием и процветанием Терегиста. Однако, прежде чем принять ваше благородное и щедрое предложение, я должна подумать, а главное – обсудить его с Королевским советом.

И, чуть помолчав, добавила:

– О своем решении я извещу вас незамедлительно!

Глава 8

Заседание Королевского совета Гвендилена назначила уже на следующий день. Каждый миг промедления казался ей опасным... Нужно было придумать что-то прямо сейчас, немедленно!

Всю ночь она проворочалась без сна, придумывая подходящие слова, чтобы достучаться до умов и сердец членов Королевского совета. Сейчас она готова была на что угодно: снизить налоги, вернуть Терегисту древнее право вольного города, отозвать Людриха из ордена *арверанов*, отдать Амаласунту в жены любому, кто займет королевский престол и будет бороться за него...

Однако, войдя в зал совета и окинув взглядом лица присутствующих, Гвендилена сразу поняла, что проиграла. Эти люди словно не видели ее!

Или не хотели видеть.

Председатель совета Аризантий – высокий, худощавый, с морщинистым лицом и седыми волосами – поднялся ей навстречу. За ним встали и остальные, но Гвендилена успела заметить эту маленькую заминку. Прежде такого не случалось!

– Госпожа королева, – произнес Аризантий, – мы рады видеть вас в добром здравии. Относясь с уважением к вашему горю, мы приняли решение не созывать совет в дни траура, однако сейчас мы должны обсудить создавшееся положение дел.

Гвендилена хотела было вставить хоть слово, но почему-то не смогла этого сделать. Во рту пересохло, горло сжалось, и она чувствовала себя такой беспомощной и жалкой!

А председатель все говорил, и его голос креп, звенел металлом, наливался силой с каждым произнесенным словом:

– После смерти малолетнего принца Гердвина, наследника трона Терегиста, ваше регентство прекратилось естественным путем. Мы чтим вашего покойного супруга, короля Хильдегарда, и вас, разделяем ваше горе и скорбим вместе с вами, однако страна не может оставаться без законной власти.

Он сделал короткую паузу, набрал побольше воздуха в грудь и продолжал:

– Поэтому мы готовы согласиться на предложение короля Сигриберта о воссоединении Северного и Южного королевств, Терегиста и Орны, под его властью и просим вас подписать отречение от престола в его пользу. Мы уже подготовили документ, в котором подробно оговариваются условия...

«Значит, Сигриберт уже успел склонить их на свою сторону, – подумала Гвендилена. – Интересно, как ему это удалось – да еще так быстро? Посулы, угрозы, что-то еще... Да, впрочем, какая разница? Важно другое – они уже приняли решение».

Аризантий замолчал. Гвендилена еще раз обвела взглядом всех присутствующих.

– Что ж, господа, – медленно вымолвила она, – если Королевский совет считает, что для процветания Терегиста он должен снова стать провинцией Орнвайской империи и утратить самостоятельность, я вынуждена подчиниться вашему решению. Я не хочу становиться причиной раздора и потому предпочту удалиться из города, где мой муж, король Хильдегард, правил достойно и справедливо много лет и где, я надеюсь, о нем навсегда сохранится добрая память.

Она вздохнула и, поднеся к сухим глазам кружевной платочек, добавила:

– Остается только радоваться, что он не видит того, что происходит сегодня.

Эта короткая речь была ее последней надеждой. Однако на лицах собравшихся не отразилось ничего – может быть, кроме некоторого облегчения от того, что неприятный разговор подошел к концу. Председательствующий Аризантий развернул перед Гвендиленой пергаментный свиток и протянул ей перо.

– Подпишите вот здесь, госпожа королева.

Пальцы противно дрожали, но Гвендилена все же сумела справиться с собой и подписать свое имя.

– Теперь я больше не ваша королева! – ответила она. – Прощайте, господа.

Глава 9

Гвендилена вышла из зала совета с гордо поднятой головой, однако, едва она переступила порог, силы покинули ее. Ноги стали будто ватные, в глазах потемнело, и к горлу подступила тошнота... Она прислонилась к стене, чтобы не упасть.

Прикрыв глаза, Гвендилена старалась дышать ровно и глубоко, как когда-то давно ее учила Гила, чтобы побороть дурноту и не потерять сознание. Мысль о том, что слуги и придворные найдут ее лежащей на полу, жалкой и беспомощной, была невыносима и потому придавала сил.

– Матушка, – услышала она совсем рядом знакомый голос, – матушка, что с тобой?

Открыв глаза, Гвендилена узнала Амаласунту – и на душе сразу потеплело. «Моя девочка... Она ждала меня, беспокоилась, – с нежностью думала она, – только она и осталась у меня теперь... Ничего, мы еще поборемся! Все может измениться, разве не так?»

– Ну что? Как все прошло? – быстро спросила Амаласута.

Гвендилена лишь развела руками.

– Прости, дочь, – тихо сказал она, – я ничего не могла сделать. Мне пришлось подписать отречение в пользу Сигриберта. Королевский совет был против меня...

Лицо Амаласунты стало чужим и холодным.

– Подписать отречение? Как ты могла! Ты подумала, что теперь будет с нами... Со мной!

Она почти кричала, и Гвендилена физически ощущала волну ненависти и презрения, исходящую от нее. «А ведь когда-то моя дочь была такой милой девочкой! – рассеянно подумала она. – Даже странно, как такое могло случиться?»

– Нам придется уехать в Кастель-Мар, – произнося эти слова, она хотела провалиться сквозь землю, – а потом, когда срок траура закончится, Сигриберт обещал найти тебе хорошего мужа.

Но Амаласунта лишь фыркнула, сморщив хорошенький носик.

– Вот еще! Наверное, какого-нибудь деревенского мужлана. Я не желаю всю жизнь прозябать в какой-то дыре! И не хочу уезжать в

Кастель-Мар, или как он там называется...

– Вообще-то ты там родилась, – заметила Гвендилена.

– Может быть, – отрезала Амаласунта, – но умирать я там не собираюсь!

Она повернулась и быстро пошла прочь, стуча каблуками. Слушая звук ее удаляющихся шагов, Гвендилена чувствовала, как ее сердце словно покрывается ледяной коркой.

«Я одна, – думала она, – я совсем одна... Больше у меня нет никого. И наверное, уже не будет».

Глава 10

Утром, едва открыв глаза, Гвендилена увидела небо, затянутое плотной пеленой облаков, и свинцово-серое море вдали. Весь мир казался ей холодным и мрачным, как этот промозглый и пасмурный день...

Хотелось повернуться лицом к стене и заснуть снова, но отчего-то сон не шел. Нехотя Гвендилена потянулась за серебряным колокольчиком. Служанка – та самая, рыжая и веснушчатая – принесла кувшин и таз для умывания.

– Доброе утро, госпожа...

Она замялась, и Гвендилена сразу заметила это. «Весь город уже знает, что я больше не королева, – думала она, плеща в лицо ледяной водой, – надо уезжать поскорее, чтобы, по крайней мере, дожить свои дни в тишине и спокойствии, подальше отсюда!»

Подавая полотенце, служанка не смогла сдержать зевоту и, расчесывая волосы Гвендилены, уронила гребень.

– Что за неуклюжая! – вспылила Гвендилена. – Почему ты движешься, как сонная муха? Ты что, не выспалась? Твой любовник не давал тебе спать всю ночь? Если уж ты хочешь предаваться утехам, по крайней мере, постарайся быть более расторопной!

– Простите, госпожа, – девушка покраснела и опустила глаза, – дело совсем не в этом! Сегодня во дворце многие не спали. Тут такое было...

– В чем дело? – насторожилась Гвендилена. – Что произошло и почему я об этом не знаю?

Поняв, что сболтнула лишнего, служанка смутилась еще больше.

– Ничего, госпожа, – быстро проговорила она, – ничего не произошло, в самом деле, ничего...

Лгать девушка явно не умела. Пальцы ее нервно теребили край передника, глаза бегали, и даже лоб покрылся испариной. Гвендилена сразу поняла – во дворце этой ночью случилось нечто из ряда вон выходящее!

– Говори, – приказала она, – говори все, что знаешь. Да, я уже не королева, но пока еще могу приказать высечь тебя или отправить

работать в свинарник!

И задумчиво добавила:

– А может, то и другое вместе.

Из глаз девушки брызнули слезы. Она упала на колени, закрыв лицо руками.

– Прошу вас, госпожа, не наказывайте меня! Я не сделала ничего плохого, ничего... Умоляю вас!

– Говори, – твердо и холодно повторила Гвендилена, – говори, и тебе ничего не будет за это.

В ее голосе было нечто такое, что служанка сочла за лучшее взять себя в руки. Шмыгнув носом, она утерла слезы ладонью и принялась рассказывать:

– Вчера король Сигриберт выпил много вина за ужином – так много, что слугам пришлось под руки отвести его в спальню.

«Видимо, хотел отпраздновать свою победу, – невесело подумала Гвендилена, – еще бы, он получил Терегист! Причем без особых усилий».

– Когда он хотел лечь в постель и откинул одеяло, то увидел, что там лежит госпожа Амаласунта, – продолжала служанка, – она была совсем голая! Сказала, что не хочет ехать в Кастель-Мар и ради этого готова на все.

На мгновение у Гвендилены потемнело перед глазами. «Только этого позора мне еще не хватало! Амаласунта всегда была дерзкой, но чтоб такое...»

– А что же Сигриберт? Он ведь ее родной дядя! – спросила она, чувствуя, как леденеют губы и колет в груди. Но служанка поспешила успокоить ее:

– Господин Сигриберт – благородный человек! Он настоящий король... – девушка мечтательно закатила глаза, и видно было, что она сама мечтала бы оказаться в его постели хоть на одну ночь. – Говорят, он даже сразу протрезвел.

– Что же он сделал?

– Сначала он попросил госпожу Амаласунту уйти, а когда она отказалась, завернул ее в одеяло и приказал своим слугам отнести ее в ее комнату – дескать, ей стало плохо и она ошиблась дверью... А потом велел им стоять на страже у двери до утра. Она кричала, отбивалась, но ее все равно унесли.

«Теперь об этом знают все во дворце... – с горечью думала Гвендилена, – а совсем скоро будут знать и в Орне. Слуги молчать не станут. Вряд ли тогда Сигриберт сможет выдать замуж Амаласунту хоть за кого-нибудь, даже если захочет!»

– Подай мне платье, – приказала она, – и пойдی скажи королю Сигриберту, что я хочу поговорить с ним, чтобы принести извинения за этот досадный случай.

– Это невозможно, госпожа, – ответила служанка, – господин Сигриберт уехал рано утром, как только рассвело. Он не пожелал более здесь оставаться.

«Ну да, конечно... Его можно понять! – со вздохом решила Гвендилена. – Не каждый день человеку приходится видеть собственную племянницу в своей постели».

– Подай мне платье, – повторила она, – я хочу поговорить с моей дочерью.

* * *

Она вихрем ворвалась в комнату Амаласунты. Дочь спала, обняв подушку, и выглядела при этом такой юной и невинной, что Гвендилена даже заколебалась на миг – а что, если все, произошедшее ночью, всего лишь чей-то злой навет или досадное недоразумение?

– Амаласунта, проснись! Расскажи мне, что случилось ночью!

Девушка открыла глаза и, увидев Гвендилену, скорчила недовольную гримасу.

– Ничего не случилось! Зачем ты меня разбудила?

На мгновение Гвендилена потеряла дар речи.

– Ничего? Ты влезла в постель к родному дяде и считаешь это ничего не значащей мелочью? О твоём позоре сегодня же будут судачить слуги во дворце, а завтра – весь город!

Лицо Амаласунты стало злым, глаза сузились, и даже нос как будто заострился так, что она стала похожа на хищного зверька – не крупного, но опасного и свирепого.

– И что с того, если мне все равно придется уехать отсюда? Ты отреклась от престола и не подумала обо мне! По крайней мере, я хотя

бы попыталась сделать что-то, чтобы изменить свою жизнь и не прозябать в глуши и безвестности, а ты не смогла!

Она окинула Гвендилену взглядом с головы до ног и добавила с нехорошей, кривой усмешкой:

– Впрочем, ты слишком стара для этого. А сейчас, – она широко зевнула и повернулась на другой бок, – если ты сказала все, что хотела, то дай мне поспать.

Глава 11

Путь до замка Кастель-Мар показался долгим и утомительным – может быть, не настолько, как много лет назад, когда Гвендилена преодолела его закованной в цепи рабыней, но все же. Амаласунта настояла на том, что желает ехать в отдельной карете, и Гвендилена не препятствовала дочери. Находиться рядом с ней для нее самой было бы тяжело.

За эти годы, оставшись без хозяина, Кастель-Мар изрядно обветшал. Теперь даже издалека он не казался сказочным замком, парящим над морем... Покидая его, Хильдегард оставил некоторых слуг во главе с майордомом Скаларием, чтобы присматривали за порядком, но их усилий было явно недостаточно. Скрипели полы, в щели задувал ветер, камин и печи немилосердно дымили, в комнатах пахло сыростью, и на стенах появилась противного вида серо-зеленая плесень. Гвендилена пыталась поначалу распорядиться, наводить порядок, как-то налаживать новую жизнь, но совсем скоро махнула рукой. Ей стало все равно...

Больше всего ее огорчало теперь поведение дочери, Амаласунты. Приехав в замок и освоившись немного на новом месте, она даже не пыталась скрывать свои многочисленные любовные похождения. В ее постели мог оказаться кто угодно – и офицер *джедри-айр* из охраны, и секретарь, и даже слуга!

Последней каплей стал тот случай, когда Гвендилена увидела, как из комнаты дочери выходит смуглый красавчик – только вчера он прислуживал за столом, наливая вино. Заметив Гвендилену, он ничуть не смутился, напротив – браво подкрутил чуть пробивающийся ус и посмотрел весело и лукаво.

Обычно Гвендилена старалась не заходить в покои дочери, но это было уж слишком! Распахнув двери, она ворвалась без стука. Амаласунта лежала на кровати в одной сорочке, болтая босой ногой, и беззаботно мурлыкала какую-то песенку. В воздухе пахло духами, потом и еще чем-то неуловимым, но, несомненно, порочным.

– Встань и оденься, – брезгливо сказала Гвендилена, – я хочу поговорить с тобой.

– Так говори, – беззаботно отозвалась дочь.

– Ну не здесь же! – Гвендилена дернула плечом. – Жду тебя в малом каминном зале, и как можно скорее. Если не придешь, то очень пожалеешь.

Видимо, в ее лице и голосе, а главное – в глазах было нечто такое, что Амаласунта сочла за лучшее послушаться. Совсем скоро она вошла в каминный зал, одетая и причесанная. Правда, дерзости у нее ничуть не убавилось, это Гвендилена поняла сразу.

– Ты хотела видеть меня? Я здесь.

Скрестив руки на груди, Гвендилена принялась отчитывать дочь:

– Что ты делаешь? Ведешь себя как публичная девка в солдатском борделе!

Но Амаласунта вовсе не выглядела пристыженной или смущенной, напротив – зеленые глаза смотрели дерзко, и тонкие губы кривились в презрительной усмешке.

– Я дочь короля, не так ли? А потому могу делать то, что захочу!

– Взять на ложе раба – позор для благородной дамы!

– Это все из-за тебя! – выпалила она. – Если бы моя мать была женщиной высокого происхождения, я не осталась бы незамужней!

– Как ты смеешь так разговаривать со мной? – Гвендилена старалась говорить спокойно, но в голосе дрожала с трудом сдерживаемая ярость.

Но Амаласунту уже было не остановить.

– Смею! Мой отец был королем, а твой – дровосеком!

Это было как удар в лицо. Гвендилена почувствовала сжимающую боль в груди, в глазах на мгновение потемнело, и она с трудом сумела устоять на ногах.

– Он был старшим лесничим... – вымолвила она и не узнала свой голос – таким слабым и робким он ей показался.

– Старшим лесничим! – фыркнула Амаласунта. – О да, это совершенно меняет дело!

Дочь стояла перед ней, уперев руки в бока, похожая на осу в своем черно-желтом бархатном платье – тонкая, дрожащая от ненависти...

Гвендилена чувствовала, как ее переполняет гнев. Не помня себя, она замахнулась... Хлесткий звук пощечины отозвался гулким эхом. Рука будто сама вцепилась в темные вьющиеся волосы дочери. Ярость

рвалась наружу, и злые слова выплескивали все, что накопилось на душе:

– Да, я незнатного рода... Да, мой отец был егерем и лесником, приносил домой дичь и порой продавал дрова, тайком срубленные в лесу! Я была служанкой, чистила котлы и носила платья, перешитые из мешковины... Но я вышла замуж за короля, а ты не смогла!

Амаласунта не ожидала такого. Но не боль была причиной того, что в ее глазах плескался страх. В этот миг Гвендилена готова была убить ее, и дочь почувствовала это.

– Отпусти... Отпусти меня! – тихим, каким-то задушенным голосом взмолилась она.

Гвендилена выпустила волосы дочери и устало сказала:

– А теперь убирайся. Можешь делать что хочешь, но я больше не желаю тебя видеть.

Амаласунта кое-как дрожащими руками поправила сбившуюся прическу и торопливо выбежала прочь, подхватив пышные юбки. Гвендилена не повернула головы, чтобы посмотреть ей вслед, но в груди что-то сжалось, болезненно и остро... А потом разлетелось на тысячу осколков.

Глава 12

С того дня Гвендилена стала тихой, задумчивой и почти перестала выходить из своих покоев. Этой зимой умер майордом Скаларий, без хозяйского присмотра замок окончательно обветшал, слуги стали ленивы и вороваты, но ей было все равно.

Она не замечала, как зимние снегопады сменились первой капелью. За окном бушевала весна, деревья покрывались листвой, звенели птичьи голоса, и сам воздух, что просачивался в духоту ее спальни сквозь приоткрытое окно, был таким пьянящим, вкрадчиво-нежным...

Раньше Гвендилена всегда любила весну и каждый раз чувствовала себя обновленной, помолодевшей и свежей, но сейчас не ощущала ничего, кроме усталости и досады, а главное – странной внутренней опустошенности, словно ей вдруг стало незачем жить.

Тяжелее всего было по ночам. Стоило лишь смежить веки, и спальню наполняли непрошенные гости. Зыбкие тени возникали из воздуха, обретали человеческие черты и проходили перед ней длинной чередой. Айя, бледная и прекрасная, в подвенечном платье, вышитом матерью, с кровоточащей раной на виске; Лейр Сладкоголосый гордо вскидывал голову, отбрасывая назад золотистые кудри, – вместо глаз у него зияли кровавые пустые провалы, но сейчас его, похоже, это не особенно беспокоило; Людрих, безобразно раздутый, с гримасой страдания на посиневшем лице; принцесса Эвина в белом одеянии с расплывшимися алыми пятнами; Римеран и Теобальд с окровавленными кинжалами; Хильдегард с маленькой вышитой подушкой в руках; Альдерик с черным шелковым шнурком на шее; Гила, держащая запечатанный конверт... Последним шел маленький Гердвин с красным яблоком в ладошке, и от его взгляда, от доверчивой и нежной улыбки, обнажающей чуть косой передний зубик, у Гвендилены просто сердце переворачивалось.

Они обступали ее постель и всю ночь до рассвета стояли молча, глядя на нее. Исчезали они только с рассветом, и лишь тогда Гвендилена могла поспать немного. Напрасно она пробовала зажигать свечи, приказывала служанкам ложиться спать у порога, окуривала

спальню травой *geer*, отгоняющей злых духов, и даже как-то позвала священника из храма Радующихся Сердец – того самого, что когда-то венчал ее с Хильдегардом. Он скороговоркой пробормотал несколько молитв, побрызгал вокруг освященной водой, но потом почему-то испугался и поспешил уехать, даже отказавшись от обеда и вина.

Но и днем было не легче. Гвендилена не чувствовала себя больной, но в ней словно сломалось что-то. Порой она даже не вставала с постели и целый день проводила, занятая собственными невеселыми мыслями. Она вспоминала всю прошедшую жизнь, день за днем, и недоумевала. Борьба, страдания – зачем все это было? Неужели только для того, чтобы лежать под шелковым балдахин, безучастно смотреть в окно и ждать неизвестно чего?

А что впереди? Только смерть... Но даже не это пугало ее больше всего. Гораздо сильнее Гвендилену тревожила мысль: а вдруг *там*, за гранью, где каждый из живущих заканчивает земное существование, и в самом деле что-то есть?

Однажды ей приснился Аннун – каменистая бесплодная земля под багровым небом, – и несколько дней она не находила себе места. Даже хотела послать за сестрами из обители Анрабены, но снова увидеть Майвин было бы невыносимо... Гвендилена ограничилась богатыми дарами и просьбой помолиться за нее, но легче не стало.

* * *

Весна уже перетекла в лето, и даже по ночам в замке стояла тяжкая, горячая духота. Гвендилена лежала без сна и в который раз думала о том, что до утра еще далеко, а ночные гости не думают уходить. С некоторых пор она завела привычку спать с кинжалом под подушкой, на случай, если кто-то из слуг позарится на немногие оставшиеся у нее драгоценности... Или для нее самой жизнь станет окончательно невыносима.

«Совсем как в родной деревне, когда я, опасаясь похотливого отчима, спала с ножом под подушкой, – невесело усмехнулась она, – надо же, прошло столько лет, и ничего не изменилось!»

Но этой ночью что-то пошло не так. Скрипнула дверь – и незваных гостей из иного мира как ветром сдуло! В тишине ее спальни

послышались легкие шаги.

– Кто здесь? – встрепелась Гвендилена.

Даже если в ее покои прокрался убийца, она готова была встретить его лицом к лицу! Рука скользнула под подушку, пальцы сжали рукоятку кинжала.

Она проворно вскочила с постели.

– Кто бы ты ни был – стой на месте! – крикнула она... и осеклась – перед ней стояла Амаласунта. Устыдившись, Гвендилена опустила кинжал. – Что тебе нужно? – спросила она.

Она старалась говорить строго и холодно, но сердце, проклятое сердце предательски дрогнуло. Дочь, одетая в легкое белое платье, с распущенными волосами, выглядела такой юной и невинной...

– Матушка... Матушка, прошу, прости меня за все! Прости за горе, что я тебе причинила, за жестокие слова, за то, что обращалась с тобой не так, как подобает...

Голос ее прервался. По щекам потекли слезы. В этот миг дочь выглядела такой близкой, родной, что Гвендилена порывисто обняла ее, прижала к себе. Уткнувшись лицом в плечо матери, она крепко, как когда-то в детстве, обхватила ее за шею.

Гвендилена с трудом сглотнула тяжелый комок в горле. Как долго она ждала этих слов! Глядя волосы дочери, перебирая темные выющиеся пряди, она бессвязно повторяла:

– Да, да, мое дитя! Прощаю тебя за все. Теперь все будет хорошо, вот увидишь... Моя любимая девочка, ты снова со мной!

Слезы капали у нее из глаз, и казалось, будто они растопили лед в сердце. Сейчас Гвендилена чувствовала себя так, словно скинула с плеч тяжелый груз... Она обнимала дочь и почти не чувствовала, что та пытается отстраниться – еле заметно, но все же.

– Пойдем... Я хочу показать тебе кое-что! – Амаласунта таинственно улыбнулась. – Это мой подарок.

– Хорошо, – согласилась Гвендилена, отирая слезу со щеки. Время, когда она радовалась подаркам, давно прошло, но сейчас – совсем другое дело! То, что ее девочка решила чем-то порадовать, тронуло ее до глубины души. Казалось, вернулись те времена, когда маленькая Амаласунта приносила ей в кулачке ракушку, цветок, блестящий камешек – и так же улыбалась...

Она не заметила, что на лице дочери мелькнуло злое, мстительное выражение.

– Идем, – Амаласунта протянула руку, и Гвендилена последовала за ней.

Они прошли длинным коридором в левое крыло замка. Амаласунта остановилась у потайной двери, привычным движением нажала чуть заметный выступ... Каменная плита отодвинулась почти бесшумно, открывая путь в подземелье.

Они спустились в подвал по узкой крутой лестнице. Давно, еще в бытность фрейлины принцессы Эвины, Гвендилена знала, что в подвале оборудована особая комната – тайная кладовая, где когда-то мать Хильдегарда хранила свои сокровища. Правда, она сама там никогда не бывала... А вот Амаласунта шла уверенно, и видно было, что этот путь был для нее привычным и знакомым. «Когда она только успела найти этот тайник? – удивилась Гвендилена. – Все-таки, оказывается, моя дочь интересуется не только своими любовниками!»

Отворив тяжелую дверь, ведущую в маленькую кладовую, Амаласунта пропустила мать вперед. В лицо пахло холодом, пламя свечи задрожало и едва не погасло. Хотелось бежать отсюда прочь, но Гвендилена справилась с минутной слабостью.

Амаласунта наклонилась и с видимым усилием откинула тяжелую крышку сундука.

– Смотри, матушка! Это все для тебя!

В тусклом свете драгоценные камни сверкали и переливались, но почему-то их блеск казался зловещим, темным, как вода в омуте. Гвендилена взглянула и с трудом устояла на ногах. На самом верху лежал драгоценный венец – тот самый, что когда-то она нашла на берегу Бездонного озера. Это было невероятно! Через столько лет... Эта вещь имела особую власть, и противиться ей она не могла даже сейчас.

В этот миг Гвендилена позабыла обо всем на свете. Она опустилась на колени, протянула руку, вся подалась вперед... Венец снова был у нее в руках!

В последний миг она чуть повернула голову и боковым зрением успела увидеть тяжелую крышку сундука, окованную железом, летящую прямо на нее. И лицо дочери – злое, торжествующее... В этот миг она впервые узнала в ней себя и ужаснулась.

Потом была только вспышка боли... И темнота.

Эпилог

Когда Гвендилена снова открыла глаза, первым, что она увидела, было черно-багровое небо Аннуна. Она даже не слишком удивилась, оказавшись здесь...

Лежа на каменистой земле, она чувствовала, как горячий сухой воздух щекочет ноздри, и запахи были все те же – пыли, тлена и ядовитой травы. Кажется, время здесь остановилось еще тогда, много лет назад, когда она была всего лишь зеленой девчонкой.

Гвендилена попыталась подняться на ноги. Сделать это оказалось нелегко – руки и ноги были словно налиты свинцом, все тело болело, кружилась голова, а на зубах скрипел песок, принесенный горячим ветром, но лежать подобно раздавленной лягушке почему-то казалось особенно унижительно.

Она видела, как тусклый свет в черно-багровом небе постепенно гаснет, как тени, возникающие ниоткуда, обступают ее плотным кольцом, протягивают к ней руки, раболепно кланяются и расступаются, образуя жутковатый коридор, в конце которого виднеется остов Стеклоанной башни.

«Все как тогда... – подумала она, – круг замкнулся, я вернулась туда, откуда пришла!»

На миг мелькнула мысль – а что, если попытаться снова обмануть судьбу, сбросить венец, нырнуть в озеро, а там будь что будет, но Гвендилена тут же отогнала ее как малодушную и недостойную. Какая-то часть ее рассудка знала – где бы она ни вынырнула, снова окажется здесь, потому что это место принадлежит ей по праву, так же как и она ему.

И это навсегда.

А если так – прочь малодушие! Она королева и останется ею, даже если ей придется стать королевой проклятых.

Гвендилена гордо вскинула голову. Она оглядела толпу уродливых теней, и под ее взглядом у многих появилось на лицах угодливое, раболепное выражение. Подняв руку, словно призывая всех к вниманию, она провозгласила:

– Приветствую вас, мои подданные! Я – ваша королева... И я пришла.